

ЭДУАРД ЛАБУЛЭ

СЖАЗИ

**ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
БИБЛИОТЕКА СКАЗОК
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ВЗРОСЛЫХ**

Эдуардъ Лабулэ.

ЭДУАРД ЛАБУЛЭ

**ИЗБРАННЫЕ
СКАЗКИ**

БАНК КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

• 1991 •

84.4 Фр
Л-127

Laboulaye Edouard-Rene Lefebvre (1811-1883)

Текст печатается по изданиям:

Эдуард Лабулэ. 'Мальчик-с-пальчик. Маленький человек. Доволен ли ты? Или происшествие с носами.— С.-Петербург, 1896.

Эдуард Лабулэ. Ивон и Финетта.— С.-Петербург, 1896.

Эдуард Лабулэ. Зербин-Бирюк. Золотое руно.— С.-Петербург, 1896.

Сказки, рассказы, очерки и речи Эдуарда Лабулэ.— С.-Петербург, 1870.

Эдуард Лабулэ. Чешские и немецкие сказки. Т. II.— С.-Петербург, 1869.

Лабулэ. Избранные сказки.—М.-Петроград, 1923.

Как петушок попал на крышу.— Челябинск, 1957.

ISBN 5-85865-002-3

© Банк культурной информации, 1991
Составление, оформление, разработка серии

Автор прелестных сказок, вышедших в 1864 г. на французском языке под заглавием "Голубые сказки", Эдуард Лабулэ, пользуется широкой европейской известностью как учёный, публицист и политический деятель. Лабулэ родился в Париже 18 января 1811 г. Посвятив себя юридическим наукам, он уже первыми своими трудами обратил на себя внимание учёного мира. В 1839 г. он написал замечательное исследование: "Историю поземельной собственности на Западе"; а за этим трудом последовал целый ряд других, свидетельствовавших о редкой начитанности и учёности молодого автора. В 1849 г. он был назначен профессором сравнительного правоведения во Французской школе и своими блестящими лекциями по истории Соединённых Штатов привлекал массы слушателей. В то же время он занимался и публицистикой. Будучи горячим поборником свободы личности, он не мог мириться с политическими порядками Франции при Наполеоне III и беспощадно осмеивал их в своих статьях и памфлетах, которые иногда облакал в форму сказки. Из этих последних особенной известностью пользуются его сказка "Принц-собачка" и политическая сатира "Париж в Америке", переведённые на многие языки. После падения Наполеона Лабулэ

стал играть видную роль и как политический деятель. Но эта многосторонняя кипучая деятельность не мешала ему предаваться и занятиям совершенно другого рода. Лабулэ обнаруживал пристрастие к сказочной форме не только потому, что ему казалось более удобным облекать в неё свои политические идеи. Этот род народной литературы интересовал его и сам по себе, как неисчерпаемый источник поэзии и народной мудрости. Он с любовью изучал сказочную литературу разных народов, и плодом этих занятий явились его собственные "Голубые сказки", которые он посвятил своим внукам. Первый выпуск этих сказок, как мы уже сказали, появился в 1864 г., второй - в 1867 г., а третий в самый год его смерти - в 1883 году.

В сказках Лабулэ сюжеты по большей части заимствованы из народных, но остроумный писатель умеет облекать даже самые избитые сказочные мотивы в такую оригинальную грациозную форму, пересказывает их с таким тонким юмором, обнаруживая на каждом шагу столько меткой наблюдательности и знания человеческой души, что его сказки с наслаждением читаются не только детьми, но и взрослыми. Некоторые, по глубине вложенной в них идеи, только последними и могут быть вполне поняты и оценены.

И с к у с с т в о

у п р а в л я т ь л ю д ь м и

КОРОЛЬ ЧУДАК И ПРИНЦ МИЛАШКА

Много лет тому назад в королевстве Глупых Трав, счастливой стране, земле благословенной природой, где мужчины всегда правы, а женщины никогда не бывают неправы, жил-был король, который думал только о счастье своего народа, и, как гласит предание, никогда не скучал. Но любил ли его народ, это осталось под мраком неизвестности. Верно только то, что придворные не питали к своему государю ни особенного уважения, ни любви. Они прозвали его королём Чудаком, именем, под которым он известен в истории, как это видно из *великих хроник* никогда не существовавших *королевств* и *княжеств*, - произведения образцового по своей учёности и обессмертившего своего творца, преподобного отца дон Мельхиседека де Ментирас и Несэдод.

Овдовев через год после своей женитьбы, король Чудак сосредоточил всю свою любовь на своём единственном сыне и наследнике. Это был прелестнейший ребёнок - нежный, как бенгальская роза, - с прекрасными белокурыми волосами, падавшими локонами на его плечи, с голубыми глазами, с правильным

носиком, маленьким ртом и острым подбородком; вообще, он напоминал собой херувима.

Уже на восьмом году этот необыкновенный ребёнок восхитительно танцевал, ездил верхом не хуже знаменитого наездника Франкони и фехтовал, как сам Гатшер. Как приветливо улыбался он и величественно раскланивался народу, проезжая мимо толпы! Недаром голос народа, этот никогда не ошибающийся голос, прозвал его принцем Милашкой, именем, которое за ним так и осталось. Милашка был прекрасен, как день; но, говорят, и солнце имеет пятна, а принцы

гордятся своим сходством с этим светилом. Придворные восхищались доброю наружностью ребёнка; но от пронизательного взгляда любви и зависти не ускользнули некоторые, набрасывавшие на него тень, черты. При гибкости и ловкости в телесных упражнениях, Милашка обнаруживал умственную лень и заражён был мыслью, что он знает всё, ничему не учась. Правда, гувернантки, придворные и лакеи беспрестанно втолковывали ему, что труд создан не для королей, и что для принца достаточно щедрою рукою бросать поэтам, писателям и художникам часть тех денег, которые собирать ему народ считает за величайшее для себя счастье.

Такие слова льстили самолюбию Милашки и произвели наконец то, что уже на двенадцатом году это милое дитя решительно отказалось учиться грамоте. Трое наставников из самых опытных и самых терпеливых: аббат, философ и полковник, каждый со своей стороны, пытались преодолеть в нём это юное мужество, но старания их были безуспешны; аббат при этом потерял свою философию, философ - свою тактику, а полковник свою латынь. Выйдя победителем из этой первой борьбы, Милашка не терпел ни от кого ни малейшего противоречия, не признавал над собой ничьей власти, никакого закона. Упрямый, как мул, раздражительный, как индийский петух, лакомый, как кошка, ленивый, как сытая змея, он был, впрочем, в полном смысле принцем, гордостью прекрасной страны Глупых Трав, надеждой и любовью народа, выше всего ценившего в своих правителях грацию и красоту.

ДЕВИЦА ПАЦЦА

Н есмотря на то, что и король Чудак, так же, как и его сын, получил придворное воспитание, он был человек неглупый; ему не нравилось невежество Милашки, и он нередко с беспокойством думал о будущности королевства в руках принца, которого легко мог провести последний из льстецов. Но что было делать ему с этим ребёнком, завещанным ему обожаемою им женщиной, к тому же им самим так сильно любимым, что скорее он готов был уступить ему свою корону, нежели видеть его слёзы: любовь обезоруживала его. Что бы ни говорили поэты - любовь не слепа, и, если бы в их словах была правда, для людей было бы возможно полное на земле счастье. Для любящего сердца и то уже мучение, если оно, вопреки собственному желанию, становится рабом и соучастником неблагодарного любимца, видящего любовь к нему.

По окончании государственных занятий король Чудак проводил вечера у маркизы Косторо, когда-то нянчившей его на руках; при дворе с ней одной он мог делиться воспоминаниями о своём детстве и юности. В молодости она была, как говорят, весьма некрасива и слыла за колдунью, но свет коварен, и на его сплетни не всегда можно полагаться. Резкие черты лица и седые

густые волосы маркизы позволяли предполагать, что в своё время она была красавицей.

Однажды, когда Милашка вёл себя более неразумно, чем когда-нибудь, король вошёл к маркизе с печальным видом. По обыкновению, он сел за приготовленный заранее карточный стол и, взяв колоду карт, начал раскладывать пасьянс, что делал всегда, когда хотел отогнать от себя какую-нибудь тревожившую его мысль или позабыть хоть на время заботы о государственных делах и неприятности, сопряжённые с королевской властью. Едва он разложил в известном порядке несколько карт, как глубокий вздох вырвался из его груди.

- Маркиза, - сказал он, - я самый несчастный отец и король. Сын мой, несмотря на свою природную кротость, с каждым днём становится своевольнее и порочнее: неужели мне суждено оставить после себя такого наследника и вверить счастье народа коронованному дураку?

- В природе, - заметила маркиза, - на каждом шагу мы находим крайности. Рядом с ленью идёт красота, ум неразлучен с безобразием; за примером ходить недалеко. Недавно приехала ко мне правнучка, у которой родных, кроме меня, нет никого; она черна, как жаба, худа, как паук, вместе с тем хитра, как обезьяна, и рассуждает, как книга; а ей ещё нет и десяти лет. Впрочем, вы сами, государь, можете полюбоваться маленьким уродцем, о котором я говорю. Король Чудак повернул голову и увидел ребёнка, наружность которого во всём соответствовала описанию маркизы. Выдавав-

шийся лоб, чёрные и дикие глаза, растрёпанные и зачёсанные назад по-китайски волосы, матовая и смуглого цвета кожа, большие белые зубы, длинные руки - всё это вместе делало её далеко не похожей на лесную нимфу. Но и бабочка выходит из кокона; дайте же время и этому ребёнку расправить свои крылышки: нередко из этих страшных десятилетних девочек выходят впоследствии красавицы. Девочка подошла к королю и сделала ему реверанс с таким серьёзным видом, что Чудак невольно улыбнулся.

- Кто ты такая? - спросил король, взяв ребёнка за подбородок.

- Государь, - ответила она, - я донна Долорес-Розарио-Кораль-Конха-Бальтазара-Мельхиора-Гаспар и Тодос-Сантос, дочь благородного рыцаря дона Паскуаля-Бартоломео-Франческо де Ассиз и...

- Довольно, - сказал король, - я не желаю знать твоей родословной; мы здесь не на твоих крестинах и не на твоей свадьбе, скажи мне, как тебя обыкновенно зовут!

- Государь, - отвечала она, - меня зовут Пацца!*

- А почему тебя зовут Пацца?

- Потому, что это не моё имя, государь.

- Странно, - заметил король.

- Напротив, государь, - сказал ребёнок, - весьма естественно. По словам моей тётушки, я слишком глупа, и ни одна святая не пожелает, чтобы я носила её имя; вот почему

* По-итальянски это слово значит *сумасшедшая*; из этого видно, что в королевстве Глупых Трав говорят на довольно смешанном языке.

она и дала мне такое, которое, верно, не оскорбит никого из святых.

- Остро! - сказал король, - ты далеко не глупая девушка. Не каждый относится так, как ты, к святым. Если ты такая философка, то можешь ли сказать мне, что такое учёный?

- Могу, государь; учёный тот, кто понимает, что он говорит и что делает.

- Чёрт возьми! - воскликнул король, - Да если бы мои учёные были такими, как ты их описываешь, я давно бы из своей академии сделал государственный совет и поручил ему управление государством. Ну, а что такое невежа?

- Невежи, - отвечала Пацца, - бывают трёх родов! Во-первых, такие, которые ничего не знают; во-вторых, такие, которые толкуют о том, чего сами не знают, и наконец, такие, которые не хотят ничему учиться; но учить их - то же, что мёртвых лечить.

- Это ты говоришь мне пословицу, а знаешь ли ты, что такое пословица?

- Знаю, государь, это - мудрость народная.

- А почему?

- Потому что все они - глупы, - отвечала Пацца, - в них не узнаешь, что бело и что чёрно, они всех оттенков и на все вкусы. Пословицы, как колокола, отвечают "да" или "нет", смотря по расположению того, кто прислушивается к их звукам.

Сказав это, Пацца подпрыгнула и ловко поймала жужжавшую под самым носом короля муху, чем привела его в крайнее

изумление; после того, усевшись на полу, она стала играть со своею куклою.

- Ну, государь, - сказала маркиза, - что вы скажете об этом ребёнке?

- Она слишком умна, - сказал король, - и долго не проживет.

- Ах! Государь, - воскликнул ребёнок, - как можно говорить перед тётушкой подобные вещи, ей ведь уже не десять лет.

- Молчи, маленькая цыганка, - сказала маркиза, - разве с королём можно так говорить?

- Маркиза, - сказал Чудак, - мне пришла в голову мысль хотя и страшная, так что я едва решаюсь высказать её даже вам, однако я намерен привести её в исполнение. Вы видите, что я лично не имею никакого влияния на своего сына; советы других на него также не действуют, не подействует ли на него эта глупенькая девушка? Будь я доверчивее к себе, я не задумался бы назначить Паццу в наставницы к Милашке. Не слушаясь учителей, он, может быть, покорится этому ребёнку. Я знаю, что никто не согласится со мной и, напротив, все будут против меня.

- Но, - заметила маркиза, - свет так глуп, что думать не так, как думают все, уже значит быть умным.

ПЕРВЫЙ УРОК

Таким образом, Пацце поручено было обучение молодого принца. Правда, назначение её на эту должность не имело официального характера; в придворной газете не было объявлено, что король со своею всегдашнею проницательностью нашёл гения, которому и вверил образование сердца и умственных способностей своего сына; но со следующего же дня принц Милашка стал посещать маркизу и проводить время в играх с Паццей.

Оставшись в первый раз наедине, оба ребёнка молча смотрели друг на друга. Пацца, как более смелая, первая прервала молчание:

- Как тебя зовут? - спросила она своего нового товарища.

- Те, которые не знают меня, говорят мне: ваше высочество, - отвечал он, несколько обидевшись её фамильярным с ним обращением; те, которые близки ко мне, говорят мне просто: государь; но все и всегда говорят мне: вы. Этого требует этикет.

- Что такое этикет? - спросила Пацца.

- Не знаю, - ответил принц Милашка. - Когда я стану прыгать или кричать, или мне захочется порезвиться, меня останавливают и говорят: это против правил этикета; и я делаюсь смирным и скучаю, вот это и называется этикетом.

- Мы здесь для того, чтобы играть вместе, - заметила Пацца, - между нами не должно быть никакого этикета; мы, как брат и сестра, будем говорить друг другу: ты, и я не буду называть тебя государем.

- Но ты не знаешь меня.

- Что же из этого? - сказала Пацца, - Я буду тебя любить, это будет лучше. Говорят, ты хорошо танцуешь, поучи меня.

Первый шаг был сделан; Милашка обхватил молодую девушку за талию и менее,

нежели в полчаса, она уже умела танцевать польку того времени.

- Хорошо! - сказал он ей, - Ты сразу поняла все па.

- Потому что ты хороший учитель, - отвечала она ему; - теперь моя очередь выучить тебя чему-нибудь.

Она взяла книжку с картинками и стала показывать ему изображения памятников, рыб, попугаев, портреты государственных людей, учёных, изображения редких животных и растений, и всё, что могло занять его.

- А вот, - сказала ему Пацца, - указывая на печатные страницы и объяснения этих картинок, - прочтём-ка их.

- Да я не умею читать, - заметил принц Милашка.

- Ничего, я тебя научу, я буду твоей маленькой учительницей.

- Нет, - отвечал царственный упрямец, - не хочу читать, мне учителя надоели.

- Но ведь я не учитель, смотри - вот А, какое прекрасное А; ну скажи: А.

- Нет, - сказал принц, хмуря брови, - никогда не скажу: А.

- Даже, если бы ты этим доставил мне удовольствие?

- Никогда! Довольно, я не люблю, когда меня заставляют делать то, чего я не хочу.

- Милостивый государь, - сказала Пацца, - вежливые кавалеры никогда ни в чём не отказывают дамам.

- Я отказал бы даже самому дьяволу в юбках, - ответил молодой принц надменным тоном, - оставь меня, я тебя больше не люблю; говори мне: мой государь.

- Государь Милашка, или мой милый государь, - сказала Пацца, краснея от негодования, - вы будете читать, или скажите почему.

- Не буду!

- Нет? раз, не будете? два... три...

- Нет! нет! нет!

Пацца подняла руку; затем слышались

звуки: пиф! паф! - и сын короля получил две пощёчины. Пацце натолковали, что она умна, а она и поверила этому; с детьми не следует шутить такими вещами.

Получив такой урок, принц Милашка сначала побледнел и задрожал от гнева, кровь бросилась ему в лицо, на глазах навернулись слёзы, и он посмотрел на свою молодую учительницу таким взглядом, что она в свою очередь затрепетала от страха. Но после неестественной для его возраста внутренней борьбы с собою он победил свой гнев и слегка взволнованным голосом сказал:

- Пацца, эта буква называется: А.

И в тот же день он выучил все буквы азбуки; к концу недели стал складывать, а

не прошло месяца, как он уже мог читать всякую книгу.

Конечно, счастливее всех был король Чудак. Он ласкал Паццу, желал, чтобы она постоянно была при нём или при его сыне, и сделал этого ребёнка, к великому негодованию придворных, своим советником и другом. Милашка стал задумчив и молчалив, выучился скоро всему, что мог передать ему его юный ментор, и опять поступил к своим прежним наставникам, которых он удивил своими познаниями и своим послушанием. Он всегда хорошо знал свои уроки из грамматики, так что аббат однажды спросил себя, что, если определения, которых он сам не понимал и не понимает, лишены всякого смысла, и его воспитанник заметит это. Принца не менее изумлял и философ, который каждый вечер преподавал ему противное тому, чему поутру его учил аббат. Но из всех своих учителей с наименьшим отвращением он слушал полковника. Правда, Штык - так звали полковника - был искусный стратег и мог сказать о себе изречение одного древнего философа: *Homo sum, humani nihil a me alienum puto*, только с небольшим изменением: я человек, и ничто, касающееся искусства истреблять людей, мне не чуждо. Он посвятил принца Милашку в тайны пуговиц и выпушек; он внушил ему, что самое благородное для человека занятие - батальонное учение, а что сущность политики состоит в том, чтобы производить смотры, имея в виду войны, и вести войны, имея в виду смотры.

Может быть, король Чудак и не совсем так смотрел на задачу государственного уп-

равления; но он был так доволен успехами принца Милашки, что предоставил себе право в будущем пополнить недостатки его образования, не желая нарушить своим вмешательством воспитания, в котором так долго отчаивался.

- Сын мой, - говорил он не раз принцу Милашке, - не забывай, что ты всем обязан Пацце.

При таких словах короля Пацца, краснея от удовольствия, с нежностью смотрела на молодого человека.

Несмотря на свой ум, она была настолько безрассудна, что полюбила его.

Принц Милашка обыкновенно на это холодно отвечал, что признательность есть первый долг государей, и Пацца со временем узнает на себе, что её ученик не забыл ничего.

БРАКОСОЧЕТАНИЕ ПАЦЦЫ

Принцу Милашке уже исполнилось 17 лет, и однажды утром он вошёл в кабинет короля Чудака, здоровье которого с каждым днём слабело и которому очень хотелось при своей жизни женить своего сына.

- Батюшка, - сказал ему Милашка, - я много думал о сказанных вами мне мудрых словах; правда, вы даровали мне жизнь, но Пацца сделала для меня гораздо более: она пробудила во мне ум и сердце; одно средство заплатить ей мой долг, это - жениться на ней; потому я пришёл просить вас согласия на брак с Паццою.

- Мой сын, - отвечал король Чудак, - твой поступок делает тебе честь; правда, Пацца не царской крови и не её при других обстоятельствах выбрал бы я тебе в жёны. Но при мысли об её достоинствах, а особенно об оказанной ею нам услуге, я забываю пустые светские предрассудки. Пацца обладает душою, достойною королевы; пусть же она с тобою разделит трон. В стране Глупых Трав настолько уважают ум и доброту, что должны простить тебе то, что глупцы называли бы неравным браком и что я считаю поистине царским браком. Счастлив человек, который найдёт себе умную жену, способную понять и полюбить его! Завтра торжественно будет

объявлена ваша помолвка, а через два года будет свадьба.

Свадьба, впрочем, состоялась раньше, нежели предполагал король; не прошло и двух лет после этого разговора, как умер король Чудак; слабость и изнурение, следствие усиленных занятий по управлению государственными делами, свели его в могилу. Старая маркиза и Пацца одни оплакивали своего друга и благодетеля. Не будучи нисколько дурным сыном, Милашка за государственными делами не имел времени предаваться грусти о потере отца; двор же, ожидая всего от нового короля, не думал более о покойном, власть которого прекратилась вместе с его смертью.

Почтив память отца торжественными похоронами, молодой король весь отдался своей любви к Пацце и скоро отпраздновал с нею свою свадьбу с таким великолепием, которого долго не мог забыть добрый народ Глупых Трав. Правда, для этого потребовалось увеличение налогов; но кому приходило в голову жалеть о деньгах, которые пошли на такое благородное употребление.

Многие подданные нарочно пришли издалека, чтобы посмотреть на молодого короля; но немало восхищался народ и Паццою, развивавшаяся красота и кроткое выражение лица которой пленяли все сердца. При этом дан был великолепный обед, на котором говорилось много речей, длиннее самого обеда, и читались стихотворения, скучнее самих речей. Короче, это был беспримерный праздник, о котором долго не умолкал говор.

Когда наступил вечер, король Милашка взял за руку свою невесту, более робкую и стыдливую, нежели сама Геба, и с холодной вежливостью повёл её по длинным коридорам к башне замка. Войдя в башню, Пацца ужаснулась при виде мрачного вертепа с решетчатыми окнами и с огромными засовами и замками на дверях.

- Что это такое? - спросила она, - кажется, мы в темнице?

- Да, - отвечал король, - бросая на свою жену взгляд, приведший её в ужас, мы - в темнице, из которой тебя освободит только смерть..»

- Мой друг, - твои слова приводят меня в ужас, - сказала Пацца, стараясь улыбнуться. - Но какое преступление совершила я, сама того не зная? Чем заслужила я твой гнев и эту темницу?

- Коротка же у тебя память, - отвечал король Милашка; ты забыла, что наносящие обиду записывают её на песке, а получающие вырезают её на мраморе и бронзе.

- Вы, - возразил бедный ребёнок в страхе, - повторяете одну из тех пошлых фраз, которые мне так надоели; неужели же в нынешний вечер вы не имеете сказать мне что-нибудь не столь пошлое?

- Несчастная! - воскликнул король. - Ты забыла данную мне тобою пощёчину? Но я её не забыл! Знай же, если я желал тебя иметь своей женой, то для того, чтобы жизнь твоя была в моих руках и чтобы я мог заставить тебя медленную смертью поплатиться за оскорбление величества!

Мой друг, - сказала молодая женщина с детской наивностью, - вы напоминаете мне сказку о Синей Бороде; но угрозы ваши, уверяю вас, мне не страшны. Я знаю вас и предупреждаю, что, если вы не прекратите

эту комедию, то прежде, нежели я войду в ваши покои, вы получите не один, а три таких же урока. Выпустите же меня скорее, иначе клянусь, я сдержу своё слово.

- Клянитесь, сударыня! - воскликнул король, вне себя от того, что ему не удалось застращать свою жертву, - я со своей стороны также даю клятву, что вам никогда не видать спальни новобрачных, так как я не намерен трижды терпеть оскорбление, которое смывается только кровью.

- Эй, Рашимбург!

На этот зов явился перед Паццою бородатый суровый тюремщик. Одним толчком он

поверг королеву на валявшуюся в углу тюрьмы солому и запер за собою дверь: шум от задвижек и ключей мог привести в ужас самого невинного. Король Милашка оставался ещё несколько времени у дверей тюрьмы, ожидая, что услышит рыдания Паццы; но Пацца, если и плакала, то так тихо, что до его слуха не доходили её рыдания. Милашка удалился, поклявшись смирить эту женщину, презиравшую его гнев и оскорбившую его гордость. Мщение, говорят, доставляет королям удовольствие!

Часа через два после этого события старая маркиза получила через преданного ей человека коротенькую записочку, которая извещала её о печальной судьбе её племянницы. От кого была эта записка - я знаю, но имени писавшего не скажу, не желая выдавать его тайны. Если бы этот сострадательный человек был даже из тюремщиков, то и его надо щадить; с каждым годом подобные люди встречаются всё реже и реже.

УЖАСНОЕ СОБЫТИЕ

На другой день после свадьбы *придворная газета* гласила, что королева в самый день торжества бракосочетания сошла с ума и что почти нет надежды на её выздоровление. Не нашлось ни одного придворного, который бы, прочитавши это

известие, не сказал, что и ему казалось, что действительно принцесса накануне была в каком-то ненормальном состоянии и что её внезапная болезнь не удивляет его нисколько. Каждый спешил заявить королю своё сочувствие к постигшему его горю; эти заявления принимал он с мрачным видом, что объяснялось тяготившею его печалью; но посещение маркизы Косторо, казалось, несколько рассеяло его грусть и успокоило.

Добрая маркиза была очень печальна и, хотя желала видеть свою бедную племянницу, но была так стара, слаба и так страдала нервами, что просила короля избавить её от этого тяжкого для неё свидания. Она хотела при прощании поцеловать руку короля, но он не допустил её до этого и сам нежно поцеловал её; затем она удалилась, сказав, что полагает всю свою надежду на любовь короля к своей жене и на искусство главного гоф-медика Видувильста.

После её удаления доктор, наклонясь к королю, сказал ему на ухо несколько слов, вызвавших на лице последнего тотчас же, впрочем, подавленную им улыбку. После отказа маркизы видаться с племянницею опасаться королю более было нечего, он мог беспрепятственно привести в исполнение задуманный им план мщения.

Доктор Видувильст был великий врач. Родившись в стране Грёз, он рано покинул родину, с целью искать счастья в королевстве Глупых Трав. Это был ловкий человек, умевший пользоваться счастьем. В продолжение пятилетнего пребывания своего в знаменитом университете города Люгенмольберга,

ему пришлось слышать около двадцати пяти противоречащих одна другой медицинских теорий. При таком солидном образовании доктор обладал, кроме того, непоколебимую твёрдостью убеждений, он отличался, как он сам говорил о себе, искренностью и прямою солдата и доказывал это тем, что постоянно употреблял проклятия и ругательства, особенно в разговорах с дамами. Такого рода прямота давала ему возможность всегда держать сторону сильных и получать платы за советы, принадлежавшие другим. В его-то неподкупные руки и попала несчастная королева.

Прошло три дня со времени заключения Паццы, и город нашёл уже другой предмет для разговоров, как вдруг в комнату короля вошёл без

доклада, с выражением испуга на лице, Рахимбург и бросился к ногам короля.

- Государь, - сказал он, - приношу вам мою повинную голову. Королева нынешнюю ночью исчезла из тюрьмы.

- Что ты говоришь? - воскликнул король.- Этого быть не может: темница со всех сторон обнесена оградой.

- Да, ваше величество, - отвечал тюремщик, - я сам думал, что этого быть не может; и ограда, и стены целы, а замки и засовы даже и не тронуты; уж не из колдуний ли она была? Они одни, как известно, только и могут проходить сквозь всякие преграды. Известно ли вашему величеству откуда она?

Король послал за доктором, который, будучи выше предрассудков, не допускал существования колдунов и колдуний. Он тщательно освидетельствовал стены тюрьмы, ограду, допрашивал тюремщиков, но и его исследования не привели ни к чему. По городу разосланы были шпионы и установлен тайный надзор над маркизой, сильно подозреваемой доктором в содействии побегу племянницы; через неделю, однако, должны были убедиться, что все дальнейшие поиски бесполезны. Рашиббург потерял место тюремщика; но так как в его руках была тайна короля, притом в нём могла ещё встретиться нужда в будущем и он горел нетерпением отомстить за себя, то его назначили привратником при замке. Он так старательно исполнял свою новую должность, что в продолжение трёх дней около шести раз задержал самого Видувильста и этим уничтожил против себя всякие подозрения.

Через неделю рыбаки принесли во дворец выброшенные морским приливом на берег платье и верхнюю одежду королевы, покрытые песком и морскою пеною. Это привело

всех к заключению, что несчастная бросилась в море; никто не сомневался в этом, видя печаль короля и слёзы маркизы. Собравшийся государственный совет единогласно решил, что по закону королева должна считаться умершею, что по закону же король стал вдовцом, и что ради народного блага следует просить его величество сократить печальные дни траура и в возможно скором времени снова вступить в брак для упрочения на престоле своей династии. Это решение было передано королю Видувильстом, главным гоф-медиком и президентом королевского совета; при этом он произнёс столь трогательную речь, что двор, слушая её, плакал, а король Милашка обнял его, назвав его жестоким другом.

Излишне говорить, что поминки по умершей несчастной королеве были великолепны; впрочем, удивляться этому нечего: в королевстве Глупых Трав каждое событие служит предлогом к какому-нибудь великолепному торжеству. Гораздо удивительнее зрелище представляли девушки, приехавшие ко двору. Они не сводили глаз с короля Милашки, которого траурная одежда делала ещё красивее; каждая из них, проливая одним глазом слёзы в память о покойной принцессе, другим в то же время старалась улыбаться и обратить на себя внимание короля. Если бы в то время была известна фотография, какие портреты, какой богатый материал дала бы она нашим художникам! Этих добрых людей волновали любовь, ненависть, гнев, которые отражались на их живых лицах; мы же так нравственны и так бла-

горазумны, что ходим все в одинаковых одеждах, носим те же шляпы и имеем одну и ту же физиономию: цивилизация - торжество нравственности, есть в то же время гибель искусства.

За описанием похорон, занявшим в придворной газете, согласно придворному этикету, шесть столбцов, следовало извещение, что при дворе по случаю смерти королевы налагается траур, с подразделением на большой и малый, или по цветам печали в стране Глупых Трав, голубой и розовый. Двору предписывалось глубоко сокрушаться только в течение первых трёх недель; в течение же следующих трёх скорбь должна была постепенно ослабевать; но так как малый траур приходился в масляницу и так как правительство имело в виду при всяком удобном случае поощрять торговлю, то найдено возможным дать в это время в королевском замке маскарад. С распространением последнего известия по городу портные и модистки были завалены заказами, старый и малый стали добиваться чести попасть в число приглашённых, и начались интриги, как будто дело шло о судьбе королевства.

Так торжественно была оплакана бедная Пацца!

•

МАСКАРАД

Наконец наступил столь нетерпеливо ожидаемый великий день маскарада. Около шести недель добрый народ Глупых Трав был как бы в лихорадке. Не слышно было разговоров о министрах, сенаторах, генералах, судьях, принцессах, герцогинях, горожанках; на двадцать лье в окружности только и говорилось о паяцах, арлекинах, полишинелях, цыганках, коломбинах и шутах. Политика безмолвствовала, или, лучше сказать, разделилась на две большие партии: на консервативную, имевшую приглашение на бал-маскарад, и оппозиционную, не удостоенную этой чести.

Если верить описанию официальной газеты того времени, настоящее празднество затмило своим великолепием все бывшие и имеющие быть подобные празднества. Бальной залой служила на этот раз великолепно убранная ротонда, возвышавшаяся посреди сада. Путь к ней шёл по целому лабиринту длинных аллей, едва освещённых лампами под матовыми колпаками. Зала была залита светом, убрана золотом, зеленью и свечами. Полузакрытый листовою оркестр играл поочередно то бальную, то оперную музыку. При виде всей этой роскоши, богатых костюмов, при блеске драгоценных камней, под влиянием острот, масок, интриг разве старый

стойк не поддался бы опьянению от удовольствия.

И однако королю Милашке на этом бале не было весело. На нём было голубое домино, и маска совершенно закрывала его лицо. Напрасно расточал он остроты и любезности перед более изящными и весёлыми из танцевавших масок; он встречал во всех равнодушие и холодность: его едва слушали, ему едва отвечали и, зевая, торопились оставить его. Взоры всех, все улыбки были обращены к чёрному домино с розовыми бантами, которое беспечно прогуливалось по зале и, подобно паше, принимало, как дань, все комплименты и все улыбки. Под этим домино скрывался господин Видувильст, друг короля, но и не враг, как видно, собственного удовольствия. По рассеянности доктор утром в день маскарада в присутствии двух дам проговорился, что король будет в чёрном домино с розовыми бантами, впрочем, тут же прибавил, что это - тайна; его ли же вина, что эти дамы не отличались особенною скромностью, или что король переменил свой костюм?

Между тем как доктор наслаждался таким успехом, которого он, конечно, не ожидал и нисколько не добивался, Милашка уселся в углу залы. Одиноким среди толпы и шума, погрузился он в мечты, и перед ним носился образ Паццы. Хотя ему не в чем было себя упрекать, его мщение было справедливо, однако же он чувствовал какое-то угрызение совести. Бедная Пацца! Конечно, она была преступна; но по крайней мере она любила его, понимала его и слу-

шала всегда с горевшими от удовольствия глазами. Какая разница между ею и всеми этими дурами, которые не могли, с первого же его слова, угадать в нём короля в домино! Он уже встал с места и собирался оставить бал, как вдруг увидел недалеко от себя маску, которая также не принимала участия в удовольствиях бала и, казалось, мечтала. Распахнувшееся домино позволяло ему видеть, что на маске было цыганское платье, и он заметил башмачок с пряжками, стягивавший ножку, миниатюрнее ножки Сандрильоны. Король подошёл к незнакомке, и блестящая из-под бархатной маски пара больших чёрных задумчивых глаз пленила и очаровала его.

- Прекрасная маска, - сказал он ей, - твоё место не здесь, а там, в той волнующейся и любопытной толпе, где каждая из масок ищет короля и оспаривает у других право на его улыбку и сердце. Там можно приобрести корону, разве ты этого не знаешь?

- Я там ничего не ищу, - сказала маска задумчивым и нежным голосом. - Кто бросается в игру случая, тот рискует принять лакея за короля. Я слишком горда, чтобы подвергать себя подобной случайности.

- Ну, а если бы я показал тебе короля?

- О чём стала бы я говорить с ним? - возразила незнакомка, - Я не имела бы права порицать его без опасения оскорбить его, ни хвалить, не показавшись ему лстивою.

- Ты, стало быть, думаешь о нём много худого?

- Нет, худого - не много, а много - хорошего; но кому до этого какое дело?

Сказав это, маска стала играть веером и впала в задумчивость.

Это равнодушие удивило Милашку; он говорил с жаром, ему отвечали покойно и холодно; он просил, умолял, и наконец маска согласилась продолжать разговор не в балльной зале, где было нестерпимо жарко, где они могли обратить на себя нескромные взоры любопытных, а в этих длинных аллеях, куда заходили только немногие, отыскивая тишины и прохлады.

Ночь быстро проходила, и уже не раз, к великой скорби короля, цыганка говорила, что время расстаться им, и на все его просьбы снять маску не отвечала ни слова.

- Вы приводите меня в отчаяние, сударыня, - воскликнул король, в котором пробудилось какое-то чувство уважения и какое-то влечение к этой таинственной незнакомке. - К чему это жестокое молчание?

- Я узнала вас, государь, - отвечала она взволнованным голосом. - Этот голос, доходящий до глубины души, эта речь, эта любезность сказали мне, кто вы. Позвольте мне удалиться, принц Милашка.

- Нет, - сказал король, поражённый тем, что она узнала его, - из всех присутствующих на бале женщин вы только угадали, кто я, только вы поняли меня, и вам по праву принадлежит и моё сердце и моя корона. Сбросьте же с себя эту маску и пойдёте в залу, я представлю этой невежественной толпе вас, как женщину, которой

я имел счастье понравиться. Скажите одно слово и - мой народ у ваших ног.

- Государь, - отвечала с грустью незнакомка, - я должна отказаться от столь высокого для меня предложения, о котором воспоминание я сохраню в своей душе навсегда. Признаюсь, я честолюбива, и было время, когда бы я гордилась честью разделять с вами ваш трон и ваше имя; но прежде всего я - женщина и, следовательно, всё счастье полагаю в любви. Я не желала бы владеть сердцем, в котором есть место даже воспоминанию о другой; я ревнива даже к прошедшему.

- Я никогда никого не любил, - сказал король с живостью, заставившей незнакомку вздрогнуть. - В моей прежней женитьбе есть тайна, которую я могу открыть только моей жене; но клянусь, что никогда моё сердце не принадлежало никому; я люблю в первый раз.

- Подойдите ближе к свету и покажите вашу руку, - сказала цыганка, - я сама узнаю правду.

Король с уверенностью подал ей руку, в черты которой цыганка долго всматривалась и, вздохнув, сказала:

- Да, государь, вы никогда не любили, - это правда; но моя ревность и этим не довольствуется, до меня любила вас другая женщина. Смерть не разрывает священные узы любви; королева до сих пор ещё любит вас, и вы принадлежите ей. Принять сердце, которым вы не можете располагать, будет с моей стороны и поруганием святыни и преступлением. Прощайте!

- Сударыня, - сказал король не совсем твёрдым голосом, - вы не знаете, какие муки вы заставляете меня терпеть. Есть вещи, о которых я желал бы никогда не говорить, а вы именно о них и принуждаете меня говорить. Королева меня никогда не любила, её поступками руководило одно честолюбие.

- Неправда, - сказала незнакомка, оставляя руку короля, - королева вас любила.

- Нет, - возразил Милашка, - во всём этом была гнусная интрига, в которой я и мой отец были жертвами.

- Ни слова более! - сказала незнакомка, причём руки и пальцы её сжимались как-то судорожно. - Имейте уважение хотя бы к мёртвым, не клеветецте на них.

- Сударыня, - воскликнул король, - уверяю вас, что это правда, и никто никогда не имел повода сомневаться в моих словах; да! королева никогда меня не любила. Это было создание злое...

- А! - сказала маска.

- Своевольное, вспыльчивое, ревнивое!

- Если она была ревнива, значит, она вас любила. Приведите в доказательство что-нибудь такое, что имело бы хотя тень вероятия. Не обвиняйте сердце, которое было вам вполне предано.

- Она так мало любила меня, - сказал король в волнении, - что в самый вечер после нашей свадьбы осмелилась сказать мне в глаза, что вышла за меня только ради короны.

- Это ложь, - сказала цыганка, подымая руку, - ложь!

- Клянусь, что это правда, - сказал король.

- Ты - лжец! - закричала незнакомка, затем раздались: пиф! паф! - и король получил две пощёчины, а незнакомка исчезла.

В ярости король сделал два шага назад и искал рукою эфеса шпаги; но маскарад - не поле битвы; рука его вместо оружия схватила бант из лент; он побежал было за своим врагом, но где было его искать? В лабиринте аллей он встретил несколько пар мирно прогуливавшихся домино, не обративших никакого внимания на его присутствие. Измученный напрасными поисками, он вошёл в бальную залу, рассчитывая, что только в толпе враг его и мог укрыться, но как узнать его?

Вдруг пришла ему в голову мысль: заставить всех снять маски, и тогда он узнает, без сомнения, цыганку, по волнению и смущению от присутствия короля. Тотчас же Милашка встал на стул и сказал голосом, заставившим вздрогнуть всех бывших в зале.

- Милостивые государыни и государи, близок день, чувство удовольствия притупилось, возбудим его новым капризом: прочь инкогнито! Я первый снимаю маску и домино, пусть, кто любит меня, последует моему примеру! - И перед толпой в богатейшем испанском наряде предстал сам король.

По залу на мгновение послышался говор, слившийся в общий гул, и взоры всех обратились сначала на короля, потом на чёрное домино с розовым бантом, которое с непритворною на этот раз скромностью

спешило оставить залу. Все присутствовавшие сняли маски, и женщины обступили короля; казалось, что ему нравились только цыганские костюмы, он обращал на них только внимание; брал их за руку и смотрел им в глаза так пристально, что другие маски готовы были лопнуть от зависти; потом вдруг подал знак оркестру и, как только начались танцы, он оставил залу.

Он направился к буковым аллеям, как будто там думал найти коварную оскорбительницу. Что заставило его искать её? Быть может, желание отомстить ей? Кровь кипела в его жилах; он то шёл, не зная куда, то вдруг останавливался, прислушиваясь к каждому шороху и всматриваясь в каждый предмет. Каждый слабый луч света, проходивший сквозь листву, останавливал его внимание, и он бросался к нему, как безумный, в то же время и плача и смеясь.

При выходе из одной аллеи он встретил Рашимбурга, который подошёл к нему с испуганным лицом и дрожащими от страха руками.

- Государь, - сказал он таинственно, - изволили видеть его?

- Кого? - спросил король.

- Привидение, государь, оно прошло мимо меня; теперь я - погибший человек, завтра я умру.

- Какое привидение? - спросил Милашка, - Что за вздор несёшь ты?

- Привидение... домино с огненными глазами; оно заставило меня стать на колени и дало мне две пощёчины.

- Это - она! - воскликнул король, -
ничем же ты дал ей уйти?

- Ваше величество, при мне на этот раз
не было алебарды; но, клянусь, если еще
раз я встречу её, то не миновать ей, живой
или мёртвой, моих рук.

- Берегись, - сказал король, - при встрече
с нею напугать её; твоё дело только следить
за нею и узнать её убежище; а теперь
укажи мне, как и куда она пошла; если я
найду её, твоя судьба обеспечена.

- Государь, - сказал честный привратник,
смотря на луну, - если привидение и на-
ходится теперь где-нибудь, то там, наверху;
я сам видел, как оно исчезло в тумане.
Но прежде своего удаления оно велело мне
передать вам два слова.

- Говори скорее!

- Государь, эти слова ужасны, и я не
решусь никогда повторить их перед вашим
величеством.

- Говори, я тебе приказываю.

- Государь, привидение сказало гробовым
голосом: "Пойди и скажи королю, что если
он женится на другой, то смерть его
неизбежна! Та, которую он любит, воз-
вратится к нему".

- Возьми себе этот кошелёк! - сказал
король с каким-то странным блеском в гла-
зах. - С этих пор ты будешь состоять при
мне главным камердинером. Я полагаюсь на
твою преданность и скромность. Пусть эта
тайна навсегда останется между нами.

- Это - уже вторая, - пробормотал
Рашибург и твёрдыми шагами пошёл на
своё место, как человек, которого ни страх

не может победить, ни ослепить счастье. Да, это была крепкая голова!

На другой день в неофициальном отделе придворной газеты была помещена следующая статья в форме корреспонденции: "Распускают слухи, что король в скором времени имеет намерение снова вступить в брак. Король понимает свои обязанности относительно народа и готов принести себя в жертву для блага и счастья своих подданных. *Но народ Глупых Трав*, вероятно, поймёт и почтит всю тяжесть так недавно понесённой королём потери. Мысли о любимой, так рано утраченной им подруге жизни не покидают его ни на минуту. Надо надеяться, что будущее принесёт ему утешение, в котором настоящее отказывает ему".

Эта статейка не осталась незамеченною ни при дворе, ни в городе. Юные девушки находили, что король обладает слишком щекотливой совестью; маменьки пожимали плечами, говоря, что король слишком заражён мещанскими предрассудками, и в редком из порядочных домов обошлось в тот вечер без семейных сцен. Не было ни одной женщины, которая бы не подвергла строгой критике поведения своего недостойного супруга и не доказала ему, что во всём королевстве только король умеет любить и только он один - верный супруг.

ДВЕ КОНСУЛЬТАЦИИ

После стольких душевных тревог, король впал в уныние. Чтобы разогнать тоску, он искал развлечений во всём: он проводил время на охоте, заседал в совете, ездил в комедию и оперу, принимал представителей всех сословий с их жёнами, читал какой-то карфагенский роман, присутствовал на смотрах, но ничто не помогало; неотвязчивое воспоминание и постоянно носившийся перед ним образ цыганки ни на минуту не оставляли его. Этот образ преследовал его даже во сне; цыганка являлась перед ним, он говорил с нею; она слушала его; но каждый раз, как только спадала с неё маска, перед ним как бы по воле рока являлась бледная и грустная Пацца.

Доктор Видувильст был единственный человек, которому Милашка открылся, что угрызения совести не дают ему покоя; но при слове: угрызения совести, доктор разразился громким смехом.

- Не угрызения совести, государь, а просто привычка! Ещё немного терпения, и под влиянием новых впечатлений изгладятся все впечатления прошедшего.

Желая доставить принцу более сильные впечатления и более энергетическими средствами рассеять его тоску, доктор каждый вечер сам приходил разделять с ним ужин, причём не забывал обращать внимание

принца на вино, как радикальное средство против его болезни. Правда, при этом Видувильст не щадил и себя, но вино не действовало на его крепкую голову; доктор не страшился ни Бахуса, ни Селены. А пока Милашка, то весёлый, то задумчивый, переходил от крайней весёлости к крайней печали, вечно беспокойный, никогда не знавший счастья, Видувильст, всегда спокойный и весёлый, руководил мыслями короля и по доброте своей взял на себя даже труд и заботы управлять вместо него государством.

Тремя королевскими указами сосредоточены были в руках доктора полиция, юстиция и финансы; последний хорошо понимал выгоды централизации власти. Придуманый им способ взимания налогов вполне обеспечил его личное положение в будущем. Юстиция заставляла молчать неблагоразумных, говоривших слишком громко, полиция хватала говоривших слишком тихо. Однако, несмотря на всю ловкость этих политических мер, вечно неблагодарный народ не умел ценить своего счастья. Между гражданами Глупых Трав слышался ропот на новые порядки, извратившие их старые привычки. Имя короля Чудака было на устах у всех, каждый с сожалением вспоминал доброе время, когда тот, кому хотели зажать рот, имел право громко закричать об этом.

Доктор был честолюбив, он был рождён быть визирем. Каждый новый указ давал народу понять, что король ничего не значит и что всеми делами в государстве управляет его министр. Только король Милашка не понимал своего ничтожества. Запершись в

споем дворце, терзаемый тоскою, он не допускал к себе никого, кроме пажа, приставленного к нему первым министром по рекомендации Рашимбурга. Видувильст, как человек хорошо понимавший людей, не находил нужным отказывать в чём-нибудь главному камердинеру. Тонто, так звали пажа, был резвый, весёлый юноша, большой говорун, хороший музыкант и искусно играл в карты; он умел развлекать короля своими шутками; он нравился и первому министру, но по другим причинам. Преданный министру, как своему благодетелю, паж откровенно сообщал ему всё, что говорил король. Правда, мало пришлось министру узнать от пажа о короле; последний почти все время был погружён в свои мечты и постоянно молчал.

Хорошо пользоваться властью; но, по пословице, - повадится кувшин по воду ходить, там ему и голову сломят.

Честолюбивый доктор уже помышлял о прелести почестей и блеска королевской власти. Конечно, уже потому, что он был лучшим другом короля, ему не могла прийти в голову мысль свергнуть его с престола; притом некоторые народы ещё так сильно заражены глупыми предрассудками и так строго привязаны к старым порядкам, что лучше было поискать другое какое-нибудь средство. Что же могло быть легче и проще, как настрашать короля опасностью, которая грозит его жизни, убедить его искать средства к излечению от тяжкой болезни где-нибудь подальше, и спокойно, получив от короля на время его отсутствия полномочие на управление государством, наслаждаться

королевскою властью. Король был молод; жизнь ему сулила многое, притом мог ли он устоять против нежной заботливости о нём доброго доктора? Вот почему однажды вечером явились во дворец приглашённые Видувильстом на консультацию три зна-

менитости, три гения, три светила медицинского факультета, длинный Тристан, толстый Жокондус и маленький Гийерэ.

Доктора долго расспрашивали короля, ощупывали, выслушивали, вертели и перевёртывали его на все стороны и наконец, посоветовавшись между собою, произнесли своё мнение.

Первый говорил Тристан.

- Государь, - сказал он грубым басом, - вам нужно вести жизнь чисто деревенскую, отказавшись от всяких занятий. У вас -

анемия, конституциональная атония. Исцелить вас может только поездка к Чистым Водам, и притом вам необходимо ехать как можно скорее, иначе вам угрожает смерть; вот моё мнение.

- Государь, - сказал толстый Жокондус, - я вполне разделяю удивительное мнение моего любезного собрата. Вы страдаете от излишнего здоровья. Ваша болезнь - конституциональная плетора. Вернейшее средство против болезни вы найдёте на Чистых Водах; но вам надо ехать туда как можно скорее, иначе вам угрожает смерть; вот моё мнение.

- Государь, - сказал маленький Гийерэ, - я удивляюсь диагностике моих товарищей по ремеслу и преклоняюсь перед глубиной их знаний. Я, как и они, знаю, что вы страдаете от возбуждённого состояния симпатического нерва. Ваша болезнь - конституциональная невроза. Попейте Чистые Воды: но пользуйтесь этим средством как можно скорее, иначе вам угрожает смерть; вот моё мнение.

Потом они составили протокол консультации, который Тонто немедленно отнёс в редакцию придворной газеты. После чего они все трое встали, откланялись министру и королю; но и по выходе из дворца ещё долго и горячо разговаривали между собою, медленно спускаясь с лестницы; но ссорились ли они за что или смеялись над чем - сказать трудно, так как в хронике это самое место запачкано чернилами.

По удалении врачей Видувильст пробежал консультацию, подумал несколько минут сам

с собою и пытливым взглядом посмотрел на короля; Милашка в этот вечер поужинал плотнее обыкновенного и смотрел как-то сонно, и, вероятно, не слышал, что говорили доктора.

- Государь, - сказал Видувильст, - врачи единодушно решили, что вы, если желаете спасти свою жизнь, должны отправиться к Чистым Водам и отказаться от управления делами вашего государства. Такое решение мне кажется не совсем достойным вашего королевского величества. Государь для блага своего народа должен жертвовать собою; но...

- Довольно, - прервал его король, - избавь от нравоучений, скорее к делу. Ты хочешь, чтобы я уехал; как истинный друг, - конечно, из участия ко мне, желаешь ускорить мой отъезд. Приготовь указ о предоставлении тебе регенства на время моего отсутствия, я подпишу его.

- Государь, указ со мною, он - в портфеле; порядочный министр всегда должен иметь при себе проекты законов на разные случаи. Иначе и быть не может, мало ли что может случиться?

Милашка взял перо и, не читая бумаги, подписал и передал её министру, с улыбкой подходившему к нему; но почему-то королю вдруг пришёл в голову каприз взять из рук доктора указ обратно и прочесть его.

- Как! - сказал он, - в указе ни слова не говорится ни о побудительных причинах к учреждению регенства, ни о моём к тебе расположении! Доктор, ты слишком скромн; этот указ завтра появится в газете с поправками и вставками, сделанными рукою

твоего повелителя и друга. Прощай, эти доктора утомили меня.

Доктор вышел тихими шагами из спальни короля, с гордо поднятою головою и блестящими от удовольствия глазами; он более прежнего возгордился и стал наглее прежнего. Милашка же впал в прежнюю задумчивость, размышляя о том, что несмотря на всё, он ещё не самый несчастный из королей: небо послало ему друга.

Вдруг в комнату короля вошёл без доклада престранный маленький доктор, в завитом напудренном парике, локоны которого спускались до половины спины, - с белою, как снег, бородою, закрывавшею всю его грудь, и с такими живыми и юными глазами, что они, казалось, явились на свет лет шестьдесят после появления туловища.

- Где эти негодяи? - пронзительно вскрикнул он, стуча своею тростью. - Где они, эти невежды, эти педанты, как они смели не дожидаться меня? Впрочем, - сказал он изумлённому королю, - кажется, пациент - вы? Покажите же мне ваш язык, да скорее, мне некогда.

- Кто вы такой? - спросил король.

- Я - доктор Верите (истина), - величайший врач в свете; вы в этом скоро убедитесь, несмотря на мою скромность. Спросите у Видувильста, моего ученика, который вызвал меня из страны Грёз; я всё исцеляю и всех, даже от неизлечимых болезней. Покажите мне ваш язык. Где консультация?!.. Вот она: анемия, asinus! плетора, asine! невроза, asinorum! Пить

чистую воду, asinum! А знаете ли вы, чем вы больны! У вас печаль и еще хуже.

- Вы находите? - спросил Милашка в смущении.

- Да, мой сын, это написано на вашем языке. Впрочем, я вылечу вас; завтра же к 12 часам вы будете здоровы.

- Завтра же? - сказал король. - Да все мои сокровища...

- Не будь скор на обещания, мой сын! А это, кажется, портфель министра? Подпишите ваше имя на этих бумагах.

- Это - бланки для указов. Что вы станете с ними делать?

- Я издам указы - по своему вкусу! *Contraria contrariis curantur*; подпишите же. Хорошо, мой сын, будьте послушны; завтра в полдень вы будете веселы, как зяблик. Так как *si vis pacem, para pacem*, то в силу первого указа я распускаю шесть полков; второй указ: на том основании, что лишняя копейка у крестьянина полезнее двадцати в государственной шкатулке, я отменяю четвертую часть налогов; третий указ: свобода, как солнце, составляет всё счастье и всё богатство бедняка; потому не должно лишать его этого солнца. Я освобождаю из тюрем политических преступников и уничтожаю тюрьмы для содержания должников. А! вы уже начинаете смеяться, хороший симптом, когда больной смеется над доктором.

- Да, - сказал Милашка, - я воображаю какую фигуру состроит Видувильст завтра, когда прочтёт эти указы в придворной газете. Впрочем, довольно, доктор, возвратите мне

бумаги; пора кончить эту кукольную комедию.

- А! что я вижу? - сказал доктор, взяв в руки королевский указ о регенстве, - это

формальное отречение от престола! Обдумали ли вы, король, что вы делаете? Как! наследие ваших предков, народ, вверенный вам Богом, наконец, твою честь, твоё имя ты повергаешь к ногам какого-то проходимца? Изменнику ты позволяешь свергнуть себя с престола и водить себя за нос. Но это невозможно, я этого не допущу, слышишь ли ты, я на это не согласен!

- Однако, как смеешь ты говорить своему государю *ты*?

- Не обращай на это внимания, - возразил доктор, - я - из секты квакеров и друзей мира. Вежливость - не в словах. Потерял ли ты ум свой или был в бреду, подписывая этот указ? Неужели у тебя нет сердца?

- Это уж слишком! - воскликнул король.
- Убирайся вон отсюда, или я выброшу тебя из окна.

- Мне уйти, - воскликнул миниатюрный доктор своим визгливым голосом, - и оставить здесь следы твоего безумия и глупости. Нет, я не уйду отсюда, не уничтожив этот, позорящий тебя, акт. Смотри, как я попираю его своими ногами. Милашка схватил разгорячившегося старичка и стал звать слуг своих, однако на его зов никто не являлся. То угрожая, то прося пощады, старик с невероятной ловкостью старался высвободиться из рук короля, ему удалось ударом ноги опрокинуть на пол лампу; но в темноте король не выпускал колдуна, силы которого, видимо, слабели.

- Отпустите меня, - бормотал незнакомец, - умоляю вас. Вы ломаете мне руку.

Просьбы были напрасны. Вдруг: пиф! паф!
- и король получил несколько пощёчин от

чьей-то смелой руки. В изумлении он выпускает свою жертву и бросается на своего невидимого врага. Но в темноте руки его ловят только воздух; зацепившись за что-то, он падает и громко зовёт к себе на помощь, но никто не слышит его. Подобные вещи никогда не случаются с министрами, только королей так плохо охраняют.

КОНЕЦ СНА

Наконец отворилась дверь, и Рашимбург, согласно этикету, явился раздевать короля; верный слуга, казалось, пришёл в большое смущение, увидав, как король в темноте и ощупью пробирается вдоль стены.

- Где этот чертовский доктор? - спросил в гнев Милашка.

- Государь, - ответил камердинер, - уже около часу как его превосходительство изволил оставить дворец.

- Кто тебе говорит о Видувильсте? - закричал король. - Как прошёл ко мне этот злодей, пришедший оскорблять меня?

Рашимбург с сокрушённым видом смотрел на короля и, не отвечая ни слова, только вздохнул и поднял глаза к небу.

- Какой-то человек, говорю я тебе, вошёл ко мне через ведущую к тебе дверь, - сказал Милашка. - Как он мог войти ко мне, каким образом он скрылся?

- Государь, - сказал Рашимбург, - я всё время был на своём месте и не видал никого.

- А я говорю тебе, что несколько минут тому назад в этой самой комнате был какой-то человек.

- Государь, ваше величество никогда не ошибается, и если вы изволите говорить, что здесь, в этой самой комнате, был человек, то он и теперь здесь, если только

он не улетел и если ваше величество не изволили видеть его во сне.

- Глупец, разве всё это похоже на бред, на сон? И эта опрокинутая лампа, и разорванные бумаги?

- Государь, - сказал Рашимбург, - я - червь земной; сохрани меня Боже противоречить моему государю; я чувствую все милости вашего величества ко мне и не осмелился бы говорить против вас. Но известно, что по городу ходит эпидемия, наводящая на людей странные сны. И чего только не представляют себе во сне эти больные? Не дальше как сейчас я вздремнул

и не будь я уверен, что я грезил, я бы готов был утверждать, что какая-то невидимая рука дала мне две пощёчины, от которых я проснулся.

- Две пощёчины! - сказал король, - Да это - привидение!

- Именно, ваше величество, это - привидение; а я-то глупец, - воскликнул Рашимбург, - и не догадался!

- И я не узнал его! - сказал Милашка. - Однако же это был её голос и её движения. Что же это значит? Новое ли это оскорбление? Или это небесное предостережение? Не грозит ли мне какая-нибудь опасность? Впрочем, что бы ни было, я из своих владений не выйду. Вот тебе кошелёк, и ни слова о том, что здесь было; это - тайна.

- Это - третья, - пробормотал верный Рашимбург, - и принялся раздевать короля с усердием и ловкостью, не раз заставившими короля улыбнуться.

Такое множество душевных волнений в состоянии были разогнать сон у всякого, и потому король заснул только на рассвете и проснулся поздно.

В первые минуты пробуждения, когда трудно определить, спит человек или уже проснулся, королю казалось, что до его слуха долетает какой-то странный шум; в нём слышался и звон колоколов, и гром пушек, и звуки военной музыки, исполнявшей различные пьесы.

Но это был не сон; это было какое-то дикое шаривари. Король позвонил, и на зов

его вошёл Рашимбург с букетом цветов в руках.

- Государь, - сказал он, - да позволено будет смирейшему из ваших слуг первому выразить всеобщую радость. Ваш народ - в восторге и не знает, как выразить вам свою благодарность и любовь. И налоги уменьшены, и тюрьмы открыты, и армия сокращена! И всё это в одно время! Государь, вы - величайший из всех королей, подобного которому никогда не видел свет. Слышите вы эти крики благословляющего вас народа: *Да здравствует король!* Явитесь же к нему, удостоьте улыбкой этот... - Рашимбург от волнения не мог продолжать; слёзы мешали ему говорить, и, доставая из кармана платок, чтобы отереть их, он вместо платка вынул придворную газету и принялся, как сумасшедший, целовать её.

Милашка взял из его рук газету и, пока Рашимбург одевал его, старался сообразить, каким образом могли эти безумные указы попасть в официальную газету, через кого? Отчего нет до сих пор Видувильста? Но решать эти вопросы было теперь не время, перед окнами собрался народ, жаждавший видеть его.

Лишь только король появился на балконе, как его встретили восторженные клики, от которых радостно забилося его сердце. Мужчины бросали вверх шляпы, женщины махали платками, матери простирали к нему своих детей, заставляя их протягивать к небу свои невинные ручонки. и вместе с другими повторять: *Да здравствует король!* У королевской гвардии на ружьях вместо

штыков были цветы; барабаны били поход, и офицеры махали своими блестящими на солнце шпагами. Всё это казалось королю каким-то чудным сновидением; общее воодушевление сообщилось и ему, и он, сам не зная отчего, заплакал. В это время на городской башне пробило 12 часов; привидение было право - король выздоровел.

После того явились во дворец представители государственных сословий, с министрами во главе, благодарить короля за то, что он так хорошо понял мысль своих верных советников. Среди этого торжества не было только Видувильста. Куда скрылся он со своею досадой - никто не знал. Утром, получивши от неизвестного записку, он исчез, хотя в записке ничего не было, кроме простых слов: *король знает всё!* Конечно, писал её не король; напротив, при дворе, может быть, ему одному пришло в голову подумать о своём министре и с удивлением видеть его отсутствие.

В это время бледный и встревоженный вбежал к королю Тонто и вручил ему привезённый офицером рапорт от губернатора провинции, генерала Штыка, доносившего, что шесть распушенных по его повелению полков взбунтовались и избрали своим предводителем Видувильста. Мятежники объявили короля низложенным с престола, обвинили его в гнусных злодеяниях и даже в убийстве королевы. Мятежники в большом количестве и под предводительством хороших офицеров подступали уже к городу, едва защищённому несколькими недовольными и не вполне надёжными полками. В заключение Штык

умолял короля, как можно скорее прибыть к войскам и принять на себя главное начальство; час промедления может всё погубить.

Увлечённый Тонто и Рашимбургом, в сопровождении нескольких офицеров, король тайно вышел из дворца. По стенам домов и на углах улиц он видел прокламации, опровергавшие ложные слухи, распространяемые некоторыми недоброжелательными людьми и заявлявшие, что никогда войска не были так преданы и верны своему государю, как в настоящее время. Между жителями города распространилась паника; курсы на бирже вдруг понизились на четыре франка и поднялись только по получении неофициального известия, что король в главной квартире был принят с восторгом.

ЧЕМ СИЛЬНЕЕ БОЛЕЗНЬ, ТЕМ СИЛЬНЕЙШИХ СРЕДСТВ ТРЕБУЕТ ОНА

Последнее известие было ложно; король был принят войсками холодно, и виноват в этом был он сам. Печальный, унылый, задумчивый, он ни к солдатам не обратился

с ободрительными словами, ни офицерам не заявил своего доверия.

Он вошёл в генеральскую палатку и со вздохом опустился на стул. Тонто казался не менее его изнурённым.

- Государь, - сказал Штык, - позвольте мне говорить с вами откровенно и прямо, как следует солдату и старому другу. Армия ропщет, колеблется; необходимо поднять её дух, иначе мы погибли. Враг уже близко, предупредим его. Нам остаётся ещё несколько минут, не раз в столь короткий срок решались судьбы государства; мы именно в таком положении. Не теряйте же времени, иначе - будет поздно.

- Твоя правда, - сказал король, - вели садиться на лошадей, я иду за тобой.

Оставшись наедине с Рашимбургом и Тонто, король сказал им в отчаянии:

- Друзья, оставьте меня; теперь я ничего не могу сделать для вас. Я не намерен бороться за свое жалкое существование. Обманутый в дружбе, доведённый до отчаянного положения изменой, на это несчастье смотрю я, как на ниспосланную на меня Провидением кару и как наказание за королеву, которую я из глупой мести лишил жизни; но пришло время искупить моё прошлое, и я готов покориться судьбе.

- Государь, - сказал Тонто, - стараясь улыбнуться, оставьте эти мрачные мысли. Будь королева здесь, она также посоветовала бы вам защищаться. Верьте мне, - прибавил он, крутя свои пробивающиеся усики, - я знаю женщин (мне ли не знать их!) Даже мёртвые мстят они за себя. Притом

действительно ли вы убили королеву: может быть, она не настолько умерла, как вы думаете.

- Дитя, что ты хочешь этим сказать? - сказал король, - Ты, кажется, в бреду?

- Я хочу сказать, что некоторые женщины умирают нарочно, для того, чтобы тем побесить своих мужей; почему не допустить, что некоторые из них воскресают, чтобы бесить их ещё более? Оставьте мёртвых; думайте о живых, любящих вас. Вы - король и деритесь как следует королю; если же вам суждено погибнуть в битве, гибните так, как подобает королю.

- Государь, - сказал Штык, входя в палатку с обнажённою шпагою, - время выступать.

- Генерал, велите трубить к атаке, - закричал Тонто, - король сейчас идет.

Король дал генералу выйти и, обратясь затем к Тонто, сказал:

- Нет, я не пойду. Я не понимаю, что со мною делается, я ужасаюсь самого себя. Я не боюсь смерти, я готов сам лишиться себя жизни и однако чувствую страх при мысли, что я должен сражаться.

- Государь, - сказал Тонто, - именем неба заклинаю вас, будьте мужественны. О Боже! - говорил он, ломая себе руки, - король не внемлет моим словам; мы погибли! Идёмте, государь, - сказал он, увлекая короля за плащ, - будьте мужественны, государь; на лошадь, несчастный! Король, спаси твоё государство, спаси твой народ, спаси тех, кто любит тебя. Трус! бери с меня пример: я перед тобой ребёнок, а иду

умирать за тебя. Не бесчести себя, дерись. А! ты не трогаешься с места? Так я, твой слуга, я оскорбляю тебя: ты - трус! слышишь, ты - трус! - И: пиф! паф! - король получил от наглого пажа несколько пощёчин.

- Смерть и проклятие! - воскликнул король, обнажая шпагу. - Прежде нежели умру, я должен наказать смертью этого несчастного!

Но этот несчастный, выбежав из палатки, одним прыжком вскочил на лошадь и, с обнажённой шпагой в руке, уже стремился на врага, с криком:

- Друзья, король следует за мною! Вперёд! вперёд!

Король Милашка, вне себя от гнева, дал шпоры своему коню и помчался, стараясь догнать пажа. Подобно разъярённому быку, гнался он, нагнувшись всем туловищем вперёд и не думая ни об опасности, ни о смерти. Штык мчался за королём, армия неслась за своим генералом. Это была одна из блистательнейших кавалерийских атак, о которых когда-либо упоминала история.

Эскадроны неслись, под ними дрожала земля, неприятель, захваченный врасплох, едва успел построиться в боевой порядок. Но один человек раньше других заметил короля; это был Видувильст. Милашка далеко отделился от всех и, увлечшись чувством мести, не видел перед собою никого, кроме преследуемого им пажа. Изменник с обнажённой саблей в руке уже готов был броситься на короля и нанести ему смертельный удар, но отважный Тонто, видя грозившую королю опасность, вонзил шпоры

в бока лошади и появился между королём и Видувильстом. Удар, предназначенный королю, принял на себя его паж; громко вскрикнув от раны, он выпустил из рук оружие и упал с лошади; но, по крайней мере, смерть его не осталась не отмщённою; король успел вонзить шпагу в грудь изменника по самую рукоятку и вынул её, ещё дымящуюся от крови, не без некоторого удовольствия. Человек решительно царь животных... диких.

Смерть изменника решила победу. Королевская армия, видя героизм своего вождя, без труда рассеяла нестройные полки мятежников, и последние выразили покорность и просили пощады, которая и была им дарована милостивым и счастливым государем.

Не прошло и часа по выступлению короля из лагеря, в котором он решился умереть, не делая шагу для своей защиты, и вот он снова возвращался в него, но уже торжествующим, в сопровождении победителей и побеждённых, смешавшихся в одних и тех же рядах. Громко кричали первые, ещё громче последние. Ничто так не усиливает преданности королю, как лёгкая измена.

ГЛАВА, ИЗ КОТОРОЙ ВИДНО, ЧТО НАРУЖНОСТЬ ОБМАНЧИВА И ЧТО ТОНТО БЫЛ НЕ ТОНТО

Король вошёл в палатку и, увидев Рашимбурга, вспомнил о Тонто.

- Паж умер? - спросил он.

- Нет, - ответил Рашимбург, - на его беду он жив; только вряд ли выздоровеет. Он в двух шагах отсюда, у своей тётки маркизы Косторо.

- Я не слышал, что он родственник маркизы, - сказал король.

- Ваше величество не обратили на это внимания, - спокойно отвечал камердинер. - Бедный, он сильно страдает от раны в плечо, и ему долго не жить; но он был бы вполне счастлив, если бы перед смертью мог увидеть ваше величество.

- Проводи меня к нему, - сказал король.

При входе в замок король был встречен маркизой и вошёл с нею в комнату, весьма слабо освещённую благодаря спущенным занавесям. Здесь на диване лежал бледный и истекавший кровью паж, но он был настолько силен, что приподнял голову и поклонился королю.

- Что за странность! - воскликнул Милашка, - У моего пажа один только ус.

- Государь, - отвечала маркиза вместо пажа, - другой, вероятно, исчез от сабель-

ного удара; сабля, как известно, причиняет самые странные раны.

- Но что за чудо! - сказал король, - с одной стороны, этот больной мой паж, негодяй Тонто; с другой же, это... нет, я не ошибаюсь, это - ты, мой добрый ангел, мой спаситель, это - ты, моя бедная Пацца!

Король опустил на колени и взял её за руку.

- Государь, - сказала Пацца, - дни мои сочтены, но перед смертью...

- Нет, нет, Пацца, ты не умрёшь! - воскликнул король, весь в слезах.

- Перед смертью, - продолжала она, опуская глаза, - я желала бы получить от вашего величества прощения за те две пощёчины, которые в излишнем усердии, сегодня утром...

- Довольно, - сказал король, - охотно прощаю тебе их; трон и честь стоят того... что я получил.

- Увы, - сказала Пацца, - это ещё не всё.

- Как, - сказал король, - что же ещё?

- Государь, - воскликнула маркиза, - что вы наделали? Она умирает.

- Приди в себя, Пацца, - сказал король, - и будь уверена, что я наперёд прощаю тебе всё, что сделала. Увы! не тебе у меня просить прощения.

- Государь, тот доктор, миниатюрный доктор, который позволил себе дать вашему величеству...

- Как? Это вы прислали его ко мне? - спросил король, нахмутив брови.

- Нет, государь, это была я сама. Чего не сделала бы я, чтобы спасти моего короля? И для того, чтобы освободить ваше величество от изменника, позволила себе употребить...

- Довольно, - сказал Милашка, - и это я тебе прощаю, хотя урок был жесток.

- Увы! Это ещё не всё, - сказала Пацца.

- Ещё! - сказал король, поднимаясь с колен.

- Ах! тётушка, мне дурно! - сказала несчастная Пацца.

Благодаря стараниям тётки, она скоро пришла в себя и, обратив томный взор на короля, в волнении сказала ему:

- Государь, цыганка в маскараде, позволившая себе...

- Как, и цыганка была ты, Пацца? - сказал Милашка. - О! это я тебе прощаю,

я вполне заслужил их... Как можно было сомневаться в тебе, олицетворённой искренности? Но помнишь ли ты о той клятве, которую ты дала мне в самый вечер нашей свадьбы? Ты, кажется, сдержала её; теперь очередь за мной, сдержать мою. Выздоровливай же скорее и снова войди в тот замок, из которого счастье улетело вместе с тобою.

- У меня есть ещё одна последняя просьба к вашему величеству, - сказала Пацца. - Рашимбург сегодня был свидетелем сцены, за которую я краснею и которая не должна быть никому известна. Я поручаю вашей благосклонности этого верного слугу.

- Рашимбург, - сказал король, возьми этот кошелёк, храни нашу тайну, иначе ты отвечаешь головою.

Рашимбург стал на колени перед постелью королевы и, целуя руку её, сказал едва слышно: - Ваше величество, это четвёртая тайна и четвёртая...

Поднимаясь с колен, он прибавил громко:

- Да будет благословенна рука, осыпавшая меня своими милостями.

Несколько минут спустя после этой сцены Пацца уснула. Король, всё ещё взволнованный, спросил маркизу:

- Тётушка, думаете ли вы, что она выздоровеет?

- Конечно, самую опасно больную женщину радость возвращает к жизни... Вы бы поцеловали её; может быть, это помогло бы ей больше, нежели все ваши доктора вместе.

Король наклонился к спящей королеве и поцеловал её в лоб. Ангельская улыбка, быть может, навеянная каким-нибудь

счастливым сновидением, заиграла на её бледном лице, и король заплакал, как ребёнок.

ЖЕНА ДОЛЖНА ПОВИНОВАТЬСЯ СВОЕМУ МУЖУ

Маркиза была права (женщины всегда правы... когда им за шестьдесят лет); в какие-нибудь две недели счастливой и покойной жизни Пацца совершенно оправилась от раны и в состоянии была вместе с королём, своим супругом, участвовать при торжественном въезде в столицу.

Бледность лица и перевязанная рука ещё больше придавали ей прелести.

Глаза короля и всего народа были устремлены на неё.

Процессия продолжалась около часа: по распоряжению городского начальства столицы Глупых Трав по пути устроены были триумфальные арки; при каждой из них королевская чета была встречена тридцатью шестью депутациями и должна была выслушать тридцать шесть поздравительных речей. На первой арке, построенной из решёток и украшенной цветами и зеленью, была надпись:

НЕЖНОМУ И ВЕРНОМУ СУПРУГУ.

Охраняли её пять или шесть тысяч молодых девушек, в белых платьях с розовыми лентами. Эти невинные создания, надежда будущего, приветствовали Славу и Красоту. Вторая арка, более тяжёлой постройки, сложенная из балок, покрытых обоями, увенчана была изображением Справедливости, богини с косящими из-под повязки глазами и с испорченными весами в руках. Внизу была надпись:

ОТЦУ НАРОДА,

лучшему и мудрейшему из государей.

Здесь королевская чета встречена была депутациями от духовенства, администрации и исполнительной власти; эти депутации представляли собою Религию, Мудрость и Добродетель, - по крайней мере, так заявили они о себе королю сами.

Наконец следовала огромная арка, настоящий военный трофей, построенный из пушек, и имевшая следующую надпись:

ОТВАЖНЕЙШЕМУ И ХРАБРЕЙШЕМУ ИЗ КОРОЛЕЙ.

При этой арке войска встретили своего генерала, и королева была приветствована ста пушечными выстрелами и боем двухсот барабанов; перед таким заявлением восторга должно бледнеть всякое красноречие, умолкнуть всякое слово.

Я избавляю вас от описания бесконечного обеда и произнесённых на нём шестидесяти торжественных речей, большею частью заимствованных из придворной газеты, уже

не раз и прежде оказывавших многим услуги в подобных случаях и снова появившихся в ней в наидание и на пользу грядущим поколениям. Нет ничего однообразнее счастья и не должно быть слишком взыскательным к поэтам, воспевающим торжества. В подоб-

ных случаях наибольшая краткость есть одно из условий, говорящих в пользу оратора.

Наконец прошёл и этот бесконечный вечер, на котором король расточал самые любезные улыбки людям, которых в глубине души он посылал к чёрту. В полночь Милашка повёл королеву уже не к башне замка, а в спальню новобрачных, где ожидал Паццу новый сюрприз. В глубине комнаты был поставлен освещённый транспарант, на котором красовались стихи до того плохие, что автором их мог быть только король. Хотя эти стихи и не были напечатаны в официальной газете, однако дошли до нас благодаря тому, что во все времена были люди, которые не дают пропасть бесследно ни одной прошедшей глупости. Это - тряпичники истории. Вот что написано было на транспаранте:

"Берегитесь пощёчин вы, упрямые лентяи, жертвы собственной праздности! Берегитесь пощёчин вы, лстивые рабские души, свою наглость и корыстолюбие плохо скрывающие под формами приличия.

Вы, важничающие своей учёностью, вы, проницательные сивиллы, ловко торгующие сбродом бесполезных высокопарных слов, смеющиеся над нашей простотою, берегитесь пощёчин! И вы, мужья, вы, неблагодарные и непостоянные сердца, вы, считающие себя искусными политиками и не ставящие ни во что любовь, ни доброту, в случае если ваши жены, менее вас ничтожные, повинувшись голосу справедливой гордости, побуждают вас к деятельности, остерегайтесь пощёчин!"

- Государь, - сказала Пацца, - что значит эта загадочная надпись?

- Это мой собственный приговор надо мною, - ответил король. - Благодаря только тебе, Пацца, я стал тем, что я есть; всё что я знаю, что думаю, всем я тебе обязан. Без тебя я то же, что тело без души, и делаю только глупости.

- Государь, - сказала Пацца, - вы слишком скромны.

- Я нисколько не скромничаю, - сказал король, - я знаю, что я умнее всех членов совета: в этом и министры должны сознаться: они всегда согласны с моим мнением; однако в твоём мизинце больше мудрости, нежели во всём моём королевском мозгу. В этом отношении я принял такое решение: пусть двор, пусть народ преклоняется перед моею мудростью, добротою и даже храбростью; такое почтение я принимаю от них; тебе же одной даю я право смеяться и надо мной, и над подданными: я уверен, ты не выдашь меня. И отныне я предоставляю тебе мою власть. Король будет только первым из твоих подданных, верным исполнителем твоей воли. Ты будешь, так сказать, творцом пьесы, а я её исполнителем; рукоплескания по обыкновению будут сыпаться в мою пользу, а я за них отплачу тебе силою моей любви.

- Мой друг, - сказала Пацца, - не говори это.

- Я знаю, что говорю, - с жаром возразил король, - я желаю, чтобы ты повелевала в моих владениях; я желаю, чтобы в моём государстве, как и в моём доме все делалось через тебя; я хозяин, я король, я этого хочу и я это приказываю.

- Государь, - сказала Пацца, - я - ваша жена и раба, мой долг повиноваться вам.

После чего, говорит хроника, они дожили до глубокой старости, наслаждаясь счастьем и взаимною любовью и оставили после себя много детей. В лучших сказках и лучших исторических сочинениях такая мораль составляет самый вожделенный

К О Н Е Ц

З а м о к ж и з н и

Несколько лет тому назад был я на Капри, одном из прелестнейших островов Неаполитанского залива. В один из прекрасных осенних дней, тихих, солнечных, захотелось мне прокатиться на лодке в Пестум, а по дороге - заехать в Амальфи и Салерно. Исполнить это было весьма нетрудно. На берегу находились рыбаки, собиравшиеся возвратиться с ловли; взять постороннего было им на руку. Усевшись в лодку, я увидел четверых рыбаков с приятною наружностью, жилистыми руками и смуглыми от солнца лицами; в числе же моих спутников была и маленькая девочка лет восьми или девяти, с прекрасно развитою талией, загорелым личиком и парой чёрных живых глаз, которые то повелевали матросами с величием итальянки, то просили с ребячьей грацией. Это была дочь хозяина лодки. Я убедился в этом по гордой улыбке, с какой хозяин указал мне на девочку, когда я сел в лодку. Мы вышли в море, каждый взялся за весло, один я ничего не делал и посадил девочку к себе на колени, желая поговорить с ней и услышать из её маленьких губок простонародное неаполитанское наречие, которое так приятно звучит в ушах.

- Поговорите с ней, ечеленца, - сказал мне торжествующим голосом рыбак, - вы подумаете, что говорите с маркизою; она у нас хоть маленькая, а учёна, что твой канонник. Если хотите, она расскажет вам про короля Длинного Старцу, что выдал дочку свою замуж за змия, или про Вардиелло, что разбогател благодаря своей глупости. А то, может быть, хотите узнать про Волшебную Лань, или про Лешего, который дал Антону Марелиано палку, исполнившую за него все обязанности, или про Замок Жизни?..

- Ну ладно, про Замок Жизни! - перебил я, желая остановить рыбака, который готов был насчитать столько же сказок, сколько шариков на чётках.

- Нунциата, дитя моё, - сказал торжественно хозяин, - Расскажи же ечеленце сказку про Замок Жизни, да Расскажи так, как тебе не раз рассказывала мать. А вы, - обратился он к гребцам, - тише пускайте на воду вёсла, чтобы всем было слышно.

Лодка без шума скользила по неподвижной воде, и мягкий свет солнца обаграл горы и освещал воду; между тем мы молча и со вниманием более часу слушали ребёнка, рассказывавшего нам волшебные сказки посреди очаровательной природы.

Жила когда-то, - важно начала свой рассказ Нунциата, - в Салерно добрая старушка рыбачка и не было у неё

никаких сокровищ и даже никакой подпоры кроме двенадцатилетнего внука-сироты, у которого отец утонул во время бури, а мать померла с горя. Ласковый (таково было имя этого ребёнка) только и любил на свете, что бабушку. Каждое утро до рассвета ходил он с ней на берег собирать раковины или помогать ей вытаскивать сеть; сам он пока не мог ещё ни ловить рыбу, ни бороться с волнами, погубившими его родных. Ласковый был строен, красив и мил, и когда он с корзинкой рыбы на голове входил в город, то каждый старался купить у него, так что он продавал всю рыбу, не успевши ещё дойти до рынка.

По несчастию, бабушка была очень стара; у неё был всего один зуб во рту, голова тряслась, а глаза были такие красные и больные, что она ими почти совсем ничего не видела. С каждым утром ей становилось всё труднее вставать, и бабушка чувствовала, что ей недолго оставалось жить. И потому каждый вечер, прежде чем Ласковый закутывался в одеяло и ложился на полу спать, бабушка давала ему добрые советы на случай, когда он останется один на свете: говорила ему, с какими рыбаками надо знаться, каких избегать, объясняла ему, как трудолюбием, благоразумием и смелостью он может проложить себе в жизни дорогу и добиться того, чтобы иметь свою лодку и сети. Бедный мальчик не внимал этим мудрым советам, и только бабушка начинала серьёзно говорить, он кричал: Бабушка, бабушка, не оставляй меня! У меня есть руки, я силен и скоро буду в состоянии работать за двоих. Но если, вернувшись с моря, я

не найду тебя, бабушка, к чему мне жить?" И Ласковый плакал, целуя бабушку.

- Милый мой внучек, - сказала однажды бабушка, - я не оставлю тебя таким сиротой, как ты воображаешь. У тебя, после моей смерти, будут две покровительницы, и не один принц тебе не позавидует. Много лет тому назад я оказала услугу двум важным дамам; они не забудут тебя, когда придёт час позвать их; час этот наступит скоро.

- Какие же это две дамы? - спросил Ласковый, привыкший видеть в своей хижине только рыбачек.

- Это - две феи, отвечала бабушка, - очень важные феи; одна - водяная, другая - лесная. Слушай же, моё дитя. Я вверю тебе тайну, которую ты так же храни, как я, твоя бабушка, оставляющая тебе счастье и богатство. Десять лет тому назад, в тот самый год, когда умерли твои отец и мать, однажды с рассветом я пошла на берег собрать раков, уснувших в песке, как вдруг увидела зимородка, тихо подплывавшего к берегу. Я пригнулась к земле и спряталась за скалу, так как зимородок - птица божья и её нужно беречь. Я не шевелилась, чтобы не спугнуть её. В это же самое время из расщелины скалы показалась зелёная змея и поползла, расправляя свои большие кольца, по песку к птице. Встретились они как старые знакомые, и змея обвилась вокруг шеи зимородка, точно она его нежно целовала. Так, обнявшись, оставались они несколько минут, потом быстро расстались, змея вползла в расщелину, а птица спустилась на воду, и волны унесли её.

- Очень я удивилась тому, что видела, и когда на другой день пришла в тот же час на берег, зимородок был на песке, а змея выползла из своего убежища. Это были две феи, - в этом нельзя было сомневаться, и, быть может, две очарованные феи, которым я могла бы служить чем-нибудь. Но как? Показаться им - значило сделать им неприятное и самой подвергнуться опасности. Я рассудила лучше ждать более удобного случая, который непременно должен был представиться. С месяц ходила я в эту засаду и видела одно и то же зрелище, как вдруг однажды заметила, что на место свидания прежде всех явился чёрный кот и спрятался за скалою почти около меня. Чёрный кот, думала я, непременно волшебник, - так мне всегда рассказывали в детстве, и я дала себе слово наблюдать за ним. И действительно, только что зимородок и змея поцеловались, как кот вышел из засады, распустил свой хвост и бросился на несчастных. Теперь пришла пора и мне броситься на разбойника, державшего свои жертвы в убийственных когтях. Я схватила его, несмотря на то, что он сопротивлялся и исцарапал мне до крови руку, и, зная, с кем имею дело, без всякой жалости отрубила ножом чудовищу голову, лапы и хвост и ждала, чем всё это кончится.

Я ждала недолго. Только что бросила мёртвого кота в море, как предо мной явились две прекрасные женщины: одна - в венке из белых перьев, а другая - с шарфом из змеиной шкуры. Это были, как я уже говорила, феи: водяная и лесная. Очарован-

ные злым духом, узнавшим их тайну, они должны были остаться змеей и зимородком до той поры, пока чья-нибудь рука не избавит их от их врага. Они мне были обязаны свободой и могуществом.

- Проси у нас чего хочешь, - сказали феи, - твои желания будут тотчас исполнены.

Я подумала, я уже стара и столько натерпелась в жизни, что не стоит начинать её сызнова. Между тем придёт время - подрастёт внучек, ему захочется насладиться жизнью, захочется быть богачом, дворянином, генералом, маркизом, а, может быть, и принцем, и всё это я могу дать ему; одна подобная счастливая минута вознаградит меня за восемьдесят лет нищеты и страданий. Я поблагодарила фей и попросила их отложить свои добрые намерения до тех пор, пока мне что-нибудь не понадобится. Тогда фея вод вынула из венка пёрышко, а фея лесов сняла со змеиной шкурки чешуйки.

- Добрая женщина, - сказали они, - когда мы тебе будем нужны, положи это пёрышко и эту чешуйку в сосуд с чистой водой, пожелай, чего хочешь, и позови нас. Где бы мы ни были, мы явимся к тебе и рассчитаемся с тобою за сегодняшнюю твою услугу.

Я наклонила голову в знак благодарности, но когда снова её подняла, всё исчезло; даже руки мои не были в крови, и я готова была принять всё виденное мною за сон, если бы в руках у меня не было чешуйки и пёрышка.

- А где, бабушка, эти сокровища? - спросил Ласковый.

- Я сберегла их, моё дитя, и хотела отдать их тебе тогда, когда ты вырастешь, станешь человеком и сумеешь ими воспользоваться. Теперь, когда смерть разлучает нас, пришла пора передать тебе эти талисманы. В квашне ты найдёшь деревянный лщичек, завёрнутый в тряпки, а в нём картонную коробочку, завёрнутую в паклю; в этой коробочке лежат пёрышко и чешуйка, бережно завёрнутые в вату. Берегись, не сломай их, бери осторожно, я скажу тебе, что делать потом.

Ласковый принёс коробочку и подал её бедной старушке, которая уже не в состоянии была сама встать с постели. Бабушка достала оба талисмана.

- Теперь, - сказала она внуку, вручая ему талисманы, - поставь посреди комнаты тарелку с водою, положи туда пёрышко и чешуйку и пожелай сам, чего хочешь; проси богатства, ума, почестей, могущества и всего, что знаешь. Но так как я умираю, то прежде чем ты выскажешь свои желания, которые разлучат нас навсегда, поцелуй меня в последний раз, моё дитя, и прими моё благословение; пусть и оно будет для тебя одним из талисманов.

Но, к удивлению старушки, Ласковый ни за поцелуем, ни за благословением не подходил к бабушке; а быстро поставил среди комнаты полную тарелку воды, бросил в неё пёрышко и чешуйку и крикнул от полного сердца: "Я хочу, чтобы бабушка жила вечно! Фея вод и фея лесов, явитесь!"

И вот вода начала кипеть, тарелка превратилась в огромный бассейн, и из него вышли две красивые молодые женщины, в которых мальчик сейчас же по волшебным палочкам в их руках узнал фей. На одной из фей был венок из листьев дикого терновника, переплетённых с красными ягодами, а в ушах алмазные серьги, похожие на жёлуди в чашечках; одета она была в зелёное платье, а сверху была перевязь из полосатой кожи, которая завязывалась на правом плече. Что же касается до феи вод, то на ней был головной убор из тростника, белое платье, опушённое перьями гагары, и голубой шарф, который по временам поднимался над её головой, надуваясь словно парус. Обе прелестные дамы взглянули на Ласкового, который спрятал своё лицо на груди у бабушки, дрожа от страха и удивления.

- Мы здесь, моё дитя, - сказала фея вод, - начавшая разговор, как старшая фея. Мы слышали, что ты сказал; твоё желание делает тебе честь, но мы можем лишь помочь задуманному тобой желанию, а осуществить его ты можешь только сам. Мы в состоянии на некоторое время продлить жизнь твоей бабушки, но для того, чтобы она могла вечно жить, ты должен идти в Замок Жизни, который лежит дня на четыре пути по направлению к Сицилии. Там есть источник живой воды. Если ты берёшься пройти эти четыре дня, не совращаясь с дороги, если ты, придя в замок в состоянии будешь отвечать на три вопроса, которые предложит тебе голос невидимого для тебя существа,

то ты найдёшь там то, чего желаешь; но, дитя моё, прежде нежели решиться на этот подвиг, обдумай его: на предстоящем пути много опасностей. Если из четырёх дней ты и один не достигнешь назначенной цели, ты не только не получишь того, чего так сильно желаешь, но даже не выйдешь из той страны, из которой никто не возвращался.

- Я иду, добрая фея, - сказал Ласковый.

- Но ты очень молод, дитя моё, и даже не знаешь дороги, - сказала фея лесов.

- Всё равно, - ответил Ласковый, - вы не остановите меня, а для спасения бабушки я пойду хоть на край света.

- Подожди же, - сказала фея лесов, и, оторвав кусок свинца от разбитой оконной рамы, сжала его в своей руке.

И свинец начал плавиться и кипеть, но жар, казалось, вовсе не беспокоил фею; потом она бросила металл на очаг, и свинец застыл в тысяче различных форм.

- Что ты видишь во всём этом? - спросила фея.

- Мне кажется, - ответил Ласковый, внимательно посмотрев на свинец, - что я вижу большую испанскую собаку с длинным хвостом и большими ушами.

- Позови её к себе, - сказала фея.

И вдруг послышался лай, и вместо свинца Ласковый увидел перед собою собаку огненного цвета с чёрными пятнами, которая бросилась к нему и стала резвиться и скакать вокруг него.

- Это - твой товарищ, - сказала фея, - назови его Верным; он будет показывать тебе дорогу; но предупреждаю тебя, что ты

должен управлять им, а не он тобой. Если ты сумеешь заставить его слушаться тебя, он будет служить тебе; если же ты будешь его слушаться, он погубит тебя.

- Неужели же я ничего тебе не дам, мой бедный Ласковый, - сказала фея вод.

И, посмотрев вокруг себя, фея увидала на полу кусочек бумаги и бросила его в камин. Бумага загорелась, и когда пламя потухло, показались тысячи искорок, которые летали одна за другой. Внимательно следила фея за искорками и, когда последняя угасла, дунула на пепел, и из него послышался слабый птичий крик, потом вылетела испуганная ласточка и заметалась по углам, пока не уселась наконец на плечо к Ласковому.

- Это - твоя подруга, - сказала фея вод, - ты назовёшь её Задумчивою; она также будет показывать тебе дорогу; но и я предупреждаю тебя, что ты должен управлять ею, а не она тобой. Если ты заставишь её повиноваться тебе, она будет служить тебе; если же ты будешь ей подчиняться, она погубит тебя.

- Пошевели этот чёрный пепел: может, и там найдёшь что -нибудь, - сказала добрая фея вод.

Ласковый повиновался и вынул из пепла флакон из горного кристалла, блестевшего, как алмаз. "В него, - сказала фея, - надо налить живой воды, потому что эта вода может разорвать всякий сосуд, сделанный человеческими руками". Около флакона Ласковый нашёл кинжал с треугольным клинком. Кинжал был похож на стилет его

отца рыбака, до которого ребёнку запрещено было дотрагиваться; с этим оружием можно было идти на самого ужасного врага.

- Сестра моя, я не хочу быть менее нас великодушною, - сказала другая фея и, вынув соломинку из единственного стула в доме, дунула на неё. Соломинка обратилась в чудесное ружьё, украшенное золотом и перламутром. Другая соломинка превратилась в охотничью сумку, которую Ласковый тотчас же надел на себя; она к нему очень шла; можно было подумать, что какой-нибудь принц собрался на охоту. Ласковый был так хорош, что бабушка, увидав его в таком наряде, заплакала от радости и изумления.

Когда феи исчезли, Ласковый поцеловал добрую старушку, сказал ей, чтобы она дожидалась его, и встал на колени, чтобы получить от неё благословение. Бабушка давала ему разные добрые советы, просила его быть справедливым, добрым и в особенности не совращаться с прямого пути. "Не ради меня, - прибавила бабушка, - не для меня старухи, которая принимает смерть с радостью и только сожалеет, что тебе пришло в голову такое желание, а ради тебя, дитя моё, чтоб ты вернулся; я не хочу умирать до тех пор, пока ты не придёшь закрыть мне глаза."

Было уже поздно. Ласковый лёг на пол и от волнения думал провести бессонную ночь; но сон скоро посетил его, и он проспал всю ночь, между тем как бабушка смотрела в лицо своего внука, освещённое

мерцающим огоньком лампы, и не могла на него налюбоваться.

Только показалась заря, защебетала ласточка, и Верный стал тянуть с него одеяло.

- Отправимся, хозяин, отправимся, - говорили оба товарища на своём языке, который Ласковому, по милости фей, был понятен, - уже весело играет море у берегов, поёт птичка, жужжит муха, распускается цветок на солнце, - отправимся, пора!

Ласковый последний раз поцеловал своего старого друга и пошёл по дороге, ведущей к Пестуму. То справа, то слева летала Задумчивая, гоняясь за мошками; Верный весело ласкался к молодому хозяину, или же бежал впереди его.

Они уже отошли около двух миль от города, как Ласковый заметил, что Верный разговаривает с муравьями, которые шли правильной колонной и тащили провизию.

- Куда вы идёте? - спросил их Ласковый; а они на это отвечали:

- В Замок Жизни.

Немного далее Задумчивая встретила стрекоз, которые вместе с пчёлами и бабочками также шли в Замок Жизни напиться из источника бессмертия. Потому решено было всем, как попутчикам идти вместе. Задумчивая представила Ласковому молодую бабочку, которая болтала не без приятности. Дружба в молодости завязывается скоро, и

через час оба товарища уже были неразлучны.

Бабочкам не по нраву прямая дорога, и Ласковый, идя за своим товарищем, постоянно путался в траве. Ласковый, который во всю свою жизнь не пользовался такою свободой и никогда не видал столько цветов и света, бежал следом за бабочкой и позабыл о цели своего путешествия. Через некоторое время, бабочка почувствовала усталость и сказала своему другу:

- Не пойдём далее; смотри, как хороша здесь природа, как благоухают цветы, покрывающие эти поля! Что здесь за жизнь!

- Идём, - говорил Верный, - ещё много идти нам, а мы только в начале пути.

- Идём, - говорила Задумчивая, - небо чисто, горизонт бесконечен; идём вперёд!

Ласковый одумался и стал уговаривать бабочку, летавшую направо и налево, продолжать путь, но напрасно.

- Зачем я пойду с вами? - говорила она. - Вчера я была гусеницей, к вечеру обращусь в ничто, а теперь хочу наслаждаться жизнью!

И бабочка спустилась на совершенно распустившуюся розу Пестума, но аромат розы был так силен, что бабочка задохнулась. Напрасно Ласковый старался возвратить её к жизни. Потужив о бабочке, он приколот её булавкой вместо кокарды к шляпе и пошёл далее.

К полудню пришла очередь отдыхать стрекозам.

- Давайте петь, - говорили они, - мы изнурим себя, если пойдём по такой жаре.

Как хорошо отдохнуть! Ступай к нам, Ласковый, станем вместе веселиться и петь.

- Отдохнём и мы, - заметила Задумчивая, - они так хорошо поют! Но Верный не согласен был на такое предложение и так лалял, что Ласковый оставил стрекоз и побежал за несносным.

Вечером Ласковый встретил пчелу, нагруженную добычей.

- Куда ты? - спросил он пчелу.

- Я - домой, - отвечала пчела, - я не хочу расстаться со своим ульем.

- Как! - сказал Ласковый, - и ты, трудолюбивая пчёлка, отказываешься от бессмертия, как и стрекозы?

- Твой Замок Жизни далеко, - ответила пчёлка, - я не так честолюбива, как ты. С меня довольно и ежедневных трудов, и я не вижу пользы от твоих путешествий; жизнь для меня труд.

Ласковый опечалился было, потеряв с первого же дня стольких дорожных товарищей; но вспомнив, как легко он провёл первый день дороги, стал опять весел, ласкал Верного, ловил мух для Задумчивой и кормил её из своих рук, и наконец полный надежд заснул, и видел во сне бабушку и двух фей.

На другой день с зарёю разбудила Задумчивая своего молодого хозяина.

- Отправимся, - говорила она. - Уже море весело играет у берегов, птичка поёт,

муха жужжит, цветок распускается на солнце; отправимся, пора!

- Подожди минутку, - отвечал Верный, - нам не далеко идти; к полудню мы увидим храмы Пестума и вечером будем уже в городе.

- Муравьи уже в дороге, - возразила на это Задумчивая, - дорога сегодня будет труднее, чем вчера, отправимся.

Ласковый вспомнил, что он видел во сне бабушку, которая улыбалась ему, и с большим жаром, чем накануне, пустился в путь. День был славный: справа море катило свои синеватые волны, которые, журча, взрывали прибрежный песок; слева виднелись горы, окаймлённые светло-розовым цветом; а долину покрывала высокая трава, усеянная цветами; по дороге встречались алоэ и акация, а над ними расстиралось безоблачное небо. Полный радости и надежд, Ласковый вообразил, что уже он близок к цели путешествия. Верный скакал по полям, поднимая куропаток; Задумчивая терялась в небесах, играя со светом. Вдруг между тростниками показалась красивая косуля, которая приветливо глядела на Ласкового и словно манила его к себе. Ребёнок побежал за ней; косуля сделала прыжок и остановилась в недалёком расстоянии. Три раза делала она тоже самое и точно поддразнивала Ласкового.

- Погонимся за ней, - сказал Верный, - я ей пересеку дорогу, и мы её скоро поймем.

- А где же Задумчивая? - спросил мальчик.

- Всё равно, хозяин, - сказал Верный.
- Поймать косулю - минутное дело; уж

положись на меня, я вырос на охоте; косуля - наша!

Ласковый не заставил повторять двух раз эти слова и побежал за косулей, которая остановилась между двумя деревьями, словно для того, чтоб позволить поймать себя; но только что до неё дотронулась рука охотника, косуля быстро отпрыгнула.

- Смелее, хозяин! - крикнул Фидель, бросившись к косуле. Но косуля, взмахнув головой, отбросив собаку на воздух, побежала быстрее ветра.

Ласковый бросился за ней, а Верный, высунув от жара язык, словно бешеный, бежал за нею и лаял. Они скакали через нивы, ямы, кустарники, и ничто не удерживало их прыти. Косуля, казалось, изнемогла и была не в состоянии бежать дальше. Ласковый радостно протянул руку, чтобы схватить косулю, как вдруг оступился и вместе со своим неосторожным товарищем Верным упал в прикрытую листьями западню.

Ещё не успел он оправиться от падения, как косуля, подойдя к краю ямы, закричала ему:

- Вы попались в ловушку. Я - жена царя волков, и он съест вас обоих.

Сказав эти слова, косуля исчезла.

- Хозяин, - сказал Верный, - фея была права, советуя тебе не слушаться меня. Мы сделали глупость, и я погубил и тебя, и себя.

- Но по крайней мере мы не дадимся живыми в руки, - сказал Ласковый.

И он зарядил ружьё двойным зарядом, в ожидании прихода царя волков.

Успокоившись немного, он осмотрел глубокую яму, в которую они попались; она была слишком глубока, и из неё было невозможно выбраться. В этой яме приходилось встретить смерть. Верный по лицу понял мысли своего друга.

- Хозяин, - сказала собака, - если ты швырнёшь меня изо всей силы вверх, я, быть может, доберусь до края и помогу и тебе выбраться.

Не очень надеялся на это Ласковый. Три раза швырял он Верного, и три раза Верный падал обратно в яму. Наконец в четвёртый раз собака успела ухватиться за корни и, помогая себе зубами и лапами, выбралась наконец из ямы. Немедленно она сбросила сучья на край ямы.

- Хозяин, - сказала собака, - воткни эти сучья в землю и сделай из них лестницу. Да торопись, - прибавил Фидель, - уже я слышу вой короля волков.

Ласковый был проворен и ловок. Гнев удвоил его силы, и не прошло и минуты, как он уже был наверху ямы. Он осмотрел, при нём ли кинжал, переменял пистон у ружья, твердо стал под дерево и ожидал врага.

Вдруг он услышал страшный вой. Ужасное животное с длинными клыками, как у кабана, несло к нему громадными скачками. Дрожащей рукой Ласковый прицелился и выстрелил. Выстрел был удачен. Волк упал, но тотчас же встал и побежал на него. "Заряжай опять ружьё, торопись, хозяин", - крикнул Верный и сам храбро бросился

на чудовище и впился ему всеми зубами в шею.

Волк потрянул головою и сбросил бедную собаку на землю и сожрал бы Верного, если бы он не успел ускользнуть из пасти, оставив, однако, в ней своё ухо. Тут пришло время Ласковому спасать товарища. Он смело шёл вперёд и пустил заряд, целясь прямо в плечо. Волк упал, но, со страшными усилиями поднявшись на ноги, бросился на охотника и повалил его под себя. Почувствовав себя под животным, Ласковый считал себя погибшим, но не теряя присутствия духа и призвав на помощь добрых фей, он выхватил из-за пояса кинжал и вонзил его прямо в сердце волку. Волк вдруг растянулся и околел.

Покрытый потом и кровью, Ласковый встал, дрожа от волнения, и сел на опрокинутое дерево. Верный едва дополз до него и не смел даже приласкаться к хозяину, так сознавал он перед ним свою вину.

- Хозяин, - сказал он, - что мы станем делать? Скоро ночь, а мы ещё далеко от Пестума.

- Нужно идти, - сказал ребёнок и встал было, но был так слаб, что должен был сесть снова.

Сильная жажда томила мальчика, трясла лихорадка, и всё кружилось вокруг. К тому же в нём пробудились воспоминания о бабушке, и он заплакал. Забыть так скоро свои обещания, думал он, и умереть в неизвестности, и всё из-за красивых глаз косули! Совесть мучила Ласкового. Грустно кончался для него день, который начался

так весело! Скоро опять слышался злобный вой. То были братья царя волков, которые бежали к нему на помощь. Ласковый приласкал своего единственного друга Верного, простил ему неосторожность, за которую они оба могли поплатиться жизнью, потом зарядил ружьё и, взывая к добрым феям, поручил им бабушку, а сам приготовился умереть.

- Ласковый, Ласковый, где ты? - пищал тоненький голосок Задумчивой.

И ласточка, порхая, уселась наконец на шляпу к своему хозяину.

- Смелее, братцы, - говорила она, - волки ещё далеко. Вблизи отсюда есть ручей, он утолит вашу жажду, и в нём вы обмоете ваши раны, а в траве я заметила тропинку, которая прямо доведёт нас до Пестума.

Волнуемые страхом и надеждой, Ласковый с Верным дотащились до ручья и потом отправились по едва заметной тропинке; Задумчивая ободряла их своим щебетанием. Солнце село; некоторое время путники шли в совершенной темноте и, когда взошла луна, были уже вне опасности. Теперь пошла чрезвычайно трудная дорога; приходилось переходить рвы, болота и чащи, в которых ветви царапали Ласковому лицо и руки; но при мысли, что можно ещё поправить вину и спасти бабушку, у него становилось так легко на душе, что он чувствовал, как с каждым шагом прибавлялись его сила и надежды. Утомлённые, пришли они наконец в Пестум в то самое время, когда звёзды показывали полночь.

Ласковый бросился на плиты храма Нептуна и, поблагодарив Задумчивую, сладко заснул, имея в ногах у себя избитого, окровавленного и молчаливого Верного.

Недолго был сон наших путников. Ласковый встал с рассветом. Сходя со ступеней храма, он увидел муравьёв, которые воздвигли песочную кучу, и зарывали в неё хлеб новой жатвы. Каждый муравей уходил, приходил, толковал с соседом, получал или отдавал приказания; одни таскали солому, носили маленькие кусочки дерева, другие уносили мёртвых мух, складывали припасы в кучу, словом, готовили жильё на зиму.

- Вы разве больше не идёте в Замок Жизни? - спросил Ласковый муравьёв. - Вы отказываетесь от бессмертия?

- Мы довольно поработали, - отвечал ему один из рабочих муравьёв, - теперь настало время пользоваться нашими трудами. Дорога в Замок Жизни длинна, будущее неизвестно, а мы и так богаты. Одни дураки рассчитывают на завтрашний день, а мудрые люди пользуются настоящим часом; когда заработал честно - наслаждайся! Вот истинная философия.

Верный хотя и находил, что муравей был прав, но после вчерашнего приключения с косулей не осмеливался больше давать советы, а ограничился только тем, что, уходя, в знак согласия кивнул головой. Задумчивая, напротив, не соглашалась с муравьём и сказала, что он - эгоист. Если

жизнь наслаждение, то бабочка умнее его. И в то же время Задумчивая быстрее, чем когда-либо, полетела, показывая дорогу.

Ласковый пошёл за нею молча. Ему было стыдно вчерашних своих глупостей и, хотя он жалел о косуле, но дал себе слово, что теперь, на третий день, никто не сманит его с дороги. С оторванным ухом, прихрамывая, шёл Верный за хозяином и, казалось, задумывался не менее его. К полудню стали искать удобного места для привала. День был не такой жаркий, как накануне. Казалось, что изменилась и почва, и время года. Дорога шла через скошенные луга и через виноградники, полные винограду; по сторонам росли фиговые деревья, покрытые плодами, на которых жужжали тысячи насекомых. На небе виднелись золотистые облака, воздух был мягкий и тёплый, словом, всё, казалось, манило к отдыху.

На одном из прелестнейших лугов, не-вдалеке от ручья, распространявшего вокруг себя прохладу, Ласковый заметил, что под тенью ясеней и яворов было стадо буйволов, которые о чём-то раздумывая, уютно расположились вокруг старого быка, который, казалось, был их главою или королём. Ласковый подошёл к ним и был ими вежливо принят. Знаком головы ему предложили сесть и показали на большие чаши с молоком и сыром. Ласковый удивился степенности и спокойствию этих мирных и в то же время сильных животных. Они походили на римских сенаторов, сидящих на своих креслах. Золотые кольца в их нозах придавали им ещё более величия, и Ласковый, чувствовавший

себя гораздо лучше теперь, чем вчера, подумал, что недурно было бы пожить в месте такого изобилия и мира. Если есть где-нибудь счастье, то искать его надо, конечно, здесь, подумал мальчик.

Верный совершенно разделял мысли своего хозяина. Было время перелёта перепелов, и земля была покрыта усталыми птицами, которые спешили восстановить силы перед отправлением за море, так что Верному стоило только протянуть голову, чтобы по-царски поохотиться. Насытившись дичью, Верный лёг у ног хозяина и захрапел.

Когда буйволы перестали размышлять, Ласковый, не желавший до сих пор быть нескромным, завёл беседу с одним быком, который поспешил выказать развитый ум и большую опытность.

- Не вы ли владельцы этих прекрасных владений? - спросил Ласковый буйвола.

- Нет, - ответил почтенный буйвол, - мы и всё, что вы здесь видите, принадлежит фее Жаб, королеве Красных Башен, самой богатой из фей.

- Чего ж она требует от вас? - спросил Ласковый.

- Ничего, кроме того, чтоб мы носили золотое кольцо в носу и платили оброк молоком, ну и ещё, чтоб мы время от времени отдавали кого-нибудь из наших детей для угощения её гостей. За то мы наслаждаемся изобилием и совершенной безопасностью. Так что мы не завидуем никому, и нет никого счастливее нас.

- А не слыхали ли вы чего-нибудь о Замке Жизни и об источнике живой воды? - робко спросил Ласковый, покрасневший, сам не зная отчего, при этом вопросе.

- При наших отцах, - сказал на это бык, - были старики, которые говорили кое-что об этих пустяках. Мы умнее наших

предков и понимаем, что нет другого счастья, кроме размышления и сна.

Печально встал Ласковый, собираясь снова пуститься в дорогу, и спросил, что это за четырёхугольные красноватые башни виднелись вдаль.

- Это - Красные Башни, - отвечал бык.

- Ими оканчивается дорога. Желая продолжать путешествие, вы непременно должны пройти мимо замка Жабы. Вы увидите фею, мой молодой друг, которая предложит вам гостеприимство и счастье. Поступите, как поступали ваши предшественники. Поверьте мне, все принимали благоденствия нашей хозяйки, и все были довольны, что отказались от своей мечты найти иную, более счастливую жизнь.

- Что же случилось с ними? - спросил Ласковый.

- То же, что с нами; они сделались буйволами, - спокойно сказал бык и, наклонив голову, заснул, так как не кончил ещё своего послеобеденного отдыха.

Ласковый содрогнулся от последних слов собеседника и разбудил Верного, который встал с ворчанием. Потом он кликнул Задумчивую, но та не откликнулась: она беседовала с пауком, свившим большую паутину между двумя ясенями, которая блестела на солнце и была полна мошек.

- К чему, - говорил ласточке паук, - к чему предпринимать такое длинное путешествие? К чему менять климат и ставить свою жизнь в зависимость от солнца, погоды и хозяина? Посмотри на меня, я ни от кого не завишу и добываю всё из самого себя.

Сам себе господин, я наслаждаюсь собственным гением и собственным искусством. К себе я стягиваю мир, и ничто не может расстроить моих расчётов и счастья, которыми я обязан только самому себе.

Три раза Ласковый звал Задумчивую, но она не слыхала его, удивляясь своему новому другу пауку. Ежеминутно какая-нибудь неосторожная мошка попадалась в паутину, и паук, как учтивый хозяин, каждый раз угощал ласточку новой добычей. Но вдруг подул ветерок, такой, впрочем, лёгкий, что не пошевелил на ласточке даже пёрышка. Задумчивая стала искать паука и увидела, что паутина качалась на ветру, а бедное насекомое одной лапкой держалось на последней нити, пока не унесла его прилетевшая птица.

Молча подошли наши путники ко дворцу Жабы. Ласкового приветствовали две красивые борзые собаки в ярко-красных попонах и в широких ошейниках, блиставших рубинами. Пройдя множество комнат, украшенных картинами, статуями, обитых золотыми и шёлковыми материями и заваленных сундуками, ломившимися от серебра и драгоценностей, Ласковый с товарищами вошёл в круглую гостиную Жабы. Стены этой комнаты были из лазуревых камней; двенадцать колонн, украшенных золотом, с капителями из белых эмалевых листьев аканты поддерживали эмалевый потолок. На большом бархатном кресле сидела Жаба, величиной с кролика. На ней был большой красный плащ, окаймлённый золотыми блёстками, а на голове диадема из рубинов, блеск которых

несколько оживлял её толстые щёки с жёлтыми и зелёными крапинками. Как только Жаба заметила Ласкового, она протянула ему четыре пальца, покрытых кольцами, и бедный мальчик должен был из учтивости поднести их, склонившись, к своим губам.

- Друг мой, - сказала фея хриплым голосом, который она тщетно старалась смягчить. - Я давно ждала тебя и не хочу быть к тебе менее великодушной, нежели мои сестры. Проходя сюда, ты видел только самую незначительную часть моих богатств. Этот дворец со всеми картинами, статуями, сундуками, наполненными золотом, эти обширные владения и бесчисленные стада, всё это будет твоё, если ты пожелаешь. От тебя самого зависит сделаться богачейшим и счастливейшим из людей.

- Что же нужно сделать для этого? - спросил взволнованный Ласковый.

- Меньше чем ничего, - ответила фея. - Надо разрубить меня на пятьдесят кусочков и съесть с аппетитом. Это дело не страшное, - прибавила Жаба с улыбкой. И глядя на Ласкового своими красными, более обыкновенного красными, глазами, Жаба начала приятно выпускать слюну.

- Нельзя ли по крайней мере, чем-нибудь вас приправить? - спросила Задумчивая, которая не могла без зависти смотреть на чудные сады феи.

- Нет, - отвечала Жаба, - меня нужно съесть совсем сырою. В моём дворце можно гулять, можно рассматривать драгоценности и помнить, что кто окажет мне эту услугу,

то есть съест меня, тот будет владеть всеми моими сокровищами.

- Хозяин, - жалобно сказал Верный, - здесь так хорошо: решишь!

Задумчивая не сказала ни слова, но её молчание показывало, что и она разделила мнение Верного.

Но Ласковый, вспомнивший о буйволах и золотом кольце, не доверял фее. Жаба догадалась об этом.

- Не думай, - сказала она, - что я хочу тебя обмануть, мой милый Ласковый. Предлагая тебе свои владения, я прошу от тебя услуги, за которую даю достойное вознаграждение. Когда ты исполнишь то, что я тебе предложила, я сделаюсь молодой девушкой, красивой, как Венера, и у меня останутся только ноги и руки Жабы. При моём богатстве - это пустяки. Десять принцев, двадцать маркизов и тридцать графов давно умоляли меня выйти за них замуж такую, какова я теперь, но я не согласилась. Сделавшись девицей, я предпочту тебя, и мы будем вместе наслаждаться нашими несметными богатствами. Не красней от того, что ты беден: у тебя есть сокровище, стоящее всех моих, - флакон, подаренный тебе моей сестрой. И, говоря эти слова, Жаба протянула свои липкие пальцы, желая схватить талисман.

- Никогда! - закричал, отшатнувшись от неё, Ласковый. - Никогда! Я не хочу ни богатства, ни покоя. Я хочу выйти отсюда и идти в Замок Жизни.

- Ты не выйдешь отсюда! - закричала в бешенстве фея.

И в ту же минуту дворец исчез, и пламя окружило Ласкового.

Невидимые часы начали бить полночь.

При первом ударе Ласковый содрогнулся, при втором он бросился в пламя. Единственным средством доказать своё раскаяние и любовь к бабушке было - броситься в пламя и умереть за неё.

Но, к удивлению Ласкового, огонь раздвинулся перед ним, не коснувшись его, и он очутился с товарищами в какой-то новой стране.

Это самый конец земли. Ласковый шёл по горе, покрытой снегом. Он видел кругом себя большие деревья, покрытые инеем. Сырой туман пронизывал Ласкового до костей; в рыхлом снеге вязли ноги. К довершению горя, у подошвы горы шумел поток, с грохотом разбиваясь о скалы. Ласковый взял свой кинжал и срубил себе палку, чтоб было на что опираться. Верный поджал хвост и тихо лаял, а Задумчивая сидела на плече хозяина с опущенными крылышками, на которых блестели льдинки. Бедная птичка была едва жива, но не жаловалась, а ещё ободряла Ласкового.

Когда после страшных трудов они спустились с горы, Ласковый увидел перед собою реку, покрытую громадными льдинами, которые неслись вдаль и бились одна о другую. Нужно было переправиться через

ту реку без моста, без лодки, словом, без всяких к тому средств.

- Хозяин, - сказал Верный, - я не в силах идти далее. Да будут прокляты феи, которые вызвали меня из ничтожества и заставили быть твоим слугою.

Проговорив это, Верный лёг и не трогался с места. Напрасно Ласковый ободрял его, называя своим товарищем и другом. Верный, в последний раз отвечая на ласки хозяина, помахал хвостом, полизал ему руку и умер.

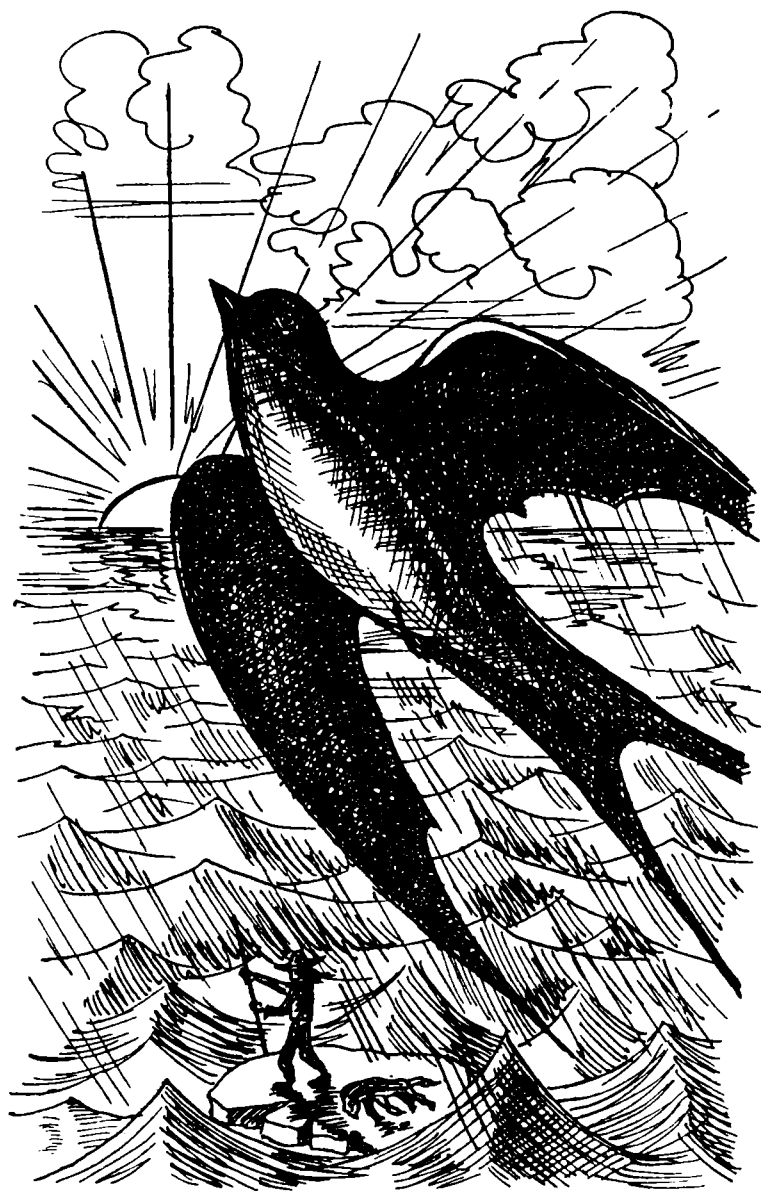
Ласковый взвалил Верного себе на спину, чтоб нести в Замок Жизни, и с Задумчивой на плече смело ступил на одну из льдин. Палкой оттолкнул он этот ненадёжный плот на середину течения, которое понесло его со страшной быстротой.

- Хозяин, - сказала Задумчивая, - слышишь ли шум? Это бушует море, оно поглотит нас! Приласкай же меня в последний раз и простимся!

- Нет, - отвечал Ласковый, - к чему феям было обманывать меня? Быть может, близок берег, быть может, за тучами есть солнце? Поднимись выше, моя добрая Задумчивая! Быть может, из-за тумана ты увидишь свет и Замок Жизни.

Задумчивая расправила свои полужамёрзшие крылья и, взвившись высоко, исчезла в тумане. Минуту Ласковый слышал шум её полёта, затем наступила тишина, а льдина бешено неслась среди ночной темноты. Долго Ласковый ждал Задумчивую. Наконец надежда его оставила, и он лёг на льдину в ожидании смерти. По временам молния пронизывала облака и раздавались раскаты

грома. Вдруг Ласковый услышал крик ласточки, и Задумчивая упала к его ногам.

- Хозяин, хозяин, - сказала она, - ты прав. Я видела берег, и над ним видна заря. Мужайся!

И затем она судорожно встрепенула свои изнурённые крылышки и умерла.

В горести поднял её Ласковый, положил бедную птичку, пожертвовавшую собой для него, к сердцу и с нечеловеческим усилием толкнул льдину вперёд, чтобы отыскать или спасение, или гибель. Вдруг он услышал шум с рёвом несшейся на него волны. Он упал на колени, закрыл глаза и ждал смерти.

Волна высокая, словно гора, обрушилась над его головой и выбросила его на берег, на который до него не приставал никто из смертных.

Когда Ласковый пришёл в чувство, кругом него не было ни льдов, ни тумана, ни мрака. Он лежал на песке в какой-то стране, где деревья блистали яркой зеленью.

Против него был чудный замок, откуда вырывался источник и ручьём впадал в голубое спокойное, словно небо прозрачное, море. Ласковый посмотрел вокруг. Он был один с останками двух друзей, прибитых к берегу волнами. Утомлённый столькими волнениями и страданиями, он подошёл к ручью, желая освежить свои засохшие губы, и вдруг

остановился в ужасе. В воде он увидел не себя, а старика с седыми волосами, удивительно похожего на него. Он обернулся, но кругом не было никого. Он подошёл снова к ручью и снова увидел лицо старика, и убедился на этот раз, что старик был он сам.

- Великая фея, - сказал он, - вам нужна была моя жизнь за жизнь бабушки. Я с радостью приношу эту жертву!

И не думая более о морщинах и старости, он с жадностью стал пить из ручья.

Утолив жажду, он весьма удивился, увидев себя в ручье таким же молодым, каким он был в тот день, когда оставил родительский дом. Он даже был ещё моложе: волосы были чернее, а глаза блестели ещё ярче. Он взял свою шляпу, лежавшую у ручья; на неё случайно упала капля воды. И вдруг бабочка, которая была приколота к шляпе, забила крыльями, стараясь улететь. Ласковый побежал к берегу, взял Верного и Задумчивую и окунул их в животворный источник. Задумчивая, испустив радостный крик, вырвалась из его рук и скоро скрылась в листве деревьев, окружавших замок, а Верный, отряхивая с себя воду, побежал к дворцовым конюшням, откуда вышли великолепные сторожевые собаки. Они не лаяли на пришельца, а напротив, приняли его, как старого друга.

Ласковый достиг источника бессмертия, который давал двести или триста лет жизни тому, кто из него пил, и ничто не мешало выпить снова.

Ласковый наполнил флакон этой живительной водой и пошёл ко дворцу. Сердце его страшно билось, ему оставалось ещё одно последнее испытание; когда приближаешься к цели плавания, страшно стать на мель. Он входил на крыльцо замка - всё кругом было безмолвно и заперто. Никто не встречал путника. Наконец, когда он был на последней ступеньке и готовился постучаться в дверь, его остановил скорее нежный, чем строгий голос.

- Любил ли ты? - говорил невидимый голос.

- Да, - ответил Ласковый, - я любил свою бабушку больше всего на свете.

Дверь приотворилась так, что можно было в неё просунуть руку.

- Страдал ли ты за ту, которую любишь? - снова спросил голос.

- Я страдал, - ответил Ласковый, - много страдал по своей вине и отчасти за ту, чью жизнь хочу спасти.

Дверь отворилась вполтину, и ребёнок увидел бесконечную даль: лес, вода, небо, и всё здесь было прекраснее того, о чём он когда-либо мечтал.

- Всегда ли ты исполнял свои обязанности? - спросил голос более строгим тоном.

- Нет, - отвечал Ласковый, - падая на колени. - Но когда я не исполнял их, я бывал наказан угрызениями совести, причинявшими мне больше страдания, чем испытанные мною на пути. Простите меня, если я не искупил ещё всех моих ошибок, накажите меня, но только спасите ту, которую я люблю: сохраните мне мою бабушку.

Тотчас же двери растворились настежь; но того, кто их растворил, Ласковый не видел. Радостно вошёл он во двор, посредине которого из куста цветов, более красивых и пахучих нежели те, которые он встречал на земле, бил источник. Около источника стояла женщина с благородной осанкой, в белой одежде. На вид ей казалось не больше сорока лет. Она пошла навстречу Ласковому и так приветливо улыбалась ему, что мальчик был тронут до глубины сердца, и слёзы показались на его глазах.

- Разве ты не узнал меня? - сказала женщина Ласковому.

- Бабушка, вы ли это? - вскричал он.
- Как попали вы в Замок Жизни?

- Да, дитя моё, это - я, - сказала она, прижимая ребёнка к своей груди. - Меня принесла сюда одна фея, которая могущественнее всех водяных и лесных фей. Я больше не возвращусь в Салерно. Здесь я получила вознаграждение за то небольшое хорошее, что я сделала в жизни, и здесь я испытываю нескончаемое блаженство.

- А что же будет со мной, бабушка? - крикнул Ласковый. - Встретивши вас здесь, я не вернусь назад, чтобы опять быть одиноким.

- Милый внучек, - ответила она, - на земле жить нельзя тому, кто раз узнал небесные радости этого жилища. Ты жил, мой добрый Ласковый, и жизнь больше ничему тебя не научит. Ты был счастливее меня и в четыре дня прошёл ту пустыню, в которой я томилась восемьдесят лет; отныне ничто не разлучит нас.

Дверь затворилась, и с тех пор никто не слышал ни о Ласковом, ни о бабушке. Напрасно неаполитанский король велел искать по Калабрии очаровательный дворец и источник бессмертия. Их никогда не могли найти на земле. Но если бы мы понимали, что говорят звёзды, проливающие на нас каждый вечер свои мягкие лучи, то мы, наверное, давно бы узнали от них, где Замок Жизни и источник бессмертия.

Нунциата кончила свой рассказ, а я всё ещё слушал и восхищался её глазами, полными наивной веры в чудеса, которые ей рассказывала мать. Я ещё следил за жестами её маленьких рученок, которые, казалось, рисовали людей и природу.

- Что же вы ничего не говорите, ечеленца, - крикнул мне рыбак, - или Marchesin'a очаровала вас так же, как очаровывала столько других? А всё оттого, что это - не сказка; мы в Салерно покажем вам дом Ласкового.

- Хорошо, хозяин, - отвечал я ему, несколько смущённый тем, что заслушался таких басен. - Девочка рассказывает очень мило, и в знак благодарности, как только мы выйдем на берег, я куплю ей чётки из слоновой кости, перемешанные с крупными серебрянными зёрнами.

Нунциата покраснела от удовольствия. Я поцеловал её, что сконфузило её ещё больше. А отец в это время смотрел то на меня,

то на товарищей глазами, блиставшими от удовольствия.

- Завтра, - сказал он, - если вы, ечеленца, позволите, она расскажет вам ещё лучшую историю, которая вас заставит и плакать и смеяться.

На другой день мы плыли из Амальфи в Салерно, и Нунциата... Но что говорила мне Нунциата, пусть останется пока в тайне.

Как петушок попал на крышу

испанская сказка

Жила-была на птичьем дворе прекрасная чёрная курица. На голове она носила маленькую корону, как испанская королева. А на ногах у неё были широкие штаны, как у турецкой султанши. По пятам за ней ходила дюжина цыплят - шесть курочек и шесть петушков.

Курочки были похожи на свою мать, а петушки - на отца, самого храброго и галантного петуха во всей Кастилии.

Мальчики уже немного умели кричать "ку-ку-ре-ку", а девочки премило кудахтали. Все они были очень умные и красивые цыплята.

Но был у курицы ещё один сынок - тринадцатый. Вот уж этот нисколько не походил ни на отца, ни на мать. Сказать по правде, он ни на что не был похож, этот тринадцатый цыплёнок, - у него не хватало одной лапки, одного крыла и одного глаза.

$$2 - 1 = 1.$$

Цыплёнок скакал по двору на одной ноге, размахивая одним крылом и поглядывая вокруг одним глазом. Но это не мешало

ему кричать громче всех и выхватывать из материнского клюва зёрна и червяков вдвое быстрее, чем это делали все его двуглазые и двуногие сёстры и братья.

Казалось бы, уж если вы уродились на свет хромым, кривым и однокрылым, самое лучшее и разумное для вас - вести себя скромно. Но, должно быть, у этого тринадцатого цыплёнка не хватало не только ноги, но и ума в голове. Во всяком случае, он вёл себя зазорнее и горделивей, чем все боевые петухи от Бургоса до Мадрида.

Он никому не желал уступать дорогу, никого не удостаивал своей дружбы, ни с кем не хотел делиться ни добычей, ни подачкой.

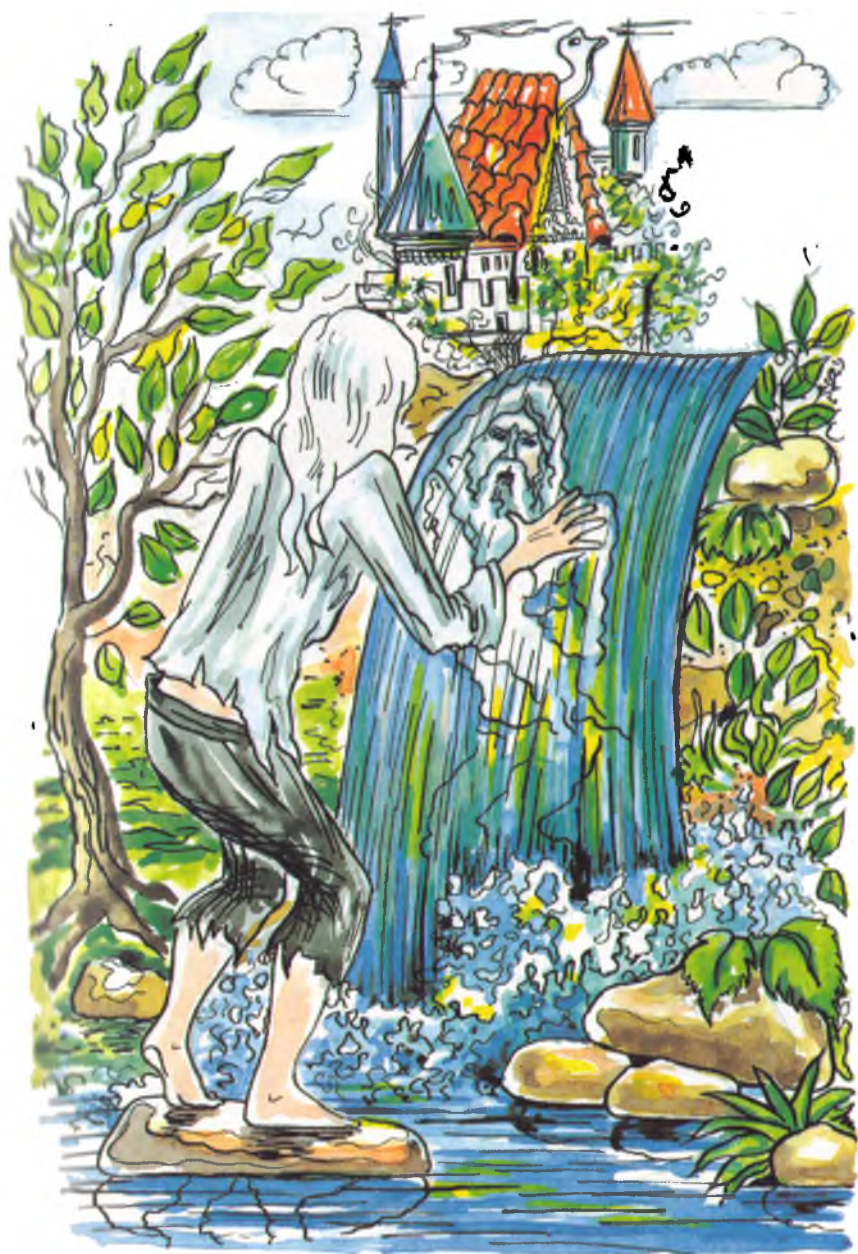
Целыми часами простаивал он над какой-нибудь канавкой, полной воды, или над лужей, которая никогда не просыхает подле колодца и, слегка склонив голову набок, любовался своим отражением.

А так как, по обычаю всех петухов, он от восторга закрывал глаза, - вернее было бы сказать, один-единственный глаз, - то ему и казалось, что он самая прекрасная и важная птица на свете.

Если куры начинали громче обычного кудахтать на своём насесте, он говорил, что это они раскудахтались с досады на то, что он глядит на них только одним глазом.

Если кто-нибудь из братьев нечаянно толкал его или выхватывал у него из-под носа червяка, он кричал:

- Всё зависть! Всё ку-ку-ревность! - и сразу кидался в драку.

Всякое чужое "ку-ку-ре-ку" выводило его из себя, но как он ни старался перекрычать всех своих братьев, - родных, двоюродных и троюродных, - это ему никак не удавалось: вокруг было слишком много петухов, ещё более горластых, чем он.

И вот, в конце концов, он решил попросту покинуть этот жалкий птичий двор, где только и умеют, что кудахтать да дремать, сидя на насесте.

- Матушка, - сказал он, - Испания мне надоела! Я отправляюсь в Рим.

- Куда? Куда? - закричала в ужасе курица.

В Рим! - сказал тринадцатый цыплёнок. - Мне хочется видеть римского папу. Да и ему, конечно, будет интересно поглядеть на меня.

- Что ты, мой мальчик, - сказала бедная курица, - ведь это страшно далеко! Ты заблудишься.

- Пустяки! - ответил цыплёнок. - Все дороги ведут в Рим.

- Предположим, - сказала курица. - Но будь уверен, что задний двор, на котором ты родился, стоит любого двора, даже королевского. Нигде на свете ты не найдёшь такого уютного курятника, выбеленного чистойшей извёсткой, таких тенистых шелковичных деревьев, под ветвями которых можно укрыться от дождя и от зноя, такой огромной, такой величественной, такой душистой кучи навоза!.. А сколько здесь червей! Ведь их и разыскивать не нужно наклони голову и клюнь! Наклони голову

и клюнь! Я уж не говорю о том, что здесь ты окружён любящей роднёй. Все петухи и куры вокруг - наши двоюродные и троюродные... И, кроме того, три великолепных сторожевых пса днём и ночью охраняют нас от лисицы. Не забывай этого, дитя моё!

- Ах, это-то мне и невыносимо! - сказал цыплёнок и махнул своим единственным крылом. - Эти ищейки не дают нам шагу ступить. Собаки! А уж что касается родни, так будем откровенны, матушка: мои братцы и сестрицы только и умеют горланить да кудахтать, у всех моих двоюродных - куриные мозги, а троюродные ещё в скорлупе были настоящими болтунами. Нет, и не уговаривайте меня! Я ни за что не останусь в этой дыре. Я хочу видеть свет и хочу, чтобы свет увидел меня!

- Ты хочешь, чтобы свет увидел тебя? - спросила курица грустно. - Но разве ты никогда не гляделся в лужицу, друг мой? Разве ты не знаешь, что у тебя не хватает лапки, глаза и крыла? Ох, и тем, кто смотрит в оба, не так-то легко уберечься от всяких бед, а что будет с тобой, мой бедный одноглазый мальчик!

- Вы скоро это узнаете, - ответил тринадцатый цыплёнок и вытянул шею так гордо, как это умеют делать только кастильские петухи. - Да, я не похож на своих братьев, но я и вылупился из яйца для того, чтобы удивить свет и занять в нём высокое положение. Моё место не здесь, на этой навозной куче, среди глупой домашней птицы. Прощайте, матушка! В Рим! В Рим!

- Погоди же, погоди, дитя моё! - закричала курица. - Дай мне обнять и благословить тебя!

- Вы слишком чувствительны, матушка, - ответил цыплёнок. - А впрочем, если это вам доставит удовольствие... - И он наклонил голову.

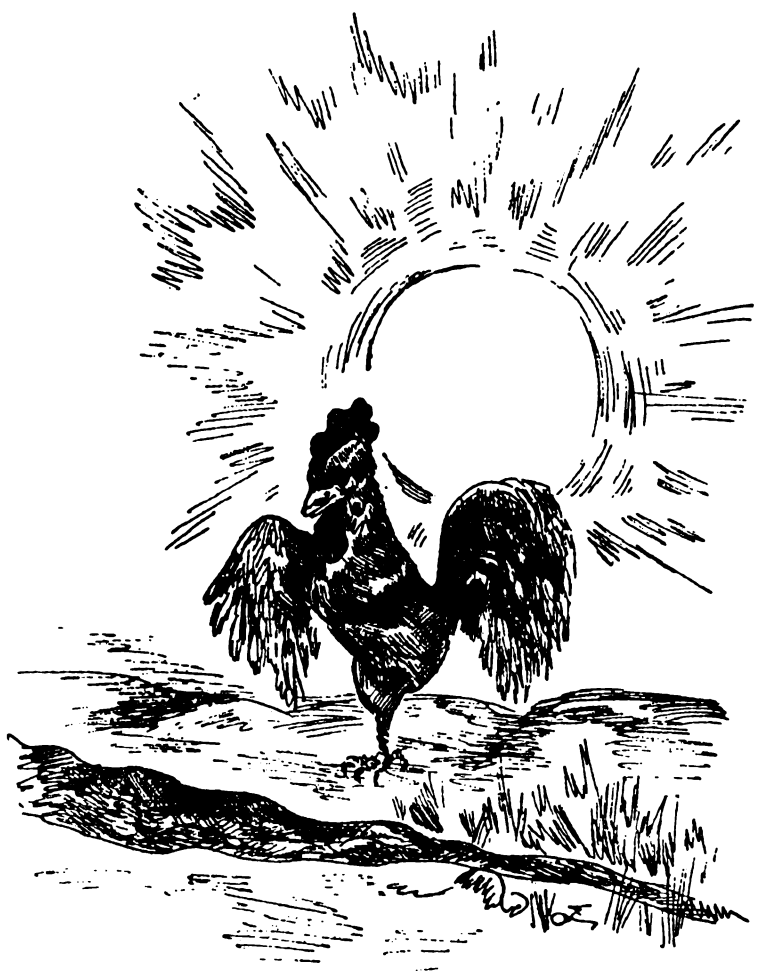
- Выслушай меня, сын мой, - сказала курица, приподнимая лапку. - Два-три совета - это всё, что я могу дать тебе на дорогу. Во-первых, избегай поваров и поварят - их легко узнать по белым колпакам, передникам и ножам, которые они носят сбоку, за поясом. У этих людей нет ни стыда, ни совести. Они настоящие разбойники. Им ничего не стоит зарезать вас среди бела дня и ощипать до последнего пёрышка... Во-вторых, будь услужлив, приветлив и учтив. Недаром говорят: "Кто меняет в дороге коня на осла - сам осёл; кто меняет услугу на услугу - мудрец". Я сама помню один случай...

- Извините меня, матушка, - перебил её цыплёнок. - Всё это очень интересно, но мне, к сожалению, некогда, я должен спешить. Передайте моё нижайшее кукуреку батюшке и прочей родне.

И с этими словами он распустил хвост по ветру, добежал до полуоткрытой калитки, перескочил через порог, и не успела курица опомниться, как он уже скрылся из виду.

Смахнув слезу, она поплелась в тень старых шелковиц, чтобы поискать червей и немного забыться.

А в это время её тринадцатый сын уже мчался в полскока, в пол-лёта по полям,

по лугам, по дорожкам и тропинкам - прямо к оливковой роще, которую он заметил вдали.

Сначала путешествие его было очень приятно. Он скакал, летел, бежал, наслаждаясь утренней прохладой, останавливался, чтобы отдохнуть и подкрепиться несколькими зёрнышками, расклевать гусеницу или, как говорится, заморить червячка, а потом опять бежал, летел, скакал...

Но когда солнце поднялось повыше и стало припекать не на шутку, ему сделалось жарко и сильно захотелось пить.

Так как у него не хватало правого глаза, то он посмотрел налево, потом сделал пол оборота, ещё раз посмотрел налево и закричал во всё горло:

- Река! Ку-ку-река! Ку-ку-река!

Но это была вовсе не река, а только маленький ручей, почти пересохший от зноя.

Наш путешественник сначала перемахнул через гряду гладких, словно отшлифованных камней, потом пересёк полосу мягкого мелкого песка и только тогда увидел наконец, что по самой середине песчаного ложа извивалась струйка воды, но такая узенькая, тоненькая, слабенькая, что достаточно было двух листков, упавших с дерева, чтобы совсем остановить её течение.

Однако же не зря сказано: "Где быку и не напиться, там петуху - утопиться!" Для нашего странника и в этом ручейке было довольно воды. Он наклонил к ручью свой гребешок и опустил в воду клюв, потом, по обычаю предков, закинул голову назад, ещё

раз наклонился, ещё раз откинулся - и так до тех пор, пока не почувствовал в горле приятную свежесть.

И вот, когда он наклонился к воде в последний раз, она вдруг пролепетала еле слышным от слабости голосом:

- О сеньор, по вкусу ли вам пришлось это питьё? Я бы рада угостить вас получше, да нечем - это мои последние капли... Я сохну, умираю... Вы сами видите: два жалких листка стали для меня непроходимой преградой. Я не могу поднять их, чтобы унести с собой, и не могу обогнуть их... Умоляю вас, будьте милосердны, отбросьте куда-нибудь в сторону эти два листа! Одним движением клюва вы можете вернуть меня к жизни и открыть передо мной дорогу. После первого же дождя я расплачусь с вами!

- Что? - сказал тринадцатый цыплёнок и открыл свой единственный глаз так широко, как только мог. - Вы, кажется, изволите шутить, сеньора Вода? Уж не принимаете ли вы меня за чистильщика канав? Стоило ли покидать свои родовые поместья, чтобы прокладывать путь в свет не себе, а другим! Что же касается дождя, то я не охотник до него. Я хорошо помню, как после одного ливня кто-то назвал меня "мокрой курицей". Это меня-то! Курицей! Да ещё мокрой!.. Нет уж, справляйтесь сами как знаете. А я вам не слуга.

Тут он взмахнул крылом, оттолкнулся от земли шпорой и перелетел на другую сторону ручья... - Ты ещё вспомнишь обо мне... -

пробормотала Вода, но так тихо и невнятно, что он ничего не слышал, а может быть, не захотел услышать.

К тому времени, когда солнце поднялось на самую середину неба и колокол на церковной башне отсчитал целую дюжину гулких, полновесных ударов, тринадцатый цыплёнок (для краткости мы будем называть его просто Тринадцатый) уже добрался до оливковой рощи. Он нашёл себе уютное местечко в тени, затянул глаз плёнкой и задремал. Ему снился очень приятный сон - будто он занял высокое, самое-самое высокое положение в свете. Это он вместо солнца плыл по небу, светил направо и налево, жёг и припекал кого следует, а солнышко, опустив свой золотой гребешок и свернув лучистые крылья, дремало в роще олив. Да, это был очень, очень приятный сон!

Выспавшись всласть, Тринадцатый проснулся, подскочил на одном месте, крикнул "Ку-ку-ре-ку" и отправился дальше.

Скоро он оставил позади оливковую рощу и вышел на укромную полянку, всю заросшую кустами диких роз.

- И кто только насажал здесь столько ко-ко-колючек! - сказал он и от негодования закатил глаз под самый гребень. - Полюбуйтесь-ка на них! Как расфрантились, как раздушились! И смотреть противно и дышать нечем!.. Нет, надо удирать отсюда поскорее!

И он так сильно взмахнул крылом, что ветки вокруг него закачались, а в траве зашелестело. Он остановился и прислушался.

- Добрый сеньор, - шелестело в траве,
- помогите мне! Я ветер - тот самый,
который в хорошие времена вырывает с
корнем оливковые деревья и сбрасывает с
домов крыши... Видишь, что сделал со мной
полуденный зной, - я почти без чувств и
лежу на самой земле...

- Ах, так это вы, принц-невидимка? -
сказал Тринадцатый, не кланяясь. - Вот
уже не ожидал встретить ваше высочество
так низко!.. Что ж это с вами случилось?

- И сам не знаю, - чуть дыша, прошептал
ветер. - Должно быть, я слишком долго

играл с розами, и они вскружили мне голову...

- Так, - сказал Тринадцатый. - Чего же вы хотите от меня, ветренный принц?

- Ах, меньше малого! - зашелестел ветер. - Приподними меня чуть-чуть над землёй и взмахни разок-другой своим крылом, чтобы я мог прийти в себя.

- Не понимаю, - сказал Тринадцатый. - Разве можно поднять то, чего не видишь? А я вас не вижу.

- И не надо, - ответил ветер. - Вот рядом со мной лежит пушинка одуванчика. Подкинь её кверху и гони крылом. А уж я поднимусь вместе с ней. Чуть только я выберусь из этих зарослей, мои крылья сами собой развернутся, и у меня хватит сил долететь вон до тех белых облаков. Их гонят мои братья - это славный, весёлый народ, они поддержат меня до тех пор, пока я не получу наследства от моего деда-урагана. Ну, подними же меня скорей! Подними! Ты не пожалеешь об этой услуге...

Но Тринадцатый только отступил назад на полшага и тряхнул гребешком.

- Сеньор, - сказал он, - ваше высочество! А помните вы, как однажды, всего каких-нибудь восемь дней тому назад, - вы изволили залететь в наши поместья и вволю позабавились, гоняя меня по всему двору и раздувая мой хвост, как будто это был не хвост, а парус! Все вокруг смеялись, даже самые желторотые цыплята, а вы - громче всех. Вам было очень смешно, не правда ли? Что ж, как видно и насмешники ока-

ываются иногда в смешном положении. Советую вам быть ниже травы, тише воды и, лежа здесь, под ногами у муравьёв, поразмыслить на досуге о том, как дурно смеяться над теми, кто имеет в обществе гораздо больше веса, чем вы.

Сказав эту речь, Тринадцатый выгнул грудь колесом, напыжился, крикнул три раза "ку-ку-ре-ку" и побежал дальше.

На сжатом поле горкой лежали только что вырванные жнецами сорные травы. Лёгкий, чуть видимый дымок выбивался из кучи стеблей и листьев. Тринадцатый подошёл поближе, чтобы посмотреть, что тут происходит, и увидел маленький огонёк, который червячком извивался среди зелёных, ещё сырых, стеблей, но никак не мог разгореться.

- Ко мне, дружище! - зашипел огонёк. - Скорей, скорей помоги мне, а не то я сейчас угасну... И куда только запропастился мой двоюродный братец - ветер? Я совсем пропадаю без него. Окажи мне услугу - принеси хоть несколько сухих соломинок, чтобы я мог немного подкрепиться. Уж я не останусь перед тобой в долгу!..

- Ку-ку-ре-ку, - сказал Тринадцатый. - Вы просите у меня всего несколько соломинок? Это, конечно, немного. Но не скажете ли вы мне сначала, ваша светлость, кто зажарил мою покойную бабушку Брамапутру и мою тётку Пулярду?

И с этими словами он вскочил на кучу сорной травы и так плотно придавил её к земле, что огонёк сразу перестал шипеть

и последняя струйка дыма растаяла в воздухе.

А Тринадцатый взмахнул крылом и помчался дальше в пол-лёта, в полскока. К вечеру он увидел перед собой городскую стену, черепичные крыши и высокую колокольню.

- Кук-ура! Ку-ку-Рим! Ку-ку-ре-ку! - закричал он и подпрыгнул так высоко, как только мог.

На самом деле это был вовсе не Рим, а просто маленький кастильский городок, куда окрестные крестьяне возили в базарные дни овощи, свежие яйца и молодых откормленных кур со связанными ногами.

Но Тринадцатый ни у кого ничего не спрашивал, а потому мог думать, что ему было угодно. Он считал, что уже достиг своей цели и ему остаётся совсем немного - только занять высокое положение в свете.

Как же это сделать? О, это совсем нетрудно. Надо только, чтобы вас заметили.

А как сделать, чтобы вас заметили? Надо кричать как можно громче.

И вот Тринадцатый побежал на самую большую площадь в городе - это была площадь перед церковью, - взлетел на паперть и принялся кричать что было сил: "Ку-ку-ре-ку! Ку-ку-ре-ку! Ку-ку-ре-ку-у-у!"

- Ты слышишь? - сказал своей жене церковный сторож. - Чей это петух заливаются у нас на паперти?

- Ума не приложу... - сказала сторожиха. - У нас в городе и нет таких горластых петухов.

- Да и во всей Кастилии нет петуха,

который бы кричал в такое неурочное время, - прибавил сторож и вышел посмотреть, кому это вздумалось тревожить добрых людей.

Он поймал буяна за хвост, перевернул вниз головой и потащил к себе на кухню.

- Погляди-ка, жена, на это диво! - сказал он. - За всю свою жизнь не видел я такого удивительного петуха!

- Да разве это петух? - сказала сторожиха. - Это просто полпетушонка. А ведь туда же - кричит, как настоящая птица!

- Ну, что его разглядывать! - сказал сторож. - Давай-ка сюда кипятку, жена, да ошпарь его хорошенько, чтобы легче было ощипать. Мы люди бедные, нам на ужин и полпетуха довольно, - особенно если эта половина достается даром.

Сторожиха сняла с очага целый чугунок кипятку.

- Здравствуйте! Здравствуйте! - заклокотала вода в чугунке. - Надеюсь, вы узнаете меня, сеньор?

Ах, это была довольно-таки неприятная встреча!

- Помилуйте! Помилуйте, госпожа моя Вода! - закричал Тринадцатый. - Чистая, сладкая, прекрасная Вода!.. Вы лучше всего на свете - я так люблю вас, когда вы не кипятитесь! Сжальтесь надо мной, не обварите меня!

- А ты пожалел меня, когда я была слабее тебя? - ответила вода, вся бурля от гнева. - Ты даже не захотел ради меня нагнуться и клюнуть...

И она выплеснулась на него с такой

яростью, что ни одной пушинки не осталось у него на теле.

Тогда сторож посадил беднягу на вертел и поднёс к огню.

- Господин мой, Огонь! - закричал Тринадцатый. - Отец света! Брат солнца! Соперник брильянта! Сжался надо мной! Сдержи свою горячность, умерь своё пламя - не жарь меня!

- А ты пожалел меня, когда я был

слабее тебя? - ответил огонь и засверкал от злости. - Ты не захотел подать мне в беде даже соломинку!

И он до того распалился, что одним дуновением превратил Тринадцатого от головы до шпоры в уголь.

- Ах, чёртова птица! - сказал сторож, вертя перед глазами чёрного, как сажа, и твёрдого, как палка, петуха. - И когда только она успела сгореть так, словно её поджаривали на адском пламени? Да пропади она пропадом! Не стану же я есть на ужин головёшку!

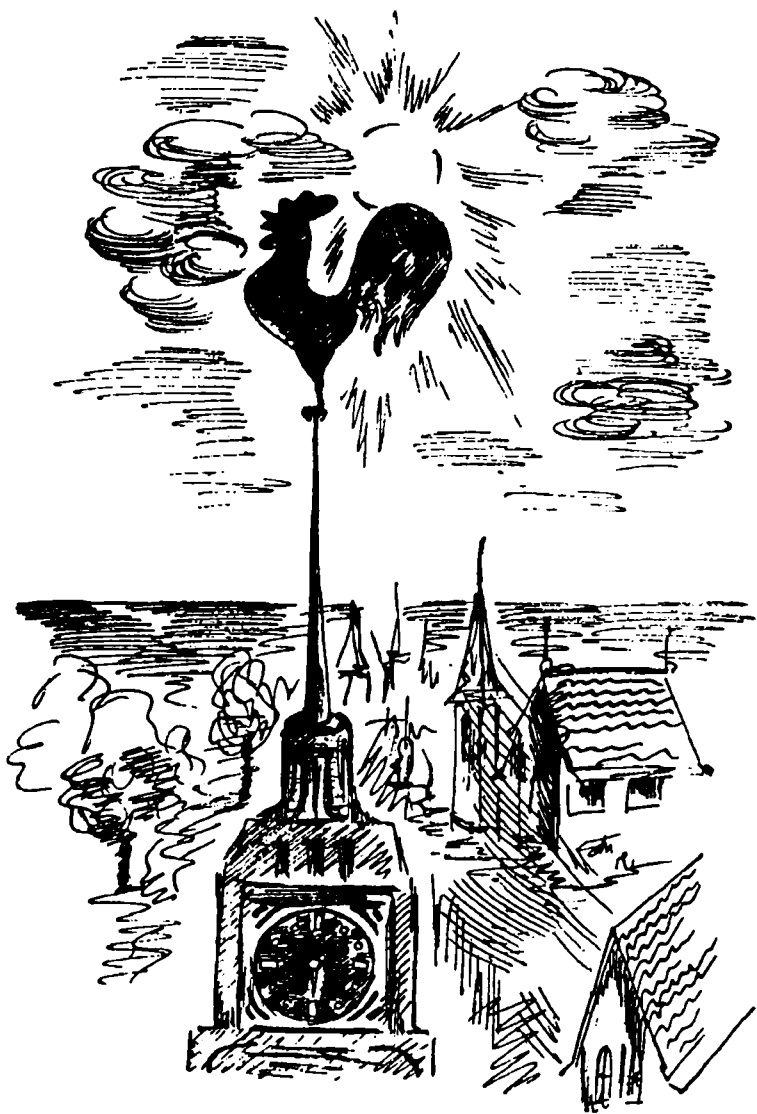
Он схватил Тринадцатого за ногу, размахнулся и выкинул на двор - прямо на кучу навоза.

- Ветер! Милый ветер! - прошептал Тринадцатый еле слышно. - Пожалей меня - мне так горячо... Подуй на меня! Взмахни надо мной своим крылом!..

- А ты пожалел меня, когда я был слабее тебя? - зашумел ветер. - Пошевелил ради меня крылом? Ну, да уж ладно... Я, так и быть, подую на тебя, коли ты сам просишь. Да только я ведь теперь не прежний. Крылья у меня отросли. Я так на тебя стану дуть, что ты у меня завертишься!

Ветер дохнул один разок, и петух взлетел на верхушку колокольни - прямо на острую спицу. Дохнул другой раз, и петушок завертелся волчком.

Так он и вертится до сих пор. Куда ветер подует, туда и поворачивается однокрылый, одноногий петушок.

Все уже давно позабыли, что когда-то он скакал по земле и звался "Тринадцатый". Теперь его просто зовут "Ветряным петушком" или "Флюгером".

- Ничего, - скрипит флюгер, когда сильный ветер кружит его на спице, - ничего!.. Пусть я прошёл сквозь огонь и воду, пусть ветер занёс меня под самое небо и вертит, словно на вертеле, а всё-таки я добился своего: занял высокое положение в свете!

Х л е б и з з о л о т а

чешская сказка

Н екогда жила-была одна вдова, у которой была очень красивая дочь. Мать славилась своим скромным и тихим характером, тогда как дочь, Мариенка, была сама олицетворённая гордость. Отовсюду являлись искатели её руки, но ни один не удостоился чести получить её, и чем более старались ей нравиться, тем более она становилась недоступнее. Однажды ночью, бедная мать, не будучи в состоянии заснуть, сняла со стены свои чётки и начала молиться за спасение той, которая причиняла ей столько забот. Мариенка спала на той же самой кровати, и мать, молясь, в то же время любовалась красотой своего дитяти, как вдруг Мариенка начала во сне смеяться.

- Что хорошего видит она во сне, отчего она так смеётся? - сказала про себя мать.

Затем она окончила свою молитву, повесила снова на стену чётки и, положив свою голову возле головы своей дочери, заснула.

Поутру она спросила у Мариенки;

- Дорогое дитя, что хорошего видела ты сегодня ночью во сне, отчего ты так смеялась?

- Что я видела во сне, матушка? Видишь ли, мне приснилось, будто бы сюда приехал за мною какой-то господин в карете, сделанной из меди, и он надел мне на палец кольцо, камень которого блистал подобно звёздам. А когда я вошла в церковь, то народ только и смотрел, что на Божью мать, да на меня.

- Моя дочь, моя дочь, какой горделивый сон! - заметила бедная мать, покачивая головой.

Но Мариенка, напевая, поспешила уйти.

В тот же самый день въехала на двор повозка, из которой вышел молодой фермер, приятной наружности и, по-видимому, весьма зажиточный, приехавший предложить Мариенке разделить с ним крестьянский хлеб. Жених понравился матери, но гордая Мариенка отказала ему, сказав при этом:

- Если ты приехал даже б в медной карете, и надел бы мне на палец кольцо, в котором камень блистал бы подобно звёздам, то и тогда я не согласилась бы быть твоей женою.

Фермер уехал, проклиная гордость Мариенки.

На следующую ночь мать опять проснулась, сняла с гвоздя свои чётки и ещё усерднее принялась молиться о счастии своей дочери. И вот она снова видит, что Мариенка громко смеётся во сне.

- Какой сон видит она? - спрашивает себя мать, продолжая молиться и будучи не в состоянии заснуть.

Поутру она опять обратилась к Мариенке с вопросом:

- Дорогое дитя,- сказала она, какой же сон видела ты сегодня ночью? Ты во сне очень громко смеялась.

- Ах, что я видела во сне, матушка! Я видела, что за мною приехал сюда в серебряной карете какой-то господин, и предложил мне золотую диадему. И когда я вошла в церковь, то народ более обращал внимания на меня, чем на Божью мать.

- Молчи, моё дитя. Ты богохульствуешь! Молись, моя дочь, молись, чтобы не войти в искушение.

Но Мариенка, не желая слушать начатую её мать проповедь, уже успела убежать в другую комнату.

В тот же день въехала на двор карета. Какой-то молодой господин приехал просить Мариенку разделить с ним дворянский хлеб. Это была великая честь, говорила мать, но тщеславие слепо.

- Если бы вы даже приехали в серебряной карете, - сказала Мариенка новому жениху, - и если бы предложили мне золотую диадему, то и тогда я не согласилась бы быть вашей женою.

- Берегись, моя дочь, - сказала бедная мать, - чтобы твоя гордость не довела бы тебя до преисподней.

- Матери сами не знают, что они говорят, - подумала про себя Мариенка и, пожимая плечами, ушла из комнаты.

На третью ночь мать опять не могла спать, - в таком она была беспокойстве; она снова принялась перебирать пальцами

чётки и молиться о спасении своей дочери. Вдруг спящая Мариенка разразилась громким хохотом.

- Милостливый Боже! - сказала мать. - Что ещё видит во сне моё несчастное дитя?

И она продолжала молиться до самого рассвета.

Потру она сказала, обращаясь к Мариенке:

- Дорогое дитя, скажи мне, что ты опять видела во сне сегодня ночью?

- Да вы ещё рассердитесь.

- Говори, не стесняясь, - возразила мать.

- Мне приснилось, - начала рассказывать Мариенка, - что какой-то благородный господин, в сопровождении многочисленной свиты, приехал просить меня в замужество. Он был в золотой карете и привёз мне платье из золотых кружев. И когда я вошла в церковь, то народ только на одну меня и смотрел.

Мать скрестила руки; но дочь, полуодетая, спрыгнула с постели и убежала в другую комнату, не желая слушать уже надоевшие ей нравоучения.

В тот же день въехали к ним на двор три кареты: медная, серебряная и золотая; в первую из них были впряжены две лошади, во вторую - четыре, и в третью - восемь, все покрытые попонами из золота и жемчуга. Из медной и серебряной карет вышли пажи в красных штанах и в зелёных жилетах и доломанах; из золотой же вышел красивый кавалер, весь одетый в золото.

Он вошёл в дом, и, опустившись на одно колено, стал просить у матери руку её

дочери. Какая честь! - думала в это время бедная женщина.

- Вот мой сон, - сказала Мариенка, - вы видите, матушка, что, как всегда, права была я, а не вы.

И тотчас же она побежала в свою комнату, приготовила букет женихов и, вся улыбающаяся, поднесла его прекрасному господину, как залог своей верности. Со своей стороны прекрасный господин надел ей на палец кольцо, камень которого блистал подобно звёздам, и предложил ей золотую диадему и платье из золотых кружев.

Слесивница пошла одеваться к церемонии. Мать же, всё ещё не будучи в состоянии успокоиться, обратилась к жениху с вопросом:

- Милостивый государь, а какой хлеб вы предлагаете моей дочери?

- У нас, - отвечал он, - есть хлеб из меди, из серебра и из золота; какой она захочет, такой и может выбирать.

- Что это означает? - подумала мать.

Мариенка же ни о чём не заботилась; она вернулась, прекрасная, как солнце, приняла поданную ей женихом руку и отправилась в церковь, не спросив даже у своей матери благословения. Бедную женщину оставили молиться на пороге церкви; по окончании свадьбы Мариенка села в карету и поехала, причём не только забыла проститься со своею матерью, но даже ни разу и не обернулась к ней.

Восьмёрка лошадей галопом везла карету, пока они не прибыли к огромной скале, в которой было отверстие, величиною с го-

родские ворота. Лошади направились в это отверстие, где было темно как ночью; земля задрожала, скала затрещала и вслед за тем обрушилась. Невеста в испуге схватила своего супруга за руку.

- Не бойся, моя красавица, - сказал он, - сейчас будет светло.

И действительно, в воздухе вдруг заколебались тысячи огоньков; это были горные карлы, которые, с факелами в руках, приветствовали своего государя, горного короля. Мариенка узнала теперь, кто был её муж. Добрый или злой дух, он был однако же так богат, что невеста была вполне довольна своею участью.

Выехав из темноты, они поехали беловатыми лесами и мимо гор, воздымавших к небу свои угрюмые и бледные вершины. Ели, буки, березы, дубы, скалы, всё было из свинца. Лес оканчивался длинною поляной, трава которой была из серебра, в глубине же поляны находился золотой замок, весь усыпанный алмазами и рубинами. Там-то и остановился экипаж; горный король подал руку своей невесте, чтобы помочь ей выйти из экипажа, и сказал ей:

- Моя красавица, всё это принадлежит тебе!

Мариенка была в восхищении; но проехавши столько времени, нельзя не проголодаться, и потому она с удовольствием смотрела, как горные карлы накрывали стол, где всё блистало золотом, хрусталём и драгоценными камнями. Наконец подали удивительные кушанья; первые из изумрудов и затем золотое жаркое на серебряных блю-

дах. Каждый спокойно ел, откусывая их, за исключением одной только невесты, которая попросила у своего супруга приказать подать ей немного хлеба.

- Подайте хлеба из меди, - сказал горный король, но Мариенка не могла его есть.

- Подайте хлеба из серебра, - опять сказал он, но Мариенка не могла и его есть.

- Так подайте хлеба из золота, - сказал он наконец, но Мариенка и его не могла есть.

- Моя красавица, - сказал горный король, - мне очень жаль, но что же другое я тебе предложу? У нас нет другого хлеба.

Невеста залилась слезами; муж же принялся громко хохотать, потому что его сердце, как и его владения, было из металла.

- Плачь, если это тебе нравится! - воскликнул он. - но это не принесёт тебе никакой пользы. Ты имеешь всё, что ты желала, ешь же тот хлеб, который ты сама избрала.

Таким-то образом Мариенке пришлось жить в замке, умирая с голоду, и тщетно отыскивая хоть какой-нибудь корень для утоления терзавшей её боли. Бог услышал её, чтобы наказать её.

Три дня в году, непосредственно предшествующие празднику Вознесения, когда земля благодаря обильному посылаемому ей Господом дождю открывается, Мариенка возвращается на землю. Одетая в лохмотья, бледная, иссохшая, ходит от одной двери к другой, прося милостыню, весьма счастливая,

если ей бросят какие-нибудь остатки и если она получит в виде милостыни от какого-нибудь бедняка то, чего ей недостаёт в её золотом дворце, а именно - немного хлеба и сострадания.

П а л ь ч и к

финская сказка

1

Жил когда-то на свете крестьянин. У него было три сына: Пьер, Поль и Жан.

Пьер был толстый, румяный, ленивый и глупый.

Поль - тощий, жёлтый, завистливый и злой.

Жан - маленький, шустрый, весёлый и смелый.

Старшие братья в насмешку называли его Пальчиком и уверяли, что он может спрятаться в отцовском сапоге.

У крестьянина только и было добра, что три сына. В кладовой у него валялись пустые мешки, а в погребе стояли пустые бочки. Поэтому даже тень медной монетки считалась у них в доме богатством.

Рожь была дорога, жизнь тяжела. И вот, как только сыновья подросли, отец стал уговаривать их пойти по свету поискать счастья.

- Не так-то легко жить у чужих людей и гнуть спину из-за куска хлеба, - говорил он, - а всё лучше, чем помирать дома с голоду.

Братья подумали, подумали и решили, что оно и вправду лучше.

А не так далеко от тех мест, где они жили, стоял королевский дворец.

Такого великолепного дворца не было, пожалуй, на всём свете. Хотя он и был деревянный, но зато с двадцатью резными балкончиками, а окон в нём была целая дюжина - шесть вверху, шесть внизу, и все со стёклами.

Но вот неожиданно-негаданно за одну ночь прямо перед окнами дворца вырос огромный дуб, да такой ветвистый, что в королевских покоях сразу стало темно.

Король приказал немедленно срубить дуб. Но как ни старались придворные дровосеки, у них ничего не получалось. Самые острые топоры тупились после первого же удара. А если кому-нибудь и удавалось срубить хоть одну ветку, вместо неё в тот же миг вырастали две, да притом вдвое толще срубленной.

Король обещал мешок золота тому, кто избавит его от этого неприятного соседства.

Однако и королевское обещание не помогло. Хочешь не хочешь, а пришлось королю сидеть среди бела дня при свечах.

Но это бы ещё полбеды. Гораздо хуже было то, что колодец королевского замка неизвестно почему вдруг пересох до самого дна.

Королю, принцессе и придворным приходилось пить мёд и умываться пивом. Вот до чего дожили! И это в стране, где чуть ли не из-под каждого камня текут ручьи.

Король был в отчаянии. Он обещал награждать поместьями, деньгами и титулом маркиза всякого, кто выкопает во дворе

замка колодец такой глубины, чтобы из него можно было брать воду сколько угодно и когда только понадобится.

Охотников до денег, поместий и титулов нашлось немало. Но заработать эту награду оказалось не так-то легко. Где бы ни начинали рыть, лопаты всюду натыкались на твёрдый камень.

- Ваше величество, - сказали министры, - вырыть колодец так же невозможно, как срубить дуб.

- Ну что ж, - сказал король, - раз это невозможно, значит, это должно быть сделано.

Хоть королевство его, по правде говоря, было не бог весть как велико, упрям он был ничуть не меньше китайского императора.

И вот король приказал вывесить на воротах указ, скреплённый большой королевской печатью.

В указе чёрным по белому было написано: его королевское величество обещает тому, кто выроет колодец и срубит дуб, руку принцессы, своей единственной дочери, да ещё полкоролевства впридачу.

Принцесса была прекрасна, как день, половина королевства тоже чего-нибудь да стоила - поэтому немудрено, что всякий, кто умел держать в руках топор или заступ, захотел попытать счастья.

Не успели слуги вывесить королевский указ, как со всех концов двинулись ко дворцу толпы здоровых молодцов с топорами, пилами, заступами и кирками на плечах.

Они принялись пилить и рубить, копать и долбить, но всё было напрасно: дуб становился твёрже, а гранит не делался мягче.

2

События во дворце взбудоражили весь народ. В городах и деревнях только и разговору было, что о королевском указе.

И вот Пьер, Поль и Жан решили тоже отправиться во дворец, благо дворцовые ворота открывались для всех, кто приходил с топором и заступом.

Не то, чтобы братья надеялись жениться на принцессе или получить половину королевства, но - кто знает! - может быть, при дворе найдётся и для них подходящая работа и кусок хлеба. Это всё, чего они хотели.

Дорога была не такая уж длинная и трудная, но не успели братья отойти от дома и ста шагов, как старший из них, Пьер, стал жаловаться, что устал и поранил ноги острыми камнями, а средний брат, Поль, принялся проклинать свою судьбу, а заодно - отца, мать и обоих братьев.

Только маленький брат, Пальчик, был доволен путешествием и весело шагал, поглядывая по сторонам.

Птицы, пчёлы, кузнечики, травы, камни - ничто не ускользало от его быстрых глаз.

Всё надо было ему знать: в какие цветы любят забираться пчёлы? Почему ласточки летают так низко над рекой? Почему бабочки порхают зигзагами?.. Но стоило ему заговорить об этом с братьями, как Пьер поднимал его на смех, а Поль обрывал на полуслове, называя пустомелей и дурачком.

По дороге им надо было обойти гору, поросшую от подножия до вершины дремучим лесом.

Откуда-то сверху доносился мерный стук топора и треск ломающихся ветвей.

- Кому это вздумалось на такой высоте рубить лес? - сказал Пальчик. - Право, меня это очень удивляет.

- А меня очень удивило бы, если бы тебя что-нибудь не удивило, - со злостью сказал тощий Поль. - Для дурака всё диво.

Толстый Пьер потренил младшего брата по щеке и добродушно сказал:

- Эх ты, глупенький! Ну кто же станет стучать в лесу топором? Ясно, что дровосек.

- А всё-таки я пойду посмотреть, кто это, - сказал Пальчик.

- Что ж, ступай, ступай! - сказал Поль.
- Желаю тебе сломать шею. Это будет для тебя наука: в другой раз не захочешь знать больше, чем твои старшие братья.

Пальчик не стал спорить и полез вверх, цепляясь за ветки, перескакивая с камня на камень и всё время прислушиваясь к стуку топора, чтобы не сбиться с пути.

Как вы думаете, что увидел он, добравшись до вершины горы? Топор, Да, да, топор, который сам по себе, для собственного удовольствия и без всякой посторонней помощи, рубил огромную сосну.

- Здравствуй, топор, - сказал Пальчик.
- Неужели тебе не скучно рубить в одиночку это большое, старое дерево?

- На то я и топор, чтобы рубить! - ответил топор. - Рублю и поджидаю хозяина.

- Отлично! - сказал Пальчик. - Я тут.

Он преспокойно взял топор, положил в свой кожаный мешок и весело спустился к братьям.

- Ну, любознателька, какое чудо ты видел наверху? Что там стучало? - спросил его Поль, криво улыбаясь.

- Это и в самом деле стучал топор, - ответил Пальчик.

- Ну, я же говорил тебе! - сказал Пьер, похлопав его по спине. - Было из-за чего взбираться на такую кручу!

Пальчик ничего не ответил, и они пошли дальше.

Дорога становилась всё труднее. Скоро они оказались в узком скалистом ущелье. Пробираясь по заваленной камнями тропинке, они слышали где-то вдалеке гулкие удары,

как будто кто-то бил железом по гранитной скале.

- Что это? - сказал Пальчик. - Неужели там, наверху, каменоломня?

- Нет, это дятел долбит носом дерево! - сказал Пьер насмешливо. - Право, можно подумать, что этот мальчишка только вчера вылупился из яйца!

Пальчик покачал головой:

- Никогда не слышал, чтобы дятел стучал так громко! Надо пойти поглядеть.

- Дурачок, - сказал Пьер, - не понимает шуток! Разве ты сам не слышишь, что это работают киркой?

- А всё-таки я пойду посмотрю, - сказал Пальчик и на четвереньках полез вверх по крутому утёсу.

Как вы думаете, что он увидел, добравшись до вершины? Кирку! Кирку, которая сама по себе, для собственного удовольствия и без всякой посторонней помощи, долбила камень. Твёрдый гранит поддавался, словно это был не гранит, а мягкая земля, и с каждым ударом кирка уходила вглубь скалы чуть ли не на фут.

- Здравствуй, кирка! - сказал Пальчик. - Неужели тебе не скучно долбить в одиночку этот огромный гранитный утёс?

- На то я и кирка, чтобы долбить, - ответила кирка. - Долблю и поджидаю хозяина.

- Отлично, - сказал Пальчик. - Я тут.

Он преспокойно взял кирку, снял с рукоятки и, положив то и другое в свой кожаный мешок, весело спустился к братьям.

A. FRUWALKE SC.

- Ну, какое ещё чудо видела ваша милость наверху? - усмехаясь спросил Поль.

- Вы и на этот раз были правы: это стучала кирка, - сказал Пальчик и, не прибавив больше ни слова, пошёл вслед за братьями.

Скоро они подошли к прозрачному и чистому ручью. Всем троем очень хотелось пить и, низко наклонившись, они принялись черпать студёную воду полными пригоршнями.

- Какая вкусная холодная вода! - сказал Пальчик. - Хотел бы я знать, откуда вытекает этот ручей.

- Нашёл о чём спрашивать! - пробурчал Поль, едва не захлебнувшись от злости. - Ручей как ручей! И вытекает он, как и все ручьи на свете, из земли.

- Может быть, - сказал Пальчик. - А всё-таки я пойду посмотрю, где он начинается.

- Можешь лезть хоть на небо, к самому господу Богу! - закричал Поль.

А Пьер грустно добавил:

- Какой глупый ребёнок! Ума не приложу, в кого он такой.

И братья зашагали по дороге, а Пальчик бегом побежал в другую сторону, вверх по течению ручья.

Ручей становился всё уже и уже и наконец превратился в тоненькую серебристую ниточку.

И что же, вы думаете, увидел Пальчик, когда добрался до самого начала ручья?

Ореховую скорлупку, из которой, играя на солнце всеми цветами радуги, выбивалась струйка прозрачной воды.

- Здравствуй, скорлупка! - сказал Пальчик. - Неужели тебе не скучно лежать в этой глуши совсем одной?

- Конечно, скучно, да что ж поделаешь, - ответила скорлупка. - Вот уже сколько лет я лежу здесь и поджидаю хозяина.

- Отлично, - сказал Пальчик. - Я тут. - И он преспокойно поднял ореховую скорлупку, заткнул её мхом, чтобы не вытекала вода, и положил в свой кожаный мешок.

После этого он побежал догонять братьев.

- Ну, что, - закричал Поль, завидев его издали, - узнал теперь, откуда ручей течёт?

- Узнал, - ответил Пальчик. - Он вытекает из ореховой скорлупки.

- Этого дурака не переделаешь! - проворчал Поль и махнул рукой.

- Видно, такой уж он уродился... - вздохнув, добавил Пьер.

Пальчик ничего не ответил и весело зашагал вслед за братьями.

"Я увидел то, что хотел увидеть, - думал он, - и узнал то, что хотел узнать. А больше мне ничего и не надо".

3

Наконец братья дошли до королевского дворца.

На воротах они увидели большое объявление о том, что король обещает руку принцессы и полкоролевства человеку любого рода и звания - будь то дворянин, горожанин или даже простой крестьянин, - если только он исполнит оба желания его величества: срубит дуб и выкопает колодец.

Но так как охотников оказалось очень много, а после каждого неудачного удара топора и взмаха кирки дуб разрастался всё шире и гранит становился всё твёрже, то под большим объявлением король приказал повесить маленькое, написанное красными буквами.

Вот что было сказано в этом объявлении:

"Да будет известно всем, что его величество король в своей неисчерпаемой милости повелел отсека́ть правое ухо всякому, будь то крестьянин, горожанин или даже знатный дворянин, - кто вызовется срубить дуб и вырыть колодец, но не сделает ни того, ни другого.

Его величество надеется, что это маленькое наказание послужит к исправлению нравов и отучит дерзких братья не за свое дело".

Для большей убедительности вокруг объявления было прибито десятка два отрезанных ушей с указанием имени и звания их бывших владельцев.

Прочтя это объявление, Пьер засмеялся, закрутил усы, поглядел на свои огромные жилистые руки, потом повертел топор над головой и одним махом срубил самую толстую ветку заколдованного дерева.

И сейчас же вместо неё выросли две ветки, каждая вдвое больше и толще срубленной.

Королевская стража схватила несчастного и тут же на месте отрубила ему правое ухо.

- Эх, ты, простофиля! - сказал Поль. - Разве так надо братья за дело?

Он медленно обошёл вокруг дерева, посмотрел узловатый корень, вылезший из земли, несколько раз примерился, а потом с одного удара перерубил корень пополам.

И в то же мгновение два огромных новых корня вырвались из-под земли, и каждый из них дал по крепкому молодому побегу, сразу же покрывшемуся листьями.

- Схватить этого негодяя! - закричал в бешенстве король. - Он заслуживает того, чтобы ему отрубили оба уха.

Сказано - сделано. Поль не успел и за ухом почесать, как у него уже не было ушей - ни правого, ни левого.

Тут выступил вперёд Пальчик и сказал, что тоже хочет попытать счастья.

- Гоните прочь этого недоростка! - закричал король. - А если ему так уж хочется избавиться от своих ушей, отрубите их сейчас же, и пусть он убирается на все четыре стороны.

- Простите, ваше величество! - сказал Пальчик, - король должен быть верен своему слову. Я тоже хочу испытать свои силы, а уши отрубить вы мне всегда успеете.

- Ладно, попробуй! - вздохнув, сказал король. - Но берегись, как бы я не приказал впридачу к ушам отрезать тебе и нос.

Однако и эта угроза не испугала Пальчика. Он достал из своего кожаного мешка топор, не без труда насадил его на топорнице, которое было чуть ли не больше самого Пальчика, и звонко крикнул:

- Руби, топор!

И топор принялся за дело. Он рубил, колот, крошил, рассекал. Щепки так и

летели во все стороны - направо, налево, вверх и вниз... Не прошло и четверти часа, как от дуба осталась только куча дров. Дров было так много, так много, что их могло с избытком хватить на все дворцовые печи в течение целого года.

Когда дерево было срублено и расколото, Пальчик подошёл к балкону, на котором сидели король и принцесса, и, низко поклонившись, сказал:

- Довольны ли вы своим покорным слугой, ваше величество?

- Не совсем, - ответил король, хотя на самом деле он не мог прийти в себя от изумления и радости. - Мне нужен ещё колодец. Если у меня не будет колодца, у тебя не будет ушей.

- Собогазоволите указать место, которое вам нравится, - сказал Пальчик, - и я попытаюсь ещё раз доставить удовольствие вашему величеству.

Король с принцессой и придворными спустился во двор. Королю подали бархатное кресло, а принцесса уселась на золочёной скамеечке у его ног. С тревогой и любопытством поглядывала она на этого маленького человека, который добивался высокой чести стать её мужем.

- Ну, принимайся за дело! - сказал король и указал место, где уже многие безуспешно пытались вырыть колодец.

Нимало не смущаясь, Пальчик вытащил из кожаного мешка кирку, насадил её на рукоятку и звонко крикнул:

- Долби, кирка!

И кирка принялась долбить и дробить

камень так, что осколки гранита брызгами полетели вверх.

Не прошло и четверти часа, как посреди двора, в гранитной скале, был выдолблен глубокий - преглубокий колодец.

- Ваше величество, - спросил Пальчик, кланяясь королю, - достаточно ли глубок этот колодец?

- Глубок-то он глубок, - сказал король, - но в нём нет воды.

- Потерпите ещё одну минуту, ваше величество, и вода будет, - сказал Пальчик.

Он достал из своего мешка волшебную скорлупку и осторожно положил её на край колодца. Потом вытащил из скорлупки кусочек мха, которым она была заткнута, и звонко крикнул:

- Бей ключом!

И сразу же из скорлупки, звеня и рассыпаясь дождём, высокой струёй забил фонтан. В воздухе стало так свежо, что король, принцесса и все придворные даже продрогли.

А фонтан всё бил и бил. Не прошло и четверти часа, как вода наполнила колодец, а потом перелилась и через край. Пришлось спешно рыть канавы, чтобы спастись от наводнения.

- Ну, теперь вы довольны мной, ваше величество? - спросил Пальчик. - Я сделал всё, что обещал сделать. Надеюсь, что и вы исполните свои обещания.

- Да, маркиз Пальчик, - ответил король, - я готов уступить тебе половину моего королевства. Если же ты не охотник носить корону (кстати, должен тебя предупредить, что это дело довольно хлопотливое), можешь

получить стоимость короны деньгами. Выбирай сам. Что же касается женитьбы на принцессе, то здесь мало одного моего согласия. Попробуй понравиться ей самой.

- Что же нужно для этого сделать? - спросил Пальчик, подбоченившись и поглядывая на принцессу.

- Ты узнаешь об этом завтра, - ответил король. - А пока ты мой гость. Тебе отведут лучшую комнату в замке.

Король удалился вместе с принцессой и придворными. А Пальчик с братьями остался во дворе замка.

- Ну, дорогие мои, - сказал Пальчик, - теперь вы видите, что я недаром сделал в пути несколько лишних миль.

- Тебе просто повезло, - сухо ответил Поль. - Недаром же говорится: "Дуракам - счастье".

- Ты молодец, малыш! - добродушно сказал Пьер. - Даю второе ухо на отсечение, что ты далеко пойдёшь.

В это время из дворца вышел камергер и пригласил маркиза Пальчика в его покои. Пальчик позвал с собой обоих братьев. И так как считалось, что он в большой милости у короля, то камергер обещал завтра же найти для Пьера и Поля подходящее занятие при дворе.

4

В эту ночь король не мог уснуть. Такой зять, как Пальчик, был ему совсем не по вкусу. Его величество ломал голову, раздумывая о том, как бы сдержать слово и в то же время не сдержать его.

Король долго ворочался с боку на бок и наконец приказал позвать Пьера и Поля. Ему хотелось узнать всю подноготную своего непростенного зятя, а кто же лучше братьев мог выдать ему недостатки и слабости Пальчика!

Пьер расхвалил младшего брата как только мог. Это не слишком-то понравилось королю. Гораздо больше удовольствия доставил ему Поль.

Поль, не жалея громких слов и нимало не заботясь о правде, доложил его величеству, что Пальчик с детства был бездельником, хвастуном и нахалом и что было бы просто смешно из-за такого пустяка, как честное слово короля, отдавать за него замуж принцессу.

- Этот мальчишка слишком много думает о себе, - сказал Поль. - После своей случайной удачи он, кажется, считает себя сильнее и умнее всех на свете. Здесь в окрестных лесах

живёт великан, который наводит страх на всю округу. Говорят, что к обеду он съедает чуть ли не целого быка в один присест. Так вот, я собственными ушами слышал (тут Поль немного замялся и хотел было почесать за ухом, но вовремя вспомнил, что у него нет ушей)... собственными ушами слышал, будто наш новоиспечённый маркиз хвалился, что стоит ему только захотеть, и он заставит этого великана чистить себе сапоги.

- Посмотрим, - сказал король.

После этого он отпустил братьев и спокойно уснул.

На следующее утро его величество приказал позвать Пальчика. Он принял его в присутствии всего двора.

- Мой дорогой будущий зять, - сказал король, делая ударение на предпоследнем слове, - я слышал, что в наших местах живёт великан. Говорят, что он выше самой высокой сосны и может съесть за обедом целого быка. Так вот, я полагаю, что в лифрее с золотыми нашивками, в треуголке с плюмажем и с алебардой в руках этот великан был бы достоин стоять на страже у дверей нашего замка. Моя дочь просит вас сделать ей этот маленький подарок, а после этого она готова подарить вам свою руку и сердце.

- Это нелегкая задача, - сказал Пальчик, - но чтобы понравиться ее высочеству, я попробую.

Он положил в свой кожаный мешок волшебный топор, волшебную скорлупку, круг сыра и каравай хлеба, вскинул мешок за спину и отправился в лес.

Пьер утирал слезы, а Поль ухмылялся.

Он думал, что Пальчик уже не вернётся и был очень доволен.

А Пальчик тем временем шагал по лесу, поглядывая то направо, то налево. Но нигде не было и следа великана.

Так бродил он целую неделю и наконец зашёл в такую чащу, где, наверно, никогда не ступала человеческая нога.

Тут он остановился и закричал во весь голос:

*Эй, чудовище лесное,
На тебя иду войною!
Выходи на смертный бой -
Я разделаюсь с тобой!..*

- Со мной?.. - загремел в вершинах сосен страшный голос. - А вот погоди, я тебя сейчас раздавлю, как мошку.

- Ну, ну, не хвастай раньше времени! - сказал Пальчик.

Великан что-то зарычал в ответ, и Пальчик услышал, как затрещали, сгибаясь, деревья и захрустели сломанные ветки.

Великан, тяжело топая, бежал по лесу. Он остановился возле Пальчика и стал озираться по сторонам, стараясь разглядеть своего противника.

Но никого не было видно.

Наконец, случайно поглядев себе под ноги, он заметил маленького человечка, спокойно сидящего на стволе поваленного дерева.

- Так это ты, муравей, посмел разбудить меня? - заревел великан и так топнул ногой, что земля вздрогнула.

- Да, дружок, это я, - ответил Пальчик.
- Мне нужен усердный и послушный слуга, и я решил взять тебя на эту должность.

- Ну и потеха!.. - сказал великан. - А вот я сейчас закину тебя на дерево, в это воронье гнездо, - тогда будешь знать, как шататься по моему лесу!

- По твоему лесу? - удивился Пальчик.

- Он такой же твой, как и мой. А если ты посмеешь мне сказать ещё хоть одно грубое слово, я в четверть часа вырублю весь этот лес до последнего дерева.

- Фу ты, напугал!.. - засмеялся великан. Хотел бы я посмотреть, как ты это сделаешь.

- Сейчас увидишь, - сказал Пальчик. Он достал из своего мешка волшебный топор и тихонько сказал:

- Руби, топор!

И топор начал рубить, ломать, колоть, крошить... Огромные стволы валялись прямо

на великана. Ветки дождём сыпались ему на голову...

- Довольно, довольно! - в страхе закричал великан. - Ты погубишь весь мой лес. Кто ты такой?

- Я могущественный волшебник Пальчик. Стоит мне только сказать слово, и мой топор снесёт тебе голову. Ты ещё узнаешь, с кем имеешь дело!.. А ну-ка, води меня к себе в дом!

Великан так удивился, что не стал спорить и повёл Пальчика прямо к своему жилью.

По дороге Пальчик проголодался. Он достал из своего мешка каравай хлеба, круг сыра и принялся уплетать за обе щёки.

- Что это ты ешь - такое белое и такое чёрное? - спросил великан, который никогда не видел ни хлеба, ни сыра.

- Камни, - ответил Пальчик и откусил большой кусок сыра.

- Ты ешь камни?

- Да, я их очень люблю. Потому-то я и такой сильный, что ем камни. Да ты сам попробуй, - вон там лежит славный камешек! Увидишь, как это вкусно.

Великан, который был так же глуп, как и высок, поднял большую каменную глыбу и принялся грызть.

Но, должно быть, угощение пришлось ему не по вкусу. Он сломал два зуба и отшвырнул камень в сторону.

- Эх, ты! - сказал Пальчик, дожёвывая горбушку. - А ещё великан!

Наконец они подошли к хижине великана. Эта хижина была выше самого высокого дворца и чуть пониже самой высокой горы.

- Слушай, - сказал Пальчик великану, усаживаясь возле очага, в котором с треском пылало несколько сосен, переломленных пополам, - давай уговоримся: один из нас двоих будет хозяином, а другой слугою. Если я не смогу сделать того, что сделаешь ты, я буду твоим слугою, а ты - моим хозяином. Если же ты не сможешь сделать того, что сделаю я, - я буду твоим хозяином, а ты - моим слугою.

- Идёт! - сказал великан. - Я не прочь иметь слугою такого пройдоху, как ты. Ты будешь за меня думать, а то я ужасно устаю, когда мне приходится ворочать мозгами. Ну, давай начнём наше состязание. Для первого раза сходи-ка на реку, принеси воды, будем варить обед. Вон там, в углу, стоят вёдра.

Чтобы посмотреть на вёдра, Пальчику пришлось задрать голову. Они были в два человеческих роста вышиной и в три обхвата шириной. Пальчику было бы легче утонуть в них, чем сдвинуть с места.

- Ага, - сказал Великан, скаля уцелевшие зубы, - испугался, сынок? Ещё бы - где тебе справиться с моими ведёрками! А ведь я каждый день хожу с ними на реку, и даже не хожу, а бегаю.

- Ну, и бегай себе на здоровье! - сказал Пальчик. - А что до меня, так я лучше реку заставлю прибежать сюда.

Он украдкой вытащил из мешка свою волшебную скорлупку и сказал шёпотом:

- Бей ключом!

И в ту же минуту кипучая струя с шумом вырвалась из скорлупки и вода, весело журча, растеклась по всей хижине.

- Не надо, не надо!.. - закричал великан в ужасе. - Не зови сюда реку! Уж лучше я сам схожу за водой.

Он подхватил свои огромные вёдра и, перешагнув через лужу, побежал на реку.

Вернувшись в хижину, великан подвесил над очагом чугунный котёл, выплеснул в него воду из одного ведра, бросил тушу только что освежёванного быка, пятьдесят кочанов капусты и целый воз моркови.

Пока суп варился, великан несколько раз пробовал его и снимал пену огромным решетом.

- Ну, готово, - сказал он наконец. - Садись за стол. Посмотрим, сможешь ли ты угнаться за мной в еде. Я так проголодался, что готов съесть этого быка целиком, да и тебя впридачу. Знаешь, бывают такие пряничные человечки? Их едят на сладкое.

- Ладно, ладно, - ответил Пальчик, - ещё посмотрим, кто кого съест.

Он уселся за стол и, пока великан снимал котёл с огня, незаметно подсунул себе под куртку свой большой кожаный мешок.

И вот оба принялись за еду.

Великан отправлял себе в рот кусок за куском, а Пальчик не отставал от него, отправляя кусок за куском в свой мешок.

- Уф, - сказал великан, обсасывая кость, - славно! Теперь пора расстегнуть одну пуговку на жилетке...

- Как! Уже? - спросил Пальчик и опустил в мешок полкочана капусты. - Ты, я вижу, плохой едок.

Великан ничего не ответил. Он заложил за щеку чуть ли не целый окорок и стал его жевать вместе с костью, так что хруст пошёл по всей хижине.

- Уф, - сказал он, проглотив последний кусок, - придётся расстегнуть вторую пуговицу, а то жилетка лопнет.

- Нет, ты мне не товарищ! - сказал Пальчик и сунул в мешок огромный кусок говядины. - Только сели за стол, а ты уже вторую пуговицу расстёгиваешь.

Великан тяжело вздохнул и вытащил из котла три кочана капусты.

Он без передышки проглотил их один за другим и отвалился от стола.

- Уф, - простонал он. - Надо расстегнуть третью пуговку, а не то я и сам сейчас лопну.

- Эх ты, неженка! - сказал Пальчик. - Ну, давай съедим ещё по кусочку!

- Места нет, - прохрипел великан. - Я по самое горло сыт.

Пальчик засмеялся:

- Ну и что ж из этого! Распори ножом брюхо, а потом зашей его и снова набивай. Вот, смотри!..

И он с размаху распорол свой кожаный мешок сверху донизу.

- Теперь мы можем начинать обед сначала. Бери-ка нож, пори себе брюхо!

- Нет уж, слуга покорный, - сказал великан, отмахиваясь от него обеими руками.

- А если ты мой покорный слуга, так забирай своё добро и неси меня к королю.

Великан послушно посадил своего маленького повелителя к себе на плечо, на другое

взвалил мешок золота и зашагал через лес к замку короля.

5

В замке был праздник. Все танцевали и веселились и никто больше не думал о Пальчике.

Прошло уже восемь дней с тех пор, как он ушёл. Кто же мог сомневаться в том, что великан его съел?

И вдруг раздался страшный грохот. Дворец задрожал и зашатался от основания до самой крыши.

Это великан ударом ноги вышиб большие дворцовые ворота, которые были для него слишком низки.

Все бросились к окнам и увидели Пальчика - он преспокойно сидел на плече у страшного великана.

Дамы закричали от ужаса, мужчины схватились за шпаги, а Пальчик как ни в чём не бывало перешагнул с плеча великана прямо на балкон второго этажа и, преклонив перед своей невестой колено, произнёс:

- Принцесса, вы желали иметь одного раба, перед вами - два!

Эту любезную фразу на следующий день напечатали в "Придворной газете", и все кавалеры повторяли её своим дамам, хотя ни у кого из них не было такого слуги, как у Пальчика. Но в ту минуту, когда Пальчик произнёс эти слова, они привели в замешательство весь двор.

Разумеется, больше всех были встревожены принцесса и король.

Его величество отозвал свою дочь в сторону и сказал ей шёпотом:

- Дочь моя, к сожалению, у нас нет больше никаких оснований отказывать этому отважному молодому человеку. Пожертвуй собой для блага государства. Принцессы редко выбирают женихов по собственному вкусу.

Но принцессу не так-то легко было уговорить. Она сделала глубокий реверанс и сказала:

- Дорогой отец! Принцессы, как и все другие девушки, мечтают выйти замуж за того, кто им понравится. Позвольте же мне самой защищать свои права. - И, повернувшись к Пальчику, она сказала: - Маркиз Пальчик, я вижу, что вы смелый юноша и что вам везёт во всех делах, за которые вы берётесь. Но прежде чем согласиться выйти за вас замуж, я хотела бы знать, так ли вы умны и находчивы, как сильны и отважны. Я предлагаю вам последнее испытание. На этот раз вам не придётся бродить по дремучим лесам и покорять великанов. Вашим противником буду я сама, а вашей наградой, если вы окажетесь победителем, будет моя рука.

В знак согласия Пальчик отвесил низкий поклон, и все отправились в тронный зал. К ужасу придворных, великан уже был там.

Он сидел посреди зала на полу, чуть ли не упираясь головой в потолок. Если бы он вздумал встать на ноги, он пробил бы головой крышу.

Пальчик сделал ему знак. Великан сейчас же подполз к нему на четвереньках и уселся у его ног, готовый в любую минуту защитить

своего господина. Это была сила на службе у разума.

- Посмотрим, - сказала принцесса, - кто из нас способен, не сморгнув глазом, выслушать любую ложь и небылицу. Первый, кто не выдержит и скажет: "Это уж слишком!" - будет считаться побеждённым.

- В угоду вашему высочеству я готов вытерпеть всё на свете - не только шутливую ложь, но и суровую правду, - сказал Пальчик.

- Ну что ж, начнём, - сказала принцесса. - Знаешь ли ты, что за луга в наших поместьях? Если два пастуха на разных концах луга заиграют в рожок, то один не услышит другого. Вот какие у нас поместья!

- Это что! - сказал Пальчик. - Посмотрели бы вы, какой скотный двор у моего отца! Если в одни ворота впустить двухмесячную тёлку, то из других она выйдет уже дойной коровой.

- Что же тут удивительного! - сказала принцесса. - Зато уж наверное у вас нет такого большого быка, как у нас. Если два человека сядут к нему на рога и каждый возьмёт палку в десять локтей, то всё равно они не смогут дотянуться друг до друга.

- Это что! - сказал Пальчик. - У нашего быка такая голова, что если на рогах у него усядутся два человека, то им не разглядеть друг друга даже в подзорную трубу.

- Что ж тут удивительного! - сказала принцесса. - Но, уж наверное, ваши коровы не дают столько молока, сколько наши. Одного только сыру - не говоря о масле и сметане - у нас столько, что мы складываем

из него каждую неделю гору ничуть не ниже большой египетской пирамиды.

- Это что! - сказал Пальчик. - У нас дома делают такие большие круги сыра, что однажды, когда наша кобыла упала в сыроварный котел, мы искали её целых шесть дней. А когда мы наконец нашли лошадку, оказалось, что она, падая на дно, сломала себе спинной хребет. Мы вырубили молодую сосёнку и поставили её на место хребта. И что же вы думаете, в одно прекрасное утро сосна пустила росток, а через три дня он поднялся так высоко, что я вскарабкался по его веткам на самое небо. А на небе сидела какая-то старушка и пряла пряжу из морской пены. Мне захотелось узнать, прочная ли эта пряжа. Я взялся за ниточку, потянул, вдруг - крак! - нитка оборвалась, и я полетел с неба на землю, да так прямо и угодил в мышиную норку. И знаете, кого я там увидел? Мою покойную бабушку и вашего дедушку - покойного короля. Они сидели и вязали на спицах шерстяные чулки. И за то, что ваш дедушка спустил петлю, моя бабушка дала ему такую оплеуху, что у него даже усы затряслись...

- Ну, это уж слишком! - возмутилась принцесса. - Никто никогда в нашем роду не вязал чулок и не получал оплеух!

- Она сказала: "Это уж слишком!" - закричал великан. - Ура! Принцесса наша!

- Нет ещё, - упрямо сказала принцесса. - Я хочу загадать маркизу Пальчику три загадки. Скажите, маркиз, что вечно падает и никогда не разбивается?

- Ах, эту загадку я слышал ещё от моей матушки! - сказал Пальчик. - Это водопад.

- А ведь верно! - закричал великан и захолопал в ладоши. - Ну подумайте, кто бы ещё мог догадаться!

Принцесса покраснела от досады.

- Теперь скажите, - продолжала она, нахмутив брови, - кто каждый день ходит по одной и той же дороге, но никогда по ней не возвращается?

- Ах, эту загадку я слышал ещё от моей бабушки! - сказал Пальчик. - Это солнце.

- Он знает всё на свете! - закричал великан и хлопнул себя по колену.

- Предположим, - сказала принцесса, бледнея от гнева. - Остаётся одна, последняя загадка. Отгадайте: что я думаю, а вы не думаете? Что вы думаете, а я не думаю? Что думаем мы оба? И чего не думаем ни вы, ни я.

Пальчик нахмурился и замолчал.

- Не ломайте понапрасну голову, мой повелитель, - сказал великан. - Я-то хорошо знаю, какое это неприятное занятие - ворочать мозгами! Если задача такая уж трудная - я унесу принцессу - и баста! Только мигните мне.

- Силой, мой друг, ничего не сделаешь, - ответил Пальчик. - Кто-кто, а уж ты-то должен это хорошо знать. Помолчи и не мешай мне думать.

Великан замолчал, а Пальчик стал думать. Чем больше он думал, тем веселее становилась принцесса и тем печальнее делался великан.

Но вот Пальчик усмехнулся, поклонился принцессе и заговорил.

- Вы думаете, ваше высочество, что я ни за что не придумаю отгадки к вашей загадке, а я этого не думаю. Я думаю, что вы, ваше высочество, по доброте души думаете, будто я не так уж недостоин вашей благосклонности, а вы думаете, что я этого не думаю. Оба мы думаем, что на свете немало людей поглупее нас с вами. И, наконец, ни вы, ни я, не думаем, что высокий рост моего бедного великана и высокий пост вашего высокочтимого отца являются свидетельством...

- Довольно! - сказала принцесса. - Вот вам моя рука.

- Но что же вы всё-таки думаете обо мне? - воскликнул король. - Или, вернее, не думаете?

- Мы думаем, дорогой отец, что среди королей вы самый мудрый, - и больше мы ничего не думаем.

- Совершенно правильно, - ответил король.
- Я и сам это думаю. Маркиз Пальчик, за такие здравые мысли я жалую вам титул герцога.

- Ура! Да здравствует герцог Пальчик! Да здравствует мой повелитель! - закричал великан так громко, что можно было подумывать, будто во дворце грянул гром.

К счастью, всё обошлось благополучно, если не считать трёх обмороков и двадцати разбитых стёкол.

6

О свадьбе принцессы и Пальчика не стоит долго рассказывать. Все свадьбы похожи одна на другую.

Однако правдивый историк не может умолчать о том, что присутствие великана прибавило много блеска этому великолепному торжеству.

При выходе из церкви, он поднял карету новобрачных, поставил её вместе с лошадьми себе на голову и так донёс до ворот замка.

Это одно из тех происшествий, которое стоит отметить, потому что их можно увидеть не каждый день.

Вечером в столице было устроено пышное празднество. Пиршества, речи, свадебные песни, фейерверки, гирлянды и букеты - всего было вдоволь. Словом, было всеобщее ликование.

Во дворце и на городских площадях пели, ели, пили, говорили. Только одному человеку было не до веселья, и он угрюмо сидел, забившись в самый тёмный угол дворца: это был Поль. Он даже радовался,

что у него отрезаны уши и от этого он почти не слышит восторженных похвал Пальчику. Он даже сам был готов выколоть себе глаза, чтобы не смотреть на счастливые лица новобрачных. Со злости он в конце концов убежал в лес, и там его съели медведи. От души желаю того же всем, кто завидует чужому счастью.

Теперь остаётся только сказать, что после смерти тестя король Пальчик царствовал целых шестьдесят два года и считался самым мудрым не только среди королей, но и среди людей. А уж о доброте его и говорить нечего! Историки так и прозвали его: Пальчик-Добрый.

Но зачем прославлять его доброту? Ведь это свойство всех умных людей. Что бы там ни говорили, а добрых дураков на свете нет. Глупый не бывает добрым, добрый не бывает глупым - поверьте моей многолетней опытности. Если и не все дураки злы (в чем я сильно сомневаюсь), то зато все злые - дураки. В этом и вся мораль моей сказки.

Придумайте лучшую - я найду ей место на этих страницах.

Б о ж ь и г у с и

чешская сказка

У одного помещика был сын, такой злой, ленивый и своенравный мальчик, что сами родители были ему не рады.

Для исправления они отдали его пастору.

- Я не хочу ничего делать, - говорил ребёнок, - я родился дворянином, дворянин ничего не делает. Посмотрите на моего отца!

Пастор стал объяснять ему, что его отец раньше был полковником, а прежде чем сделаться полковником, всякий, кто не родился князем, должен быть майором, капитаном, поручиком, кадетом. Для того же, чтобы сделаться кадетом, нужно уметь читать, писать своё имя, фехтовать и знать много других хороших вещей.

- Ну, что ж, - сказал мальчик, - я хочу быть императором; император ничего не делает.

Пастор опять принялся толковать ему, что у императора больше дела, чем у крестьянина, что ему не хватает дня для

одних отказов всем тем, кто просит у него места, не имея на то права.

- Если так, - сказал мальчик, то я хочу быть Богом. Бог ничего не делает.

Пастор всплеснул руками.

- Подумай, дитя моё, - сказал он, - ведь Бог управляет всем миром. Та рука, которая направляет солнце, указывает также путь муравью. Его взоры обнимают в одно и то же время всю вселенную и малейшие побуждения, рождающиеся в человеческом сердце. Он слышит небесную гармонию и прозябание былинки. Бог никогда не отдыхает, потому что беспрерывно любит.

Но ребёнок был упрям; он непременно хотел быть Богом и вечером заявил, что не ляжет спать до тех пор, пока его не сделают властелином вселенной. Угрозы, просьбы -

всё было напрасно. Наконец, утомившись от возни с ним, жена пастора отвела в уголок злого мальчика и пообещала ему, что завтра утром он будет Богом.

После этого обещания он позволил уложить себя спать. Утро вечера мудренее, говорит пословица. Но и на следующий день маленький дворянин не хотел отказаться от своей выдумки. Как только он проснулся, первым его вопросом было - сделался ли он Богом.

- Да, - отвечала жена пастора. - Но сегодня воскресенье, пора к обедне. Бог не может пропускать службу. - Они отправились в церковь. Дорогой пришлось проходить лугом, который принадлежал отцу мальчика. На этом лугу девочка-птичница пасла гусей из барской усадьбы. Увидев идущих в церковь крестьян, она догнала их и пошла вместе с ними.

- Варвара, - закричал мальчик, - ты хочешь бросить гусей одних?

- Разве в воскресенье пасут гусей? - отвечала Варвара. - Сегодня праздник.

- Кто же будет их стеречь? - спросил ребёнок.

- В воскресенье их бережёт Бог, милый барин, они Божьи гуси.

И она ушла.

- Дитя моё, - сказала жена пастора, - ты слышал, что сказала Варвара. Я охотно повела бы тебя в церковь послушать орган, но с гусями может случиться несчастье. А так как ты Бог, то тебе и нужно их сторожить.

Что мог ответить на это маленький дворянин? Он поморщился и целый день пробегал за гусями, но вечером поклялся, что его уж больше не подденут на желание быть Богом.

П а ш а - п а с т у х

турецкая сказка

Жил-был в Багдаде паша, которого султан очень любил, а подчинённые очень боялись. Али (так звали пашу) был истый мусульманин и турок. Утром, лишь только рассвет давал возможность отличить белую нитку от чёрной, он расстилал на земле ковёр и, обратившись лицом к Мекке, набожно молился и совершал омовение. После молитвы, два, одетых в ярко-красные платья чёрных невольника приносили ему кофе и трубку. Али усаживался, поджав ноги, на диван и оставался в таком положении целый день. Он медленно попивал чёрный, горький и горячий аравийский кофе, неторопливо покуривал из длинного кальяна смирнский табак, ничего не делал и ещё меньше думал о чём бы то ни было; в этом заключался его способ управления. Впрочем, каждый месяц он получал из Стамбула приказ о присылке в государственное казначейство миллиона пиастров подати с пашалыка.

В этот день добрый Али выходил из своей обычной неподвижности, призывал богатых багдадских купцов и вежливо просил у них два миллиона пиастров. Бедняги

простирали руки к небу, били себя в грудь, рвали на себе бороды, со слезами клялись, что у них нет ни одного пара, взывали к состраданию паши, к милосердию султана. Но Али, не переставая попивать кофе, приказывал бить их палками по пяткам до тех

пор, пока не принесут денег, которые хотя и отсутствовали, но всегда в конце концов где-нибудь отыскивались. Пересчитав их, честный правитель половину отсылал султану; другую же прятал в сундук и снова принимался за трубку. Иногда, несмотря на всё своё терпение, он жаловался в этот день на тягость забот, неразлучных с высоким положением и утомительностью власти; но на другой же день переставал об этом думать, а на следующий месяц собирал подати с тою же невозмутимостью и таким же бескорыстием. Он был образцовый паша.

После трубки, кофе и денег Али любил больше всего свою дочь Радость Очей; любить её он имел полное основание, так как в ней, как в зеркале, отражался он сам со всеми своими достоинствами. Радость Очей была настолько же ленива, насколько прекрасна, и не могла сделать шага без помощи трёх женщин, всегда готовых к её услугам: белая невольница заботилась об её причёске и туалете, жёлтая держала зеркало или веер, а чёрная забавляла своими гримасами и принимала ласки и удары. Каждое утро дочь паши выезжала из дворца в большой повозке, запряжённой быками, и проводила три часа в ванне, а остальное время в гостях, кушая розовое варенье и гранатовый шербет, любуясь на танцовщиц и сплетничая насчёт подруг. Проведя весь день в таких полезных занятиях, она возвращалась во дворец, прощалась с отцом и безмятежно

засыпала. Чтение, размышление, рукоделие, музыку, - все эти утомительные занятия Радость Очей предоставляла своим служанкам. Молодая, красивая, богатая девушка, да ещё к тому же дочь паши, создана для удовольствий, а что же может быть занимательнее и почётнее безделья? Так думают турки; и мало ли христиан, рассуждающих в этом отношении по-турецки!

Но в этом мире нет вечного счастья, иначе люди позабыли бы о небе. Али испытал это на собственном опыте. Однажды, собирая подати, бдительный паша, более сонный, чем обыкновенно, по ошибке велел побить палками греческого райю, пользовавшегося покровительством Англии. Побитый поднял крик: он имел на это право, а английский консул, дурно спавший ночью, закричал ещё громче побитого; Англия же, которая никогда не спит, стала кричать ещё громче консула. Заголосили в газетах, завопили в парламенте, погрозили кулаком Константинополю. Этот шум из-за пустяков надоел султану и, не имея возможности отделаться от своей верной союзницы, которой побаивался, он решил избавиться, по крайней мере, от паши, невольной причины переполоха. Первой мыслью Его Величества было повесить старого друга; но он рассудил, что казнь мусульманина доставила бы слишком большое торжество вечно лающим собакам-христианам. Поэтому повелитель правоверных, по своему неисчерпаемому милосердию, ограничился приказанием высадить пашу на какой-нибудь необитаемый берег, предоставив ему умереть там с голоду.

К счастью для Али, его преемником и судьёй был назначен старый паша, усердие которого умерялось летами. Зная по опыту, что воля султана непреложна только по календарю, он рассудил, что Его Величество может впоследствии пожалеть о старом слуге и будет благодарен ему, паше, за милосердие, которое ему ровно ничего не стоило.

Он велел тайно вывести Али с дочерью, дал им одежду невольников и несколько пиастров и предупредил, что если на следующий день их увидят в пашалыке или когда-нибудь будет произнесено их имя, он велит повесить их или отрубить им головы, на их выбор. Али поблагодарил пашу за такую великую милость и час спустя выехал с караваном, отправляющимся в Смирну.

Вечером на улицах Багдада было объявлено о падении и ссылке пашы. Это вызвало всеобщий восторг; все прославляло справедливость султана и его неусыпные попечения о нуждах своих подданных. А на следующий месяц, когда новый паша, обладавший довольно тяжелой рукой, потребовал два с половиной миллиона пиастров, добрый багдадский народ, в избытке радости, что избавился от когтей столько лет безнаказанно его грабившего разбойника, уплатил их, не считая.

Сохранить на плечах голову - вещь хорошая, но этого ещё недостаточно. Нужно жить, а это трудная задача для человека, привыкшего рассчитывать на чужой труд и чужие деньги. Приехав в Дамаск, Али остался без всяких средств к существованию. Не имея ни знакомых, ни друзей, ни родных,

он умирал с голода и, что было ещё тяжелее для отца, видел, как подле него бледнеет и гаснет его дочь. Что делать в таком бедственном положении? Протянуть руку за подаванием? Но это недостойно особы, у ног которой ещё накануне был народ. Работать? Но Али жил всегда благородно и ничего не умел делать. Весь его секрет, когда нужны были деньги, заключался в приказании бить людей палками. Но для того, чтобы спокойно заниматься таким почтенным делом, надо быть пашой и получить от султана привилегию. Взяться за это ремесло в качестве любителя, на свой страх, значило бы подвергать себя риску быть повешанным, как вор с большой дороги. Паши не любят соперничества. Али имел об этом некоторое понятие. Самым излюбленным делом в его жизни было приказывать от времени до времени задушить мелкого воришку, имевшего глупость охотиться на землях знатных особ.

Однажды, когда истомлённая постом Радость Очей не могла уже подняться с заменявшей ей постель циновки, и сам Али, ничего не евший, бродил по улицам, как голодный волк, - он увидел людей, которые, поставив на голову кувшины с маслом, переносили их в соседний магазин. У входа последнего стоял приказчик и платил носильщикам один пара за конец. Вид этой маленькой медной монеты заставил задрожать бывшего пашу. Он стал в ряды носильщиков и, взойдя по узкой лестнице, получил такой громадный кувшин, что едва-едва мог обеими руками удержать его в равновесии. Съжившись, подняв плечи и вытянув голову,

Али начал медленно спускаться с лестницы; но на третьей ступеньке почувствовал, что ноша его подаётся вперёд. Он отшатнулся было назад, но подскользнулся и слетел вниз вместе с разбившимся вдребезги кувшином, весь облитый потоками масла. Совершенно сконфуженный этим происшествием, Али хотел было встать, как вдруг приказчик схватил его за шиворот.

- Медведь, - вскричал он, - сейчас же заплати мне 50 пиастров за свою глупость и уходи прочь! Когда не умеешь работать, нечего и браться.

- Пятьдесят пиастров! - сказал с горькой улыбкой Али: где мне их взять? У меня нет ни одного пара.

- Если ты не заплатишь денег, то заплатишься шкурой! - отвечал, не поморщась, приказчик.

По его знаку, четыре дюжих руки схватили Али, связали ему ноги и бросили на землю; и тут же, в том самом положении,

в какое он сам так часто повергал других, Али получил пятьдесят таких сильных ударов по пяткам, как будто сам паша присутствовал при экзекуции.

Али поднялся окровавленный, хромя на обе ноги, завернул их в какие-то лохмотья и вздыхая поплелся домой.

- Велик Бог! - шептал он. - Я заслужил эти страдания, так как сам причинял их другим. Но багдадские купцы, которых я приказывал бить, были счастливее меня; они имели друзей, и те платили за них; я же умираю с голода, и меня некому выручить.

Но он ошибался; одна добрая женщина случайно или по любопытству видела его неудачу и, сжалившись, дала ему масла для ран, небольшой мешок муки и несколько пригоршней волчьих бобов, чтобы прокормиться до выздоровления. В этот вечер, в первый раз после своего падения, Али мог заснуть, не беспокоясь о завтрашнем дне.

Ничто не изощряет так ум, как болезнь и одиночество. В этом вынужденном уединении Али пришла в голову блестящая мысль. "Как я был глуп, - думая он, - что взялся за труд носильщика. У паши не может быть крепкой головы; эту честь надо предоставить быкам. Люди моего положения отличаются ловкостью и проворством рук. Я был отличным охотником. Кроме того, я умею льстить и лгать; это мне хорошо знакомо: я был пашой! Надо избрать такое ремесло, в котором я мог бы удивить мир этими качествами и быстро составить себе приличное состояние".

После этих размышлений Али сделался цирюльником. В первые дни всё шло хорошо. Хозяин заставлял новичка носить воду, мыть лавку, отряхивать циновки, убирать посуду, подавать кофе и трубки посетителям. Али чудесно выполнял все эти трудные обязанности. Если случайно ему и доверяли голову какого-нибудь крестьянина с гор, то другое неловкое движение бритвой оставалось незамеченным. У этих людей кожа грубая, и им небезызвестно, что они на то и созданы, чтобы её у них сдирали. Немного больше, немного меньше - не важно; это не может их переменить и вывести из отупелого состояния.

Однажды утром, в отсутствие хозяина, в лавку зашло важное лицо, один вид которого напугал бедного Али. Это был шут паши, безобразный маленький горбун, с головой в виде тыквы, волосатыми руками, беспокойным взлядом и обезьяньими зубами. В то время, как Али намыливал ему лицо душистой пеной, шут, развалившись на стуле, ради забавы, щипал нового цирюльника, насмехался над ним, показывал язык. Два раза он вышиб из рук Али тазик с мылом, - и это доставляло ему такое удовольствие, что всякий раз он бросал цирюльнику два пара. Но благоразумный Али оставался по-прежнему серьёзным; всецело углубившись в уход за столь драгоценной головой, он водил бритвой с замечательной правильностью и проворством, как вдруг горбун сделал такую ужасную гримасу и так громко вскрикнул, что Али быстро отдернул руку с бритвой,

захватив на ней половину уха, - чужого уха.

Шуты любят смеяться, но только над другими. Те люди, которые издеваются над своими ближними, отличаются особенной чувствительностью, когда дело коснётся их самих.

В одно мгновение горбун бросился с кулаками на Али и принялся душить его, крича о помощи. К счастью для последнего, порез был настолько силён, что раненому пришлось подумать о своём ухе, из которого ручьём текла кровь. Али воспользовался удобной минутой и бросился бежать по переулкам Дамаска с проворством человека, которому неизвестно, что раз его поймут, не миновать ему виселицы. После многих поворотов он спрятался в разрушенном погребу и решил вернуться домой только тогда, когда настала темнота и стихло движение. Остаться в Дамаске после этого происшествия значило бы идти на верную смерть. Али без труда убедил дочь в необходимости бежать тотчас же. Поклажа их не стесняла, и до рассвета ещё они добрались до гор. Три дня шли они, не останавливаясь, поддерживая существование только винными ягодами с придорожных деревьев и водой, которую с большим трудом добывали на дне пересохших оврагов. Но нужда имеет свою приятную сторону, и справедливость требует сказать, что никогда прежде, во время своего величия, паша и его дочь не ели с таким аппетитом.

На последней остановке беглецов приютил один почтенный крестьянин, усердно соблю-

давший святой обычай гостеприимства. После ужина он разговорился с Али и, узнав о его беспомощном положении, предложил взять его к себе в пастухи. Гонять в горы два десятка коз да штук пятьдесят овец было нетрудным делом; две надёжные собаки выполняли самую тяжёлую работу; он не рисковал подвергнуться побоям за неумение; молока и сыра было вдоволь и, хотя крестьянин не давал ни одного пара, но не запрещал Радости Очей брать столько шерсти, сколько нужно было на одежду им обоим. Не имея другого выбора, кроме голодной смерти и виселицы, Али решился без долгих колебаний вести патриархальную жизнь. На следующий же день он отправился в горы с дочерью, собаками и стадом.

Среди лугов Али снова предался своей лени. Лёжа на спине и покуривая трубку, он проводил время в том, что смотрел на кружащихся в небе птиц. Но бедная Радость Очей не была так терпелива: она мечтала о Багдаде, и прялка нисколько не помогала ей забыть о сладком досуге былого времени.

- Отец, - говорила она часто, - стоит ли жить, если впереди предстоит вечная нищета? Не лучше ли было покончить с жизнью разом, чем медленно угасать?

- Велик Бог, дочь моя, - отвечал мудрый пастух, - всё, что он творит, - благо. Я пользуюсь покоем; в моём возрасте это одно из первых благ; и, ты видишь, я покоряюсь. Ах! если бы только я знал какое-нибудь ремесло. У тебя же молодость и надежды; ты можешь ожидать возврата счастья.

Видишь ли, сколько оснований, чтобы и тебе утешиться.

- Я покоряюсь, добрый отец мой, - говорила, вздыхая, Радость Очей.

Но чем больше она надеялась, тем труднее ей было смириться.

Эта счастливая жизнь в уединении продолжалась больше года. Но однажды утром сын дамасского пашы отправился на охоту в горы. Преследуя раненую птицу, он заблудился и один, вдали от свиты, старался отыскать дорогу, идя вниз по течению ручья, как вдруг за извилиной скалы увидал перед собой молодую девушку, которая, сидя на траве и опустив ноги в воду, заплетала свои длинные волосы. При виде этого прекрасного создания, Юзуф вскрикнул. Радость Очей подняла голову. Увидав перед собой незнакомого человека, она испугалась, побежала к отцу и скрылась от взоров удивленного принца.

- Что это? - подумал Юзуф. - Этот горный цветок свежее роз наших садов. Дочь пустыни прекраснее наших султанш. Вот та женщина, о которой я мечтал.

Он побежал вслед за незнакомкой так быстро, как только позволяли сыпавшиеся из-под ног камни. Наконец, он отыскал Радость Очей; она доила овец, между тем как Али сзывал собак, которые яростным лаем предупреждали о приближении чужого.

Юзуф рассказал, что он заблудился и умирает от жажды. Радость Очей тотчас же принесла ему большую чашку молока. Он стал медленно пить, молча поглядывая на отца и дочь; потом решился наконец просить о дороге. Али, в сопровождении собак, проводил охотника до подошвы горы и возвратился, дрожа от страха. Незнакомец дал ему золотую монету. Это был, следовательно, какой-нибудь чиновник султана, быть может, сам паша. По мнению Али, судившему

по собственным воспоминаниям, паша способен был только на зло, и расположение его было так же опасно, как и ненависть. Возвратившись в Дамаск, Юзуф побежал к матери, бросился к ней на шею и стал уверять, что она осталась так же прекрасна, как была в шестнадцать лет, что она блистательна, как луна в полнолуние, что она его единственный друг, что он любит только её одну в целом мире, - и, говоря это, осыпал поцелуями её руки.

Мать улыбалась. "Дитя моё, - сказала она, - ты хочешь поверить мне тайну; говори скорей. Я не знаю, так ли я прекрасна, как ты говоришь, но уверена, что у тебя никогда не будет лучшего друга, чем твоя мать".

Юзуф не заставил себя просить; он сгорал от нетерпения рассказать о том, что видел в горах, нарисовал в чудных красках портрет прекрасной незнакомки и объявил, что не может без неё жить и хочет жениться на ней завтра же.

- Потерпи немного, сын мой, - отвечала мать. - Скажи нам, кто эта необыкновенная красавица; тогда мы расскажем твоему отцу и уговорим его дать согласие на этот счастливый брак.

Когда паша узнал о намерениях сына, он сначала был поражён, а потом разгневался. Разве в Дамаске недостаёт богатых и красивых девушек, чтоб была нужда бежать в пустыню и отыскивать пастушку? Никогда он не согласится на этот неравный брак, никогда!

Благоразумный человек не должен произносить в своём доме слова "никогда", если против него жена и сын. Не прошло и недели, как паша, тронутый слезами матери и бледностью и молчанием сына, устал сопротивляться и уступил. Но как человек сильный и знающий себе цену, он объявил, что делает глупость и сам сознаёт это.

- Пусть, - сказал он, - мой сын женится на пастушке и да падёт это безумие на его собственную голову. Я умываю руки. Но для того, чтобы уж всё было одинаково уродливо в этом браке, позвать моего шута. Ему одному подобает честь привести сюда негодную пастушку, околдовавшую мой дом.

Час спустя горбун поехал в горы верхом на осле, проклиная каприз паши и причуду Юзуфа. Есть ли здравый смысл отправлять послем к пастушке по жаре и пыли человека изнеженного, созданного, чтобы жить среди придворной роскоши и увеселять своим остроумием принцев и вельмож? Но судьба слепа. Она возносит глупцов и обрекает на роль шута гения, не желающего умирать с голода.

Три дня утомительного пути не могли рассеять досады шута. Наконец, он увидел Али, который лежал в тени рожкового дерева и был больше занят трубкой, чем стадом. Шут прищипорил осла и с важностью визиря подъехал к пастуху.

- Негодяй, - сказал горбун, - ты околдовал сына паши; он делает тебе честь, женится на твоей дочери. Обмой поскорей эту горную жемчужину; я должен отвезти её в Дамаск. Тебе же паша посылает вот

этот кошелёк и приказывает оставить тот час же страну.

Али не подхватил брошенного кошелька и, не поворачивая головы, спросил горбуна, что ему нужно.

- Грубая скотина! - отвечал последний.

- Разве ты не слыхал? Сын паши женится на твоей дочери.

- Чем занимается сын паши? - спросил Али.

- Чем он занимается? - воскликнул шут, раздражаясь смехом. - Ах ты, болван! Не воображаешь ли ты, что он такой же мужик, как ты? Разве ты не знаешь, что султан делит с пашой получаемые с провинции десятину, и что из 40 овец, которых ты так плохо пасёшь, 4 принадлежат паше по праву, а 36 он может взять по собственному произволу.

- Я говорю не о паше, - спокойно возразил Али. - Да хранит Бог Его Превосходительство. Я спрашиваю, чем занимается его сын? Быть может, он оружейный мастер?

- Нет, глупец.

- Кузнец?

- Еще менее.

- Плотник?

- Нет.

- Может быть он обжигает известь?

- Нет, нет. Он важный барин, слышишь ты, дурачина! Работают только бедняки. Сын паши особа благородная; это значит, что у него белые руки, и он ничего не делает.

- В таком случае он не получит моей дочери, - сказал с важным видом настух.

- Семейная жизнь стоит дорого; я никогда не отдам свою дочь за человека, неспособного прокормить жену. Но быть может, сын паши знает какое-нибудь менее грубое ремесло? Может быть он золотошвей?

- Нет, - отвечал шут, пожимая плечами.

- Портной?

- Нет.

- Горшечник?

- Нет.

- Так он, может быть, цирюльник?

- Нет, - сказал шут, покраснев от гнева.

- Прекрати эти глупые шутки, или я тебя изобью. Позови дочь; я спешу.

- Моя дочь не поедет, - отвечал пастух.

Он свистнул собак, и те улеглись около него, ворча и скаля зубы, что, по-видимому, не очень понравилось послу паши.

Горбун повернул осла и, грозя кулаком Али, который держал оцетинившихся догов, закричал:

- Будешь ты меня звать, негодяй! Ты увидишь, что значит противиться воле нашего повелителя, паши.

Шут возвратился в Дамаск, повеся нос. К счастью для него, паша взглянул на дело с хорошей стороны. Неудача являлась некоторым ударом для жены и сына, и его победой; этот двойной успех приятно щекотал самолюбие паши.

- Не правда ли, - сказал он, - этот старик безумнее моего сына. Но успокойся, Юзуф. Я пошлю в горы четырёх всадников; они привезут мне дочь. Что же касается отца, то для него у меня есть в запасе убедительный довод.

Говоря это, он весело сделал перед собой такое движение рукой, как будто срезал что-нибудь, мешавшее ему.

По знаку матери, Юзуф встал и стал умолять отца предоставить ему самому довести до конца это маленькое приключение. Предлагаемое средство, конечно, непреодолимо. Но, быть может, Радость Очей имеет слабость любить старого пастуха и станет плакать, а паша не захочет омрачать первые счастливые дни брака. Юзуф надеялся, что кротостью он легко победит сопротивление, которое ему казалось несерьёзным.

- Хорошо, - сказал паша. - Ты хочешь быть умнее отца. Это обыкновение всех сыновей. В таком случае иди и делай, что хочешь. Но я предупреждаю, что с этого дня я не стану больше вмешиваться в твои дела. Если старый дурак откажет тебе, ты будешь сам виноват в своём позоре. Я дал бы тысячу пиастров, чтобы увидеть тебя возвращающимся с таким же носом, как горбун.

Юзуф улыбнулся; он был уверен в успехе. Может ли быть, чтобы Радость Очей его не полюбила, когда он её обожает? И разве в двадцать лет сомневаются в себе и в своём счастье? Сомнение - удел тех, кто обманут жизнью; те же, кто увлечён юношескими мечтами, не ведают его.

Али принял Юзуфа с почтением, какое подобало сыну паши, и вежливо поблагодарил его за честь; но по-прежнему остался непреклонным в своём решении. Раз нет ремесла, не может быть и брака, - и ни малейшей уступки. Молодой человек рассчитывал, что

Радость Очей придёт к нему на помощь; но она не появлялась. Она не могла бы послушаться отца по очень важной причине: благоразумный Али не сказал ей ни слова о сватовстве. С самого посещения шута он тщательно прятал её и держал дома.

Сын паши спустился с горы, понуриив голову. Что делать? Возвратиться в Дамаск и подвергнуться насмешкам отца? Нет, Юзуф никогда не примирится с таким исходом. Потерять Радость Очей? Лучше умереть. Заставить же упрямого пастуха изменить решение Юзуф не надеялся и начинал уже сожалеть, что по излишней доброте проиграл всё дело.

Среди этих печальных размышлений Юзуф заметил, что лошадь его, предоставленная самой себе, сбилась с дороги. Он находился у опушки оливкового леса; вдали виднелась деревня; синеватый дым поднимался над крышами; слышен был лай собак, пение рабочих и стук молота.

В голове Юзуфа блеснула мысль. - Что мешает ему научиться ремеслу? Разве это так трудно? И разве Радость Очей не стоит всякой жертвы? Молодой человек привязал к дереву лошадь, ружьё, вышитую куртку и тюрбан. В первом же доме он рассказал, что его ограбили бедуины, купил простую одежду и, преобразившись, стал, переходя из дома в дом, предлагать себя в ученики. У Юзуфа был такой здоровый вид, что все готовы были принять его, но условия его пугали. Кузнец соглашался обучить его своему ремеслу в два года, горшечник в год, каменщик в шесть месяцев - целый век.

Сын паши не мог примириться с таким долгим искусом. В это время кто-то позвал его.

- Послушай, сын мой, - кричал кто-то визгливым голосом, - если ты не честолюбив и очень спешешь, иди ко мне. Я научу

тебя в восемь дней зарабатывать кусок хлеба.

Юзуф поднял голову. В нескольких шагах от него сидел на скамейке, поджав ноги, маленький, толстый человек с оттопыренным животом и весёлым лицом. Это был корзинщик. Окружённый разноцветной соломой и тростником он искусно сплетал их и делал короба, корзины, ковры и шляпы разных цветов и рисунков. Картина была приятная для глаз.

- Вы будете моим учителем, - сказал Юзуф, протягивая руку корзинщику. - А

если вы постараетесь обучить меня в два дня, я щедро заплачу вам за труд. Вот задаток.

Сказав это, Юзуф бросил изумлённому рабочему две золотых монеты.

Ученики, рассыпающие пригоршнями золотые монеты, попадают не каждый день. Корзинщик нисколько не сомневался, что имеет дело с переодетым принцем и делал чудеса. А так как у его ученика не было недостатка ни в понятливости, ни в доброй воле, то ещё до вечера он посвятил его во все тайны своего искусства.

- Сын мой, - сказал тогда корзинщик. - Твоё учение окончено; ты сейчас увидишь сам, заслужил ли твой учитель свои деньги. Вот уже садится солнце; в это время все кончают работу и проходят мимо моего дома. Возьми эту циновку, сплетённую и сшитую твоими руками, и предложи её покупателям. Если я не ошибаюсь, ты можешь получить за неё 4 пара. Для начала это хорошие деньги.

Корзинщик не ошибся. Первый же покупатель предложил три пара; с него запросили пять и достаточно было какого-нибудь часа споров и крика, чтобы он решился дать четыре пара. Он вынул длинный кошелек, осмотрел ещё несколько раз циновку, указал на её недостатки и отсчитал одну за одной, четыре медных монеты. Но Юзуф вместо того, чтобы взять эти деньги, дал покупателю золотой, а корзинщику десять золотых и, захватив своё произведение, побежал из деревни, как сумасшедший. Дойдя до того места, где осталась его лошадь, он постлал

на землю циновку, завернулся в бурнус и заснул тревожным, но вместе с тем таким сладким сном, какого ещё не вкушал в своей жизни.

Когда на рассвете Али пришёл на пастбище со своими овцами, он очень удивился, увидев Юзуфа, расположившегося раньше него под старым рожковым деревом. Как только молодой человек заметил пастуха, он тотчас же встал и, подняв циновку, на которой лежал, сказал:

- Отец мой, вы хотели, чтобы я выучился ремеслу; я это сделал, и вот моя работа, посмотрите.

- Это хорошая вещица, - сказал Али. - Если она и не вполне безукоризненно сплетена, зато добросовестно сшита. Сколько же можно заработать, делая каждый день по такой циновке?

- Четыре пара, - сказал Юзуф, - при некотором навыке я сделаю, по крайней мере, две циновки в день.

- Это немного, - заметил Али, - но начинающему таланту приличествует скромность. Четыре пара в день небольшие деньги; но четыре пара сегодня, да четыре пара завтра составят уже восемь пара, а ещё четыре пара послезавтра - уже двенадцать пара. Словом это ремесло может дать кусок хлеба, и если бы я был умён и выучился ему, когда был пашой, мне не пришлось бы идти в пастухи.

Каково было при этих словах удивление Юзуфа! Али рассказал ему всю свою историю. Он рисковал головой, но эта маленькая гордость простибельна отцу. Выдавая замуж

дочь, Али приятно было открыть зятю, что Радость Очей достойна руки сына паши.

В этот день овец пригнали домой раньше обыкновенного. Юзуф хотел сам поблагодарить честного фермера, приютившего Али с дочерью; он дал ему в награду за доброе дело целый кошелек золота. Никогда человек не бывает более щедр, как в минуту счастья. Радость Очей, представленная охотнику и предупрежденная о намерениях Юзуфа, заявила, что первая обязанность дочери - повиноваться отцу. Говорят, что в Турции в таких случаях дочери всегда бывают послушны родителям.

В тот же вечер, пользуясь ночной прохладой, они отправились в Дамаск. Лошади бежали легко; на сердце было ещё легче; они летели с быстротой ветра и на второй день ещё засветло приехали в Дамаск. Юзуф поспешил представить невесту своей матери. Излишне говорить, как рада была последняя. После первых приветствий она не могла устоять перед удовольствием показать мужу, что она умнее его, и открыла ему происхождение прекрасной Радость Очей.

- Клянусь Аллахом, - воскликнул паша, поглаживая свою длинную бороду, чтобы не уронить достоинства и скрыть смущение, - вы, кажется, воображаете, сударыня, что можете удивить меня, государственным мужем? Разве я согласился бы на этот брак, если бы не знал тайны, которая вас поразила? Знайте же, что папе известно всё!

Он пошёл тотчас же в кабинет и написал обо всём султану, прося распоряжений

относительно Али. Паша решительно не хотел ради изгнанного семейства навлекать на себя гнев Его Величества. Приключения любит только молодёжь, а паша был серьёзный человек, желавший прожить век и умереть пашой. Если верить "Тысяче одной ночи", все султаны любят занимательные истории. Покровитель Али не отставал от своих предков. Он отправил в Сирию корабль нарочно затем, чтобы привезти в Константинополь бывшего багдадского губернатора. Переодетый снова в рубище, с посохом в руке, Али был доставлен в сераль и удостоился чести забавлять своего повелителя при многочисленной публике целых полдня. Когда Али окончил свой рассказ, султан велел надеть на него платье со своего плеча. Его Величество превратил пашу в пастуха; теперь он хотел удивить мир новым чудом своего всемогущества и пастуха снова обратить в пашу. Весь двор встретил с восторгом это блестящее доказательство монаршей милости. Но Али упал перед султаном на колени, чтобы отклонить честь, которая его уже больше не прельщала. Он говорил, что не хочет снова подвергнуться риску прогневить повелителя правоверных и просил позволить ему провести остаток дней в неизвестности, благославляя великодушную руку, спасшую его от заслуженной гибели. Смелость Али испугала присутствующих, но султан улыбнулся. - Велик Бог, - воскликнул он. - Каждый день Он готовит нам новую неожиданность. За все двадцать лет моего царствования это первый пример, что подданный мой просит позволения быть ничем.

Ради редкости случая, Али, я исполняю твою просьбу и приказываю только принять от меня в подарок тысячу кошельков. Никто не должен уходить от меня с пустыми руками. Возвратившись в Дамаск, Али купил прекрасный сад,

полный апельсинов, лимонов, абрикосов, слив и винограда. Копать землю, полоть, поливать, прививать и подрезывать деревья было для него удовольствием; вечером он ложился спать, усталый телом, но со спокойной душой; утром вставал бодрый телом и с легким сердцем. У Радости Очей было три сына, и все трое ещё красивее матери. Их воспитание взял на себя старый Али. Он научил всех троих садоводству и, кроме того, ещё трём разным ремёслам. Чтобы запечатлеть в их сердцах познанную им только в изгнании истину, Али велел вырезать на стенах дома и сада лучшие места из Корана, а внизу следующие мудрые изре-

чения, над которыми не отказался бы подписаться сам пророк: "Труд - единственное сокровище, в котором никогда нет недостатка. Работай руками - ты никогда не протянешь их за милостыней. Когда ты будешь знать, чего стоит заработать один

пара, ты будешь уважать собственность и труд ближнего. Труд даёт здоровье, мудрость, радость. Труд и скука никогда не живут под одной кровлей". Сыновья Радости Очей воспитывались в духе этих мудрых изречений. Все трое сделались пашами. Воспользовались ли они советами своего деда? Мне хотелось бы верить этому, хотя турецкие летописи ничего не говорят об этом. Первые уроки детства не забываются; воспитанию мы обязаны тремя четвертями наших пороков и половиной добрых качеств. Добродетельные

люди, не забывайте, чем вы обязаны своим родителям, и повторяйте себе, что в большинстве случаев злые люди и наши не более, как дурно воспитанные дети...

З о л о т о е р у н о

сербская сказка

Я люблю сербов; это храбрый народ. Они напоминают мне героев Гомера. Песни их - целые эпопеи, а сказки обладают живостью и прелестью чудных сказаний Востока. Вот для образца одна из знаменитых сказок, которую недавно на берегах Моравы рассказывала Юку Стефановичу старая пряха.

Жил некогда в Круйеваце охотник, по имени Янко Лазаревич. Он был царём гор, хотя вся его собственность заключалась только в маленьком домике, окружённом виноградником; он жил в нём с женой и сыном счастливо и в довольстве. Пчёлы давали ему мёд, сливы - лучшую во всей окраине водку, а благодаря карабину, на его столе никогда не переводилась дичь. Богачи владеют полями, рудниками, драгоценностями. У Янко был лес, ему принадлежали все зайцы, косули и олени на десять миль в окружности, и когда в Белграде, Виддине и даже Константинополе требовались хорошие лисьи или медвежьи меха, обращались не к кому иному, как к круйевацкому охотнику Янко.

Но счастье так же недолговечно, как полевой цветок. Однажды, в прекрасную осен-

нюю ночь, Янко сторожил дичь и вдруг заметил вдалеке странный свет. Деревья в лесу освещались одно за другим, как будто пламенем большой печи, и затем снова погружались во мрак, а свет подвигался дальше. В то же время слышен был топот и треск ломаемых ветвей.

Выйти из своего убежища и побежать на разведку было для Янко минутным делом. Вдруг из леса выскочил громадный баран, глаза которого горели от ярости, а шерсть сияла, как солнечные лучи. Янко взвёл курок, но животное быстрее молнии бросилось на него и свалило с ног.

На другой день, на рассвете, дровосеки, идя на работу нашли бедного охотника распростёртым на земле и уже безжизненным. На груди его зияли две глубокие раны, из которых вместе с кровью вышла

и его жизнь. Дровосеки перенесли в город тело храброго товарища; его похоронили, и тем дело и кончилось. В счастливом домике, где так часто раздавались весёлые песни Янко, теперь слышны были только вздохи вдовы, да рыдания ребёнка.

Но годы проходят, как весёлые, так и

грустные, унося с собой наши радости и печали. Стоян, сын Янко, стал взрослым человеком. Самым сильным его желанием было - пойти на охоту. В его жилах текла отцовская кровь, и ещё в детстве ему доставляло величайшее удовольствие рассматривать и трогать висевший на стене карабин охотника. Но в тот день, когда он попросил мать дать ему это опасное оружие и отпустить в лес, бедная женщина залилась слезами.

- Нет, дитя моё, - сказала она, - ни за что на свете я не дам тебе этот карабин. Я уже потеряла мужа; неужели ты хочешь, чтобы я потеряла и сына?

Стоян замолчал и обнял мать; но на другой же день возобновил свою попытку. Он был так нежен и ласков, обещал охотиться с такою осторожностью, что мать, в конце концов, уступила.

Вне себя от восторга, Стоян с раннего утра побежал на гору. Он охотился целый день, а вечером сел в засаду сторожить дичь в том самом месте, где погиб его отец.

Ночь была тёмная. Усталый молодой охотник невольно задремал; но его разбудил сильный шум. Он увидел странный свет; деревья осветились одно за другим, как будто пламенем большой печи; он услышал топот и треск ломаемых ветвей. Не покидая убежища, Стоян взвёл курок и поручил себя воле Божьей. Вдруг из леса вышел громадный баран, глаза которого горели от ярости, а шерсть сияла, как солнечные лучи.

- Стоян, Стоян! - закричал он. - Я убил твоего отца и тебя также убью.

- Нет, - отвечал молодой человек, - с Божьей помощью я убью тебя.

Он выстрелил так метко, что животное, поражённое в голову, отпрянуло и упало недвижимым.

Стоян подбежал и заколол его. Когда молодой охотник начал снимать шкуру, перед ним предстала высокая женщина с чёрными волосами и зелёными глазами. Это была лесная фея.

- Стоян, - сказала она, - ты освободил меня от врага; вот тебе моя рука; я буду твоей сестрой. Когда тебе нужна будет помощь, вспомни обо мне.

Молодой человек поблагодарил фею, и счастливый и торжествующий возвратился в Круйевац. Баранья шкура, повешенная на стене, освещала всю комнату. Со всей округи стекался народ, чтобы полюбоваться на неё, и Стоян был провозглашён царём гор, как и его отец. Не было ни одной молодой девушки, которая не улыбалась бы ему при встрече.

В то время Сербия была под властью турка (порази его Бог!). Белградский паша Решид, бывший янычар, в молодости, быть может, и отличался храбростью; но в описываемое время это был уже себялюбивый и грубый старик, который проводил время только в том, что пил, ел и спал. Презируя язык, веру и обычаи народа, он держал при себе для управления им неизвестно откуда взявшегося отступника, какого-то негодая без чести и совести, жившего только

грабительством. У Якуба (так звали этого молодца) был низкий лоб, рысьи глаза, крючковатый нос, напоминавший орлиный клюв, и ещё более крючковатые пальцы. Из всех слов он знал лучше всего глагол "брать" и спрягал его во всех временах и наклонениях. Слова же "отдавать" совсем не знал. Пусть дьявол вечно учит его этому слову в аду!

Пословица говорит, что один турок причиняет больше ущерба, чем десять волков, а ренегат в этом отношении стоит десяти турок. Якуб вполне оправдывал эту пословицу. Однажды Решид приехал в Круйевац на охоту. Якуб по своему обыкновению начал делать поборы в свою пользу. Ради справедливости скажем, что он всё-таки давал кое-что и своему начальнику, который со своей стороны ничего уже не давал султану.

Войдя в дом Стояна, ренегат был ослеплён золотым руном. Глаза его заблестели алчностью, руки скрючились.

- Какая прекрасная вещь, сын мой! - сказал он молодому охотнику. - Паша должен знать всех животных, живущих в его лесах. Отнеси ему эту баранью шкуру. Она принадлежит ему.

- Нет, это руно моё, - отвечал Стоян. - Я никому не хочу отдавать его.

- Кто говорит тебе - отдать? - возразил ренегат. - Всякий дар великим мира сего есть мена. Паша, наш повелитель, слишком великодушен, чтобы остаться обязанным какому-нибудь рае.

- Я не продаю своего имущества, а хочу сохранить его, - отвечал Стоян.

- Взвесь свои слова, молодой человек, сказал Якуб, нахмутив брови. - Гордость приводит к несчастью, а у паши

длинные руки. Я хочу иметь это руно; оно мне нужно.

Вместо ответа Стоян снял со стены карабин и указал ренегату на дверь.

- Не сердись, сын мой, - сказал, поспешно уходя, Якуб. - Когда-нибудь ты пожалеешь, быть может, что не последовал моему совету.

Возвратившись во дворец, ренегат отправился к Решиду, который пил стаканами белое симендрийское вино.

- Попробуй, - сказал тот Якубу, - это токайское вино. Если бы кади отведали его, они променяли бы весь Коран на одну такую бутылку.

- Это прекрасное вино, - отвечал ренегат, - но оно не может сравниться с белым вином, которое я пил в Смирне. Правда, там у паши есть виноградник, который даёт бесподобный виноград.

- Какой он счастливец, - сказал Решид, пьянея.

- Кто мешает вам сделаться таким же счастливцем, как он? - заметил Якуб. - В этой стране есть некий Стоян, что-то вроде колдуна. Он может в течение недели развести виноградник и доставить вам такой же виноград. Пожалуй, только он заупрямится.

- Заупрямится! - сказал турок, пожимая плечами. - Послать к нему янычара и объявить ему, что если через неделю у меня не будет такого же прекрасного виноградника, как в Смирне и такого же хорошего винограда, я велю отрубить ему голову.

- На такой довод нечего возражать, -
сказал Якуб со злорадным смехом и тихо
прибавил: "Золотое руно будет моим".

Когда Стоян узнал печальную новость,
он принялся плакать.

- Увы, матушка, мы погибли!

- Сын мой, - отвечала бедная женщина, - не говорила ли я тебе, что этот карабин будет стоить тебе жизни, как и твоему отцу!

В отчаянии молодой человек вышел из дому и пошёл, куда глаза глядят. У подножия горы какая-то молодая девушка подошла к нему и спросила:

- Брат, о чём ты плачешь?

- Иди с Богом, - резко отвечал ей Стоян, - ты не можешь помочь моему горю.

- Как знать, - сказала она. - Друзей узнают на деле.

Охотник поднял голову и узнал фею. Он бросился к ней на шею, заливаясь слезами, и рассказал о злобе Якуба и безумии паши.

- Только-то! - сказала фея. - Мужайся, брат; я тебя не оставлю. Иди к паше и спроси, где он хочет развести виноградник. Скажи ему, чтобы он велел провести борозды. Потом возьми побег базилика, посади его в борозду и спи спокойно. Раньше, чем через неделю, ты будешь собирать спелый виноград.

Стоян сделал так, как велела ему фея, и в тот же день посадил побег базилика. Но он не вполне верил обещаниям феи и заснул с тяжёлым сердцем. Поднявшись до зари, он побежал к первым бороздам. Виноградные отводки показывались уже из земли. На второй день они стали уже большими; на третий распустились листья; на четвёртый зацвели. На шестой день, хотя стояла ещё весна, виноградные кисти

пожелтели. Стоян сорвал их; выжал сок и отнёс свирепому начальнику кувшин сладкого вина и тарелку спелого винограда.

При виде этого чуда, все были поражены, исключая пашу, который находил случившееся вполне естественным и даже не поблагодарил бедного Стояна. Нет ничего легче, говорит пословица, как загребать жар чужими руками.

- Ну, каково моё могущество! - сказал паша Якубу. Я не волшебник и горжусь этим. Имея саблю в руке, нет надобности что-либо знать или иметь: деньги и ум других - всё твоё.

- Я преклоняюсь перед мудростью вашей светлости, - отвечал ренегат, кланяясь, - и надеюсь, что вы не оставите своего дела неоконченным.

- Разве в этом винограднике чего-нибудь недостаёт? - спросил недовольным тоном Решид.

- В нём недостаёт башни из слоновой кости, которая в Смирне служит предметом удивления для правоверных и зависти для неверных.

- Только-то? - сказал смеясь паша. - Подойди сюда, молодой человек. Если через месяц у меня не будет такой же, как в Смирне, башни из слоновой кости, я велю отрубить тебе голову. Ты слышал. Ступай и исполни!

Стоян заплакал и побежал к матери.

- Увы, матушка, мы погибли!

- Беги, сын мой, к горе; быть может ты встретишь там нашего друга и покровительницу.

Молодой человек побежал к горе и три раза позвал фею. Она явилась улыбающаяся и ласково его выслушала.

- Только-то! - сказала она. - Мужайся, брат; я не оставляю тебя. Иди к паше, попроси у него корабль, триста бочек вина, двести бочек водки и двенадцать плотников. Нагрузи корабль и плыви всё прямо. Когда ты будешь между двух гор, высадишься на берег, осуши пруд, который увидишь перед собой и наполни его вином и водкой. Слоны придут вечером к пруду на водопой и будут пить вино, пока не упадут мертвецы пьяные. Плотники отпилят им клыки и у тебя будет целый груз слоновой кости. Возвращайся тогда со своей добычей в виноградник, захвати с собой побег базилика и спи спокойно в этом новом саду; через неделю башня из слоновой кости будет выстроена.

Стоян исполнил всё, что велела ему фея. Корабль остановился между двух гор; пруд осушили и наполнили вином и водкой.

В сумерки прибежало целое стадо слонов. Первый слон, попробовав водки, казался удивлённым; но тотчас же возобновил попытку с некоторым уже удовольствием, и всё стадо проделало то же самое. Тогда началось общее веселье, шум и гам. Всё слоновье царство пришло в праздничное настроение. Вопреки этикету, царь слонов стал танцевать национальный танец, а царица пошла вальсировать с молодым камергером. Затем всё стадо погрузилось в глубокий сон, и плотники принялись за

работу. Не красней за своё несчастье, доброе племя слонов, тебе не первому и не последнему подрезали зубы в состоянии сна и опьянения.

Возвратясь домой, Стоян велел сложить всю массу слоновой кости в саду. Якуб,

спрятавшись за стеной, следил за молодым человеком, желая выведать его тайну. Но Стоян целый день пел, наигрывая на гусях грустные песни. Когда ночь окутала землю, ничего ещё не было сделано. Якуб ушёл, потирая руки.

- Он погиб, - подумал он, - золотое руно будет моим.

Но на следующий день башня показалась из земли; на второй день она поднялась уже на высоту первого этажа; на шестой - вся башня с куполом и минаретами была готова. Она была белее моря, освещённого серебристым светом луны, и так сияла на солнце, что её видно было на десять миль в окружности.

При виде этого чудного здания, все дивились, исключая пашу, который находил случившееся вполне естественным и даже не поблагодарил бедного Стояна.

- Ну, каково моё могущество? - спросил он Якуба, поглаживая ручку своего ятагана.

- Я преклоняюсь перед гением Вашей Светлости, - отвечал ренегат, кланяясь, - и надеюсь, что вы не оставите своего дела неоконченным.

- Разве моей башне чего-нибудь недостаёт? - спросил недовольным тоном Решид.

- Недостаёт индийской принцессы. Какой смысл в башне, если в ней не обитает венец творения?

- Ты прав, - заметил паша.- Птица даёт цену клетке. Подойди сюда, молодой человек, - сказал он Стояну. - Отправляйся и отыщи мне индийскую принцессу. Если ты не вернёшься и не привезёшь это чудо красоты, я велю отрубить тебе голову. Ты выслушал. Ступай и исполни!

Стоян заплакал и побежал к матери.

- Увы, матушка, мы погибли!

- Беги, сын мой, к горе; может быть, ты увидишь там нашего друга и покровительницу.

Молодой человек побежал к горе и три раза позвал фею. Она явилась улыбающаяся и ласково его выслушала.

- Только-то! - сказала она. - Мужайся, брат; я не оставляю тебя. Иди к паше и попроси у него большой корабль. Устрой на нём двенадцать лавок; разложи в них множество материи и драгоценностей, больше, чем на всех константинопольских базарах. В этих лавках посади торговцами двенадцать самых красивых в Сербии молодых людей и наряди их принцами. Тогда отправляйся, и когда корабль остановится между двух гор, высадись на землю. Ты будешь в индийском государстве. Там возьми гусли и пой с товарищами, а когда молодые девушки этой страны придут за водой, пригласи их посмотреть на сокровища твоего корабля. Сделай им подарки; они будут в восторге от твоего великодушия и, возвратясь в город, станут говорить: "Никогда ещё мы не видали такого прекрасного корабля, и любезных торговцев". Дочь индийского царя, вдвойне любопытная, как женщина и принцесса, придёт к тебе. Забавляй её целый день, и как только наступит ночь, снимись с якоря и подними паруса. Но знай, что хотя принцесса и будет на корабле, ещё не всё сделано. Она волшебница и может навлечь на тебя не одну беду. Но следуй моим советам, и ты достигнешь цели.

Говоря это, фея подошла к бежавшему с горы потоку и позвала сома, который

плыл возле берега. Она взяла у него одну чешуйку и отдала Стояну.

- Возьми этот талисман, - сказала она. Если когда-нибудь тебе понадобится помощь в глубине моря, брось в воду эту чешуйку и позови моего брата сома.

Потом, посмотрев на небо, она заметила сокола, преследовавшего голубку. Она свистнула и обе птицы спустились к ней на плечо. Фея выдернула по одному перу из хохолка сокола и крыла голубки и дала их Стояну.

- Возьми эти талисманы, - сказала она. - Если тебе понадобится помощь в воздушном пространстве, брось эти перья по ветру и позови моего брата, сокола, и сестру мою, голубку. А теперь, прощай, брат. Я истощила на тебе все тайны моего искусства. Ты не увидишь меня больше.

Стоян поблагодарил свою сестру фею и исполнил всё, что она велела. Корабль остановился между двух гор; молодые девушки пришли к источнику, слушали песни Стояна, взошли на корабль, приняли без особенных упрасиваний красивые подарки и в тот же вечер стали говорить по всему городу: "Никогда ещё мы не видали такого прекрасного корабля, таких чудных сокровищ и любезных торговцев".

На другой день индийская принцесса приехала на берег в великолепном паланкине, на самом красивом и статном слоне, в сопровождении двенадцати подруг. На плече её сидел маленький зелёный попугай, забавлявший её своей болтовнёй. Стоян побежал навстречу принцессе и пригласил её взойти

на корабль. В каждой лавке развёртывали самые дорогие материи, показывали самые редкие драгоценности: кольца, цепочки, ожерелья, диадемы. Принцесса и её спутницы были ослеплены ими, как жаворонки зеркалом.

День проходил, а они всё не могли оторвать удивлённых и очарованных взоров от чудных сокровищ.

Как только наступила ночь, Стоян снялся с якоря и поднял паруса. При первых движениях корабля, принцесса испугалась, вышла на палубу и, посадив на руку попугая, сказала:

- Милая птичка, лети, извести моего отца, что его дочь хотят увезти.

Попугай полетел, но Стоян тотчас же бросил по ветру перо сокола и закричал: "Брат мой, сокол, помоги мне!"

И вот на небе показалась чёрная точка. Это был сокол; он бросился на попугая и унёс его на скалу.

Принцесса посмотрела с презрением на Стояна и бросила в море кольцо. Корабль тотчас же остановился, как будто сел на мель. Напрасно ветер надувал паруса; тайная сила держала корабль.

Стоян бросил в воду чешуйку сома и закричал:

- Брат мой, сом, помоги мне!

Не успел он произнести этих слов, как на поверхности воды заблестела красивая чешуя громадного сома. Рыба нырнула и подняла кольцо, а корабль, подгоняемый самым благоприятным ветром, поплыл полным ходом.

Принцесса вскрикнула и побежала к своим подругам. Но на другой день на рассвете она снова вышла на палубу и сказала Стояну:

- Я могу одним словом превратить этот корабль в камень, и ты никогда не увидишь

своей родины. Но если ты достанешь мне живой воды, я готова за тобой последовать. Видишь ли ты скалу, из которой выходит густой дым? Там есть источник, охраняемый двумя драконами, из ноздрей которых вылетает пламя. Эти чудовища не спят ни днём, ни ночью, и никому ещё не удавалось обмануть их бдительность. Если ты сделаешь то, в чём все другие терпели неудачу - наполнишь этот флакон живой водой, я буду самым преданным твоим другом и слугой.

Вместо ответа Стоян взял флакон, бросил по ветру перо голубки и закричал:

- Сестра моя, голубка, помоги мне!

Тотчас же белая, как снег, голубка спустилась на плечо к Стояну, взяла в клюв флакон, взвилась на воздух и исчезла из глаз. Через час она возвратилась, и Стоян мог поднести принцессе флакон с живой водой.

- Благодарю тебя, друг мой! - сказала самым ласковым тоном молодая девушка. - Теперь тебе нечего меня бояться. Скажи, куда ты везёшь меня?

- К паше, моему повелителю, - отвечал Стоян.

- А! - сказала она и, закрыв лицо вуалью, удалилась.

Всю остальную дорогу она не разговаривала со Стояном.

В тот день, когда в Круйеваце узнали о возвращении молодого охотника, был праздник. Со всего города и деревень бежался народ, чтобы посмотреть на въезд индийской принцессы. Зрелище было чудное. Впереди ехали на чёрных конях двенадцать

спутниц принцессы. Каждую лошадь вёл под уздцы один из спутников Стояна. Ничего не могло быть великолепнее этих молодых людей в богатой одежде, с блестящими поясами, саблями в серебряных ножнах с насечёнными серебром карабинами. Но когда увидали Стояна с его трофеем, всё было забыто. Хотя принцесса была под длинной вуалью, которая позволяла видеть только её большие чёрные глаза, тем не менее она затмевала подруг, как луна звёзды. Её белый конь, казалось, чувствовал себя счастливым, что везёт её. На всём пути мужчины любовались ею; женщины же смотрели на Стояна. Прекрасный, гордый и печальный, он пленял взоры всех.

Войдя во дворец, где ожидал паша, иностранка сняла вуаль. При виде её чудной красоты Решид, забыв о своих летах, побежал к ней колеблющимися шагами и хотел поцеловать. Но принцесса оттолкнула его с такой силой, что не случись тут верного Якуба, паша, несмотря на всё своё могущество разбил бы себе нос.

- Полно, прекрасная дикарка! Чем твой раб заслужил такое обращение?

- Вы невежа, - гордо сказала принцесса. - Вы не спрашиваете у меня ни моего имени, ни имени моего отца. Вы не знаете, кто я и чего я хочу. Разве я собака или птица, чтобы насильно брать меня? Знайте же, чтобы жениться на мне, нужно быть вдвойне молодым, и телом и духом.

- Я очень молод духом, - сказал паша. - Что же касается тела, то я охотно помолодел бы для одного того, чтобы жениться на тебе

и долго жить подле тебя. Но как это сделать?

- Я нашла средство, - сказала принцесса.-
Вот пузырёк с живой водой. Велите отрубить

себе голову. Я брызну на вас этой волшебной водой и сделаю вас молодым и красивым, как в двадцать лет.

Паша поморщился, посмотрел вокруг и, увидав Стояна, наморщил брови.

- Я верю в силу этой чудесной воды, - сказал он, - но недурно было бы испытать её на деле. Не сделать ли опыт на этом молодом человеке; его вид мне что-то не нравится. Поди сюда, райя, тебе отрубят голову, чтобы сделать тебя молодым.

- Я настолько ещё молод, что не нуждаюсь в этом опыте, - сказал Стоян, глядя на прекрасную индианку, - но хотя бы я должен был умереть, я не отступлю перед опасностью. Зачем мне жизнь?

По знаку паши, янычар вынул саблю и одним ударом отрубил молодому человеку голову. Все присутствовавшие вскрикнули от ужаса; но принцесса тотчас же брызнула на трепетавшее ещё тело живой водой, и Стоян встал, полный жизни и здоровья, такой молодой и прекрасный, что паша, обезумев от зависти, закричал:

- Принцесса, сделайте меня молодым поскорее, не теряя ни минуты.

Он подозвал янычара и отдал ему приказание.

Потом, увидав Якуба, который делал вид, что плачет, сказал ему:

- Бедный Якуб, верный друг мой, моя правая рука, я не хочу оставлять тебя старым, когда сам помолодею. Мы перестали бы понимать друг друга. Нет, друг мой, я не эгоист; ты мне нужен. Нам нужно обоим помолодеть. Пусть нам отрубят голову в

одно время. - Это доказательство дружеского расположения паши заставило Якуба побледнеть, как смерть. Он попытался заговорить, открыл рот, но знак был уже подан, и в ту же минуту голова его упала на пол рядом с головой паши.

- Уберите эти трупы, - равнодушно сказала принцесса, - и бросьте собакам тело нахала, осмелившегося оказать мне неуважение.

При этих словах все переглянулись. Турки нахмурили брови, но сербы обнажили сабли и сказали: " Принцесса права; оскорбление пало на голову того, кто его нанёс. Горе тому, кто не уважает женщину!"

А один старый турок ответил: " Что сделано, то сделано. Никто не может уйти от своей судьбы".

Когда все успокоились, принцесса сказала Стояну:

- Я овдовела прежде, чем вышла замуж, и у тебя нет больше начальника. Может быть, теперь ты отвезёшь меня к отцу?

- Нет, - сказал Стоян, - самое драгоценное право серба похищать себе жену, и, здесь со мной двенадцать товарищей, готовых поступить так же, как я.

- Стоян, - сказала улыбаясь принцесса, - ты знаешь, что я не люблю насилия. Зачем тебе похищать меня? Разве не проще отвести меня к твоей матери и дать мне место у твоего очага?

Сказано - сделано. В один и тот же день жители Круйеваца были свидетелями двенадцати свадеб.

У Решида был не один преемник; а у этих последних не один Якуб, так как, где паша, там непременно есть льстец и изменник. Но опыт учит злых людей, и страх исправляет их. Никто уже не беспокоил больше Стояна; все уважали индийскую принцессу. До сих пор существует дом, где жила эта чета, и иностранцам показывают камень над дверью, на котором, по рассказам, сам Стоян вырезал карабин, перекрещенный с ятаганом, а наверху слово, радующее сердце серба и наводящее ужас на турка: Svobodnost - свобода.

М а л е н ь к и й ч е л о в е к

Жил-был один маленький господин, который с каждым днём становился старше на двадцать четыре часа. Но тем не менее, когда он заходил в трактир выпить стакан вина или кружку пива, хозяин всегда говорил ему: "Здравствуйте, маленький человек", - и это его страшно сердило.

Наконец, в одно прекрасное утро он отправился к сапожнику, чтобы набить к своим сапогам высокие каблуки.

- Здравствуйте, маленький человек, - сказал сапожник, как только он вошёл, - что вам угодно?

- Мастер Крепен, - отвечал маленький человек, - набейте поскорей к моим сапогам каблуки, такие высокие, такие высокие, чтобы меня не называли больше маленьким человеком. Это меня очень сердит.

Сапожник принялся за работу. Окончив её и получив деньги, он сказал:

- Прощайте, маленький человек, если вы останетесь довольны моей работой, не забывайте меня и в другой раз.

Маленькому человеку было очень досадно, что сапожник так мало ценит свою собст-

венную работу. "Но не то будет в трактире, - подумал он. - Хозяин вытаращит глаза от удивления и назовёт меня иначе".

Он зашёл в трактир, стуча каблуками и держась так прямо, как будто проглотил палку.

- Здравствуйте, маленький человек, - сказал хозяин, как только заметил его, чего вы желаете, пива или вина?

Можно себе представить, как рассердился маленький человек, что его каблуки не произвели должного эффекта. Он побежал к шляпочнику, чтобы купить себе новую шляпу, самую высокую, какую только можно себе вообразить. Не успел он ещё затворить

за собою двери, как шляпочник обратился к нему со словами:

- Здравствуйте, маленький человек, что вам угодно?

- Мне нужна шляпа настолько высокая,

чтобы меня не называли больше маленьким человеком; это меня страшно сердит.

Шляпочник дал ему шляпу, которая годилась бы для гренадера, получил деньги, поблагодарил за покупку и прибавил:

- Прощайте, маленький человек, до следующего раза.

Маленькому человеку было очень досадно, что шляпочник так мало ценит свой собственный товар. "Ба! - подумал он, - не то

будет в трактире". Он побежал туда и вошёл в залу в шляпе, как англичанин.

- Здравствуйте, маленький человек, - сказал хозяин, - чего вы желаете, пива или вина?

Нечего и говорить, как это рассердило маленького человека. Что пользы в его высоких каблуках и шляпе?

Ведь несмотря на эти преимущества, стоившие ему так дорого, все зовут его по-прежнему маленьким человеком.

Он стал спрашивать всюду, у каждого соседа, у каждого прохожего, почему, несмотря на каблуки и шляпу, его зовут маленьким человеком; но никто не мог или не хотел дать ему ответа. Это его страшно сердило.

- Как я глуп, - подумал он, - если здешние люди ничего не знают, я отправлюсь в Рим и спрошу папу, который знает всё.

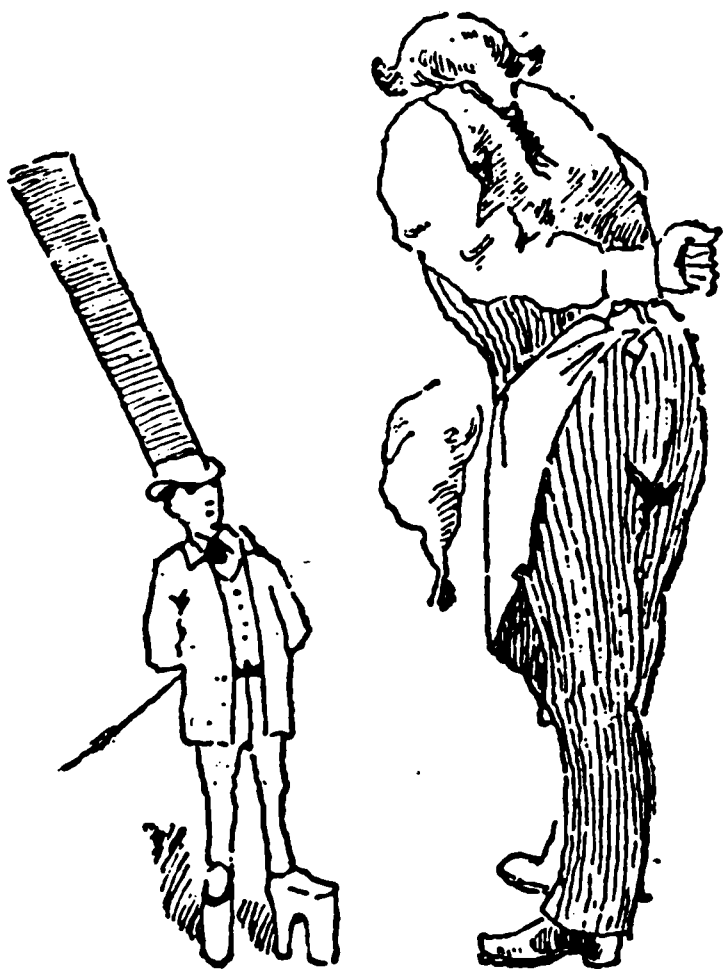
Сказано, сделано. Он поспешно собрался в путь и отправился в Рим.

Дорогой он заехал переночевать в гостиницу.

- Здравствуйте, маленький человек, - сказал хозяин, - куда мы направляемся?

- Я еду в Рим, к папе, - сказал с досадой маленький человек. - Папа скажет мне, почему, несмотря на мои каблуки и высокую шляпу, все позволяют себе называть меня маленьким человеком. Это приводит меня в бешенство.

- Bravo! - сказал хозяин. - Я поеду с вами. Мне также нужно кой о чём спросить папу. Я хочу знать, почему все зовут меня

бедным трактирщиком. Жан, лентяй отъявленный, приготовь мой чемодан. Я еду в Рим.

- Хозяин, и я поеду также! - воскликнул слуга. - Я хочу знать, почему все, не зная меня, зовут отъявленным лентяем.

Приехав в Рим, все три приятеля попросили аудиенции у папы. Их приняли в зале, где находилось большое зеркало.

Папа выслушал их благосклонно и сказал трактирщику:

- Повернитесь спиной к зеркалу, посмотрите через левое плечо и скажите мне, что вы в нём увидите.

- Я вижу, - воскликнул трактирщик, - десять или двенадцать женщин, которые сидят вокруг стола и, болтая, пьют кофе. Вот моя жена. Ах, сплетница, она рада почесать язык.

- Ну, сын мой, - сказал ему папа, - пока ваша жена будет проводить время таким образом, вне дома, вас все будут называть бедным трактирщиком и вы останетесь трактирщиком.

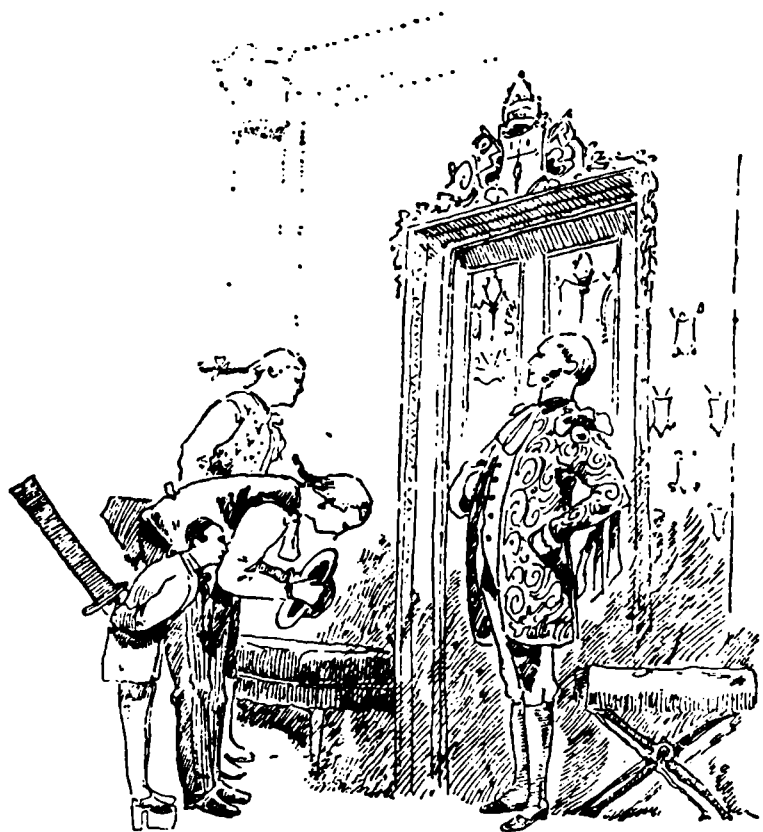
Очередь была за слугой. Он встал точно так же и посмотрел через левое плечо.

- Святой Пётр, - сказал, он, - я вижу собак, бегущих за зайцем. Они хотят его поймать. Ба, ба! Брифо, Миро, вы поднялись слишком поздно; заяц бежит скорее вас.

- Ну, сын мой, - сказал папа, - когда вы по первому данному вам приказанию побежите так скоро, как этот заяц, будьте уверены, что никто не назовёт вас больше лентяем.

После слуги подошёл маленький человек; он также обернулся спиной к зеркалу и стал смотреть через левое плечо. Папа спросил, что он видит.

- Я ничего не вижу, кроме самого себя, - отвечал он.

- Видите ли вы, что вы больше, чем обыкновенно?

- Нет, - сказал маленький человек, - я вижу себя таким, какой я есть, ни больше, ни меньше.

- В таком случае, сын мой, я могу дать вам только один совет: измерять себя, пока не вырастете. Когда вы сделаетесь больше, вас перестанут называть маленьким человеком.

Говорят, что маленький человек ушёл от папы недовольный, в чём он был неправ. Но разве мало таких неразумных людей! Разве мало людей, которые хотят прыгнуть выше живота и воображают, что они сделаются больше, благодаря своим султанам и перьям. Вот всем таким людям следовало бы побывать в Риме, чтобы увидеть себя такими, каковы они на самом деле, без каблуков и шляп.

Д о в о л е н л и т ы ? И л и п р о и с ш е с т в и е с н о с а м и .

чешская сказка :

В Девнице, в окрестностях Праги, жил некогда богатый фермер-чудак, у которого была красивая дочь-невеста. Пражские студенты (в то время их было двадцать пять тысяч) часто заходили в Девниц и многие из них готовы были взяться за плуг, лишь бы породниться с фермером. Но как добиться этого? Каждому новому работнику хитрый крестьянин ставил прежде всего следующее условие: "Я нанимаю тебя на год, то есть до тех пор, пока кукушка не возвестит возвращение весны; если за это время ты хоть один раз скажешь, что ты недоволен, я отрежу тебе кончик носа. Впрочем, - смеясь прибавлял он, - я предоставляю тебе такое же право и относительно моей особы". И он исполнял то, что говорил. Прага полна была студентов с приклеенными кончиками носа, но это не избавляло их ни от шрамов, ни от злых шуток. Возвращение из Девница в обезображенном и смешном виде могло расхолодить чье угодно чувство.

Некто Коранда, довольно неповоротливый, но хладнокровный, остроумный и хитрый малый, - а с такими качествами нетрудно иметь успех - вздумал попытать счастье.

Фермер принял его с обычным добродушием и, заключив условие, послал работать в поле. Когда настал завтрак, позвали всех работников, исключая новичка, о котором постарались забыть; за обедом повторилось то же. Но Коранда нисколько не смутился, возвратился домой и пока фермерша носила корм птицам, снял в кухне со стены огромный окорок, достал из квашни большой хлеб и отправился в поле пообедать и соснуть.

Вечером, когда он возвратился, фермер спросил его:

- Доволен ли ты?

- Очень доволен, - отвечал Коранда, - я пообедал лучше вас.

Вдруг вбежала фермерша, крича: "Караул, воры!" - а наш работник только посмеивается. Фермер побледнел.

- Вы недовольны? - спросил Коранда.

- Что за важность - окорок! - отвечал хозяин. - Не стоит обращать внимания на такие пустяки. - Но с этого дня стал заботиться о том, чтобы не оставлять без еды нашего студента.

Наступило воскресенье. Фермер с женой сели в повозку, чтобы ехать в церковь и сказали новому работнику:

- Ты приготовишь обед. Положи в котёл кусок говядины, лук, морковь и петрушку.

- Хорошо, - отвечал Коранда.

На ферме была хорошенькая маленькая собачка, которую звали Петрушка. Коранда убил её, снял шкуру и положил варить. Возвратившись домой, фермерша позвала свою любимицу, но увы! От неё осталась только повешенная на окне окровавленная кожа.

- Что ты сделал? - сказала она Коранде.

- То, что вы мне приказали, хозяйшка: я положил в котёл лук, морковь и Петрушку.

- Злой дурак! - вскричал фермер, - и у тебя хватило духу убить ни в чём неповинное создание, которое было утешением всего дома?

- Вы недовольны? - сказал Коранда, вынимая из кармана нож.

- Я этого не говорю, - возразил крестьянин. - Что за важность - убитая собака.

И он вздохнул.

Через несколько дней фермер с женой отправились на рынок. Так как они опасались своего ужасного работника, то сказали ему:

- Оставайся дома и не смей ничего выдумывать из собственной головы. Делай то же самое, что будут делать другие.

- Хорошо, - сказал Коранда.

На дворе была старая пристройка, крыша которой грозила падением. Пришли каменщики поправлять её и по обыкновению начали с разборки. И вот Коранда берёт лестницу и влезает на совершенно новёхонькую крышу дома. Драница, планки, гвозди, железные скобы - всё вырывает он без разбора и обломки разбрасывает по двору. Когда фермер возвратился, дом был сквозной.

- Какую ещё штуку сыграл ты со мной, плут! - воскликнул он.

- Я исполнил ваше приказание, хозяин, - возразил Коранда. - Вы сказали мне, чтобы я делал то, что будут делать другие. Разве вы недовольны?

- Доволен, - отвечал фермер, - доволен, почему бы мне быть недовольным? Несколько планок не разорят меня.

И он вздохнул.

Когда наступил вечер, фермер с женой порешили, что давно пора покончить счёты с этим сущим дьяволом. Они были люди рассудительные и, так как в Бретани дети обыкновенно умнее родителей, ничего не предпринимали, не посоветовавшись со своей дочерью.

- Отец, - сказала Елена, - я спрячусь рано утром на большой груше и закричу кукушкой; ты скажешь Коранде, что год уже прошёл, запела кукушка. Ты расплатишься и отпустишь его.

Сказано, сделано. С раннего утра раздался жалобный крик весенней птицы: ку-ку, ку-ку.

Кто же казался удивлённым? Разумеется, фермер.

- Ну, молодец, - сказал он Коранде, - вот уж и новый год; там на груше поёт кукушка. Иди сюда. Я заплачу тебе и мы расстанемся по-приятельски.

- Кукушка? - сказал Коранда, - я никогда не видал этой красивой птицы.

Он побежал к дереву и изо всей силы стал трясти его. Раздался крик, и с дерева упала молодая девушка, к счастью, не столько пострадавшая от падения, сколько испуганная.

- Злодей! - закричал фермер.

- Вы недовольны? - сказал Коранда, вынимая из кармана нож.

- Негодяй, ты чуть не убил мою дочь и хочешь, чтобы я был доволен. Ты довёл

меня до бешенства; убирайся, если не хочешь погибнуть от моей руки.

- Я уйду после того, как отрежу вам нос, - сказал Коранда. - Я сдержал своё слово, сдержите и вы в свою очередь.

- Ну, полно, - сказал фермер, защищая лицо рукой, - позволь мне откупиться.

- Хорошо, - сказал Коранда.

- Хочешь десять баранов?

- Нет.

- Двух коров?

- Нет.

- Десять коров?

- Нет, я предпочитаю отрезать вам нос.

И он стал точить свой нож о порог дома.

- Отец, - сказала Елена, - я поступила опрометчиво и должна исправить свою ошибку. Хотите вы, Коранда, мою руку, вместо носа моего отца?

- Да, - сказал Коранда.

- Я ставлю одно условие, - сказала молодая девушка. - Оно будет продолжением прежнего. Первому из нас, кто будет чем-нибудь недоволен в нашей семейной жизни, отрежут нос.

- Хорошо, - сказал Коранда, - я предпочёл бы, чтобы отрезали язык, но вслед за носом придёт и его очередь.

Никогда ещё в Девице не праздновали такой весёлой свадьбы и никогда не бывало такой счастливой семьи. Коранда и прекрасная Елена были примерными супругами. Никогда не слышно было жалобы ни со стороны мужа, ни со стороны жены. Они жили дружно под страхом лишиться носов и благодаря этому остроумному условию сохранили на долгие годы и привязанность друг к другу, и носы.

Ф р а г м е н т а

волшебная сказка

1

В окрестностях Мантуи жила сиротка, В уже большая девочка, ходившая каждое утро с книжками и корзинкой в школу. Школа находилась недалеко, но дойти до неё нельзя было скоро, так как дорога, по которой приходилось идти, была обсажена кустарником и деревьями, покрытыми, смотря по времени года, цветами или плодами, бабочками и птицами. Как не останавливаться перед такими диковинками!

Однажды наша школьница увидала в чашечке шиповника такую красивую голубую бабочку, какой никогда ещё не видала. Затаив дыхание, она встала на цыпочки, тихонько подняла руку и ... бабочка проскользнула у неё между пальцев. Беззаботно порхая направо и налево, она села немного выше, на откосе дороги. Девочка побежала за ней; бабочка улетела, присела на цветок и снова полетела, чтоб сесть на другой цветок, и опять улететь. Таким образом, она завела охотницу на самую верхушку откоса, к большому огороженному месту, пользовавшемуся дурной славой. Ходили слухи, что здесь в прекрасные весенние вечера вол-

шебницы водят хороводы, а в тёмные зимние ночи колдуньи устраивают свои бесовские сборища. Хотя стены во многих местах разрушились и засыпали своими обломками ров, ни одна христианская душа не решалась зайти в это проклятое место.

Но бабочки не имеют предрассудков, а дети похожи на бабочек.

Наша путешественница с голубыми крыльями полетела без церемонии в этот сад, походивший на первобытный лес, а за

ней последовала и увлечённая преследованием девочка. Но едва только она миновала кустарник, как остановилась и вскрикнула от удивления. Перед ней был луг, окаймлённый высокими деревьями и усеянный красными и белыми точками, которые пестрели на зелени. Это была земляника, покрытая цветами и ягодами, земляника без хозяина,

просившаяся в руки каждому, кто захотел бы воспользоваться заброшенным богатством. Прощайте, бабочки! Наша школьница встала на колени и менее чем в четверть часа набрала целую корзинку ягод. Потом она бросилась бежать и явилась в школу, запыхавшаяся, краснее набранной земляники. Её побранили за то, что она опоздала, но она была так счастлива и

горда, что ничего не слыхала. Вот и поведуйте правила завоевателям!

Когда настало время завтрака, девочка поделилась своим сокровищем с маленькими подругами, которые наперерыв удивлялись

её храбрости и счастьем. Она была похожа на королеву среди толпы придворных. К довершению торжества, её называли Фраголеттой, что значит по-французски "земляничка". Это прозвище осталось за ней на всю жизнь; по крайней мере, под этим именем она известна в истории.

Сказать по правде, некоторые робкие девочки не могли противостоять влиянию предрассудков. Лакомясь земляникой, они спрашивали: не значит ли это - искушать дьявола таким вторжением к нему и обворовыванием? Но этот бесполезный ропот терялся в шуме победы; их никто не слушал.

Дальнейший рассказ покажет, что их напрасно не слушали. Фраголетта, опьянённая своим счастьем и славой, снова отправилась в проклятое место и кончила тем, что стала считать себя его хозяйкой. Она говорила, что это место заброшено, все плоды предоставлены на съедение дроздам и синицам, и христианка имеет на них никак не меньшее право, чем птицы.

Но однажды, собирая по обыкновению ягоды, Фраголетта получила такой сильный удар по голове, что упала на траву.

- А! Я поймала тебя, воровка! - раздался чей-то страшный голос. - Ты за это заплатишься.

Ошеломлённая Фраголетта попыталась встать и увидела перед собой такое лицо, один вид которого заставил её похолодеть от ужаса. Это была высокая, худая, жёлтая, морщинистая старуха с красными глазами

и носом наподобие клюва коршуна; из её кровожадного рта торчали два зуба, длиннее и острее, чем клыки у кабана. Фраголетта попробовала пробормотать извинение, но старуха (она была колдунья

и вдобавок людоедка), не удостоила даже выслушать её.

Она связала ей назад руки, обмотала семь раз вокруг пояса верёвку, сделала петлю и продела в неё палку от громадной метлы, которой только что ударила ребёнка. Потом колдунья произнесла на своём бесовском языке несколько тех ужасных слов, от которых содрогается небо и трепещет земля, села верхом на метлу и взвилась стрелой на воздух, увлекая за собой несчастную Фраголетту, висевшую в пространстве, как паук на паутине.

Если бы её учили географии, она могла бы полюбоваться на развернувшуюся перед её глазами чудную картину: перед ней была Италия, окаймлённая снежными Альпами и голубым морем и прорезанная зеленеющим хребтом Аппенинских гор. Но в то время женщины занимались дома пряжей и не интересовались тем, что делается в Китае и Перу. География была им не нужна. Кроме того бедная девочка слишком боялась, чтобы решиться открыть глаза. Она пролетела над Везувием и Этной, не видав ничего, и когда волшебная метла принесла её на землю, в чащу леса на острове Сицилия, она была полумертва от страха.

- Вставай, маленькая разбойница, - сказала колдунья, хватая её за волосы. - Ты - моя теперь. Принимайся-ка за работу. Ступай, накрой стол в столовой. С каким удовольствием я бы тебя съела, если бы ты не была так худа, - прибавила она, ощупывая ей руки. - Но у меня живо

толстеют, и ты ничего не потеряешь, если подождёшь своей очереди.

Сказав эту зловещую шутку, она открыла громадный рот и облизала губы с такой улыбкой, от которой у бедной Фраголетты пробежал мороз по коже. Легко себе представить, что за обедом было не очень весело.

Старуха ела с большим аппетитом жаркое из кошки, студень из мышей и компот из репы; Фраголетта погрызла корку хлеба и вся в слезах легла на жёсткий соломенный тюфяк, брошенный для неё в углу. К счастью, она была в таком возрасте, когда сон сильнее горя, и тотчас же заснула.

На другой же день после этого печального происшествия началась неволя Фраголетты. Каждое утро она должна была мести и натирать полы во всём доме, готовить обед, прислуживать за столом, мыть посуду и, что было хуже всего, помогать во время туалета своей ужасной госпоже. Фраголетта мучилась по целым часам, завивая три волоса, оставшиеся на голове колдуньи. После этого нужно было чистить её два больших зуба, пудрить и румянить её и налеплять мушки. Бедняжка считала себя счастливой, если в течение всей этой процедуры отделялась тремя или четырьмя пощёчинами.

Но, несмотря на такую суровую жизнь, Фраголетта с каждым днём росла и хорошела, хотя и не делалась лучше; она не принадлежала к числу тех добрых существ, которые принимают удары, целуя наносящую их руку. Нет, кровь её кипела; она мечтала только о мести. Старуха это замечала; люди всегда боятся тех, кому причиняют страдания. Часто в то время, когда Фраголетта причёсывала её, колдунья подумывала, не воспользуется ли её служанка первым удобным случаем, чтобы задушить её, и не благоразумнее ли предупредить опасность.

Однажды Фраголетта показалась колдунье ещё красивее, чем обыкновенно, и сердце её переполнилось завистью и злобой.

- Возьми эту корзинку, - сказала она девочке, - ступай к фонтану, наполни её

водой и принеси мне. Если ты этого не исполнишь, я тебя съем.

Бедняжка побежала стремглав; она воображала, что корзина волшебная, и колдунья, по своему обыкновению, забавляется, пугая её. Она погрузила корзину в воду, но как только вынула её, вода потекла, как из лейки. Три раза пыталась Фраголетта достать воды; но труд её был напрасен. Она

поняла, наконец, что людоедка хочет её съесть.

От злости и отчаяния Фраголетта принялась плакать. Вдруг она слышит, что кто-то ласково говорит ей: "Фраголетта, Фраголетта, о чём вы плачете?" - Она подняла голову и увидела красивого юношу, который нежно смотрел на неё.

- Кто ты, - спросила Фраголетта, - и как ты знаешь моё имя?

- Я - сын колдуньи; меня зовут Белебон. Я знаю, что вас хотят во что бы то ни стало погубить; но это не удастся; я обещаю вам. Поцелуйте меня, и я наполню корзину водой.

- Поцеловать сына колдуньи? Никогда! - сказала гордо Фраголетта.

- Хорошо, я не буду так жесток, как вы, - отвечал молодой человек.

Он дунул три раза на корзину, опустил её в воду и вынул совершенно полную; ни одна капля не вытекла.

Фраголетта возвратилась домой и, не говоря ни слова, поставила корзину с водой на стол. Колдунья побледнела как смерть и, пристально посмотрев на молодую девушку, сказала:

- Разве и ты умеешь колдовать? - Потом, стукнув себя по лбу, она прибавила: - Ты видела Белебона; он помог тебе, признайся.

- Вы должны сами знать, потому что вы колдунья.

Вместо ответа мегера дала ей такую пощёчину, что Фраголетта должна была схватиться за стол, чтоб не упасть.

- Ладно, ладно, - закричала колдунья. - Мы увидим, чья возьмёт. Лучше смеяться последним, чем первым.

На другой день людоедка сказала Фрагоlette:

- Я полечу в Африку и возвращусь к

вечеру. Видишь этот мешок с зерном? Изволь сделать так, чтобы, вернувшись, я нашла вместо него готовый хлеб. Это не труднее, чем наполнить водой корзину. Если не исполнишь этого - берегись.

С этими словами она вышла, злорадно посмеиваясь, и заперла дверь на ключ.

- Теперь я погибла, - воскликнула молодая девушка. - Могу ли я смолоть зерно, замесить хлеб и испечь его? У меня нет ни мельницы, ни печи, да и времени мало.

Она начала из всех сил колотить в дверь, чтобы выломать её и убежать.

Ей отворил Белебон.

- Фраголетта, Фраголетта! - сказал он. - Ведь я желаю вам только добра. Поцелуйте меня, я испеку хлеб и спасу вас.

- Поцеловать сына колдуньи, - сказала Фраголетта, - никогда!

- Вы безжалостны, Фраголетта, но я не могу всё-таки допустить, чтобы вы погибли.

Он свистнул, и тотчас же из всех щелей стали вылезать крысы и мыши. Крысы отнесли зерно на мельницу и прибежали назад с мешком муки; мыши принялись месить тесто; крысы растапливали печь. Когда колдунья возвратилась, всё было готово; румяные хлебы лежали грудой до самого потолка.

- Негодная, - сказала старуха, - ты виделась с Белебоном; он помог тебе, признайся.

- Вы должны сами знать, потому что вы колдунья.

Трах! Людоедка размахнулась было, чтобы влепить пощёчину, но Фраголетта наклонилась, и старуха стукнулась носом о стол.

- Ладно, ладно, - закричала она, посинев от бешенства и боли, - мы увидим, чья возьмёт. Лучше смеяться последним, чем первым.

Через два дня старуха, приняв самый весёлый вид, позвала Фраголетту:

- Дитя моё, пойдя к моей сестре, попроси у неё шкатулку и принеси мне.

- Разве я знаю, где живёт ваша сестра и как её зовут?

- Нет ничего легче, - отвечала колдунья.

- Иди всё прямо, пока не дойдёшь до потока, перерезывающего путь. Ты перейдёшь

его вброд и немного дальше увидишь старый замок с железной решёткой Там живёт моя сестра Виперина. Ступай и торопись, дитя моё.

- Что за чудо, старуха в хорошем настроении! - подумала Фраголетта и беззаботно отправилась в путь. Дорогой она встретила Белебона, который поджидал её.

- Куда вы идёте? - спросил он.

- Я иду к сестре хозяйки попросить шкатулку.

- Несчастная! - воскликнул Белебон, - Вас послали на погибель. Ни одно живое создание не выходило ещё живым из замка Виперины. Но я могу спасти вас. Поцелуйте меня.

- Нет, я никогда не поцелую сына колдуньи.

- Фраголетта, Фраголетта, какая вы неблагодарная! Но я люблю вас больше себя и, несмотря на всё, спасу вас. Слушайте хорошенько, Когда вы будете на берегу потока, скажите: "Прекрасная речка, позволь мне перейти через твои серебристые струи". Потом возьмите эту бутылку с маслом, этот хлеб, верёвку и метёлку. Когда вы подойдёте к решётке замка, намажьте маслом петли у двери; она откроется сама собой. Большая собака с лаем бросится на вас, киньте ей хлеб; она остановится. На дворе вы увидите бедную женщину, которая должна доставать воду из колодца, привязывая ведро к своим волосам. Предложите ей верёвку. Поднимитесь тогда по лестнице. В кухне вы встретите другую женщину, которая

должна чистить печь языком. Дайте ей метёлку и войдите в комнату, где спит Виперина. Шкатулка стоит на шкафу; возьмите её и бегите как можно скорей. Если вы меня послушаетесь, то не погибнете.

Фраголетта запомнила всё, что сказал ей Белебон. На берегу потока она сказала: "Прекрасная речка, позволь мне перейти через твои серебристые струи". И нимфа

потока ответила ей самым ласковым голосом: "Переходи, милая девушка!" Воды расступились, и Фраголетта могла пройти, не замочив ног. Решётка, намазанная маслом, растворилась сама собой. Собака бросилась на хлеб, повертелась на месте и улеглась,

положив морду на лапы и ласково поглядывая на Фраголетту. Обе женщины с радостью приняли принесённые ею подарки, и наша героиня тихонько вошла в комнату,

где храпела Виперина. Фраголетта подбежала к шкафу и взяла шкатулку; сердце её страшно билось. Она уже считала себя спасённой, как вдруг колдунья проснулась. Фраголетта была уже на лестнице.

- Эй, кухарка, - закричала Виперина, - убей эту воровку!

- Как бы не так! - отвечала несчастная жертва. - Она дала мне метёлку, а вы заставляете чистить печь языком.

- Работница, схвати эту воровку и утопи!

- Как бы не так! - отвечала несчастная жертва. - Она дала мне верёвку, а вы заставляете вытаскивать вёдра волосами.

- Собака, съешь её!

- Как бы не так! - сказала дворняжка, не поднимая головы. - Она дала мне хлеба, а вы морите меня голодом.

- Дверь, затворись!

- Как бы не так! - сказала решётка. - Она намазала маслом мои петли, а вы оставляете меня на съедение ржавчине.

Колдунья одним прыжком слетела с лестницы; но решётка, радуясь, что может свободно двигаться, поминутно отворялась и затворялась, и в ту минуту, когда Виперина хотела выйти, захлопнулась с такой силой, что чуть-чуть её не раздавила.

Фраголетта бежала не оглядываясь; но, несмотря на свой страх, она не забыла, однако, сказать приветствие речке и перешла её, как и в первый раз. Виперина прибежала к берегу вслед за ней.

- Ну, грязный ручей, расступись, - закричала она, - или я тебя высушу.

Поток расступился, но когда Виперина дошла до середины, вода вдруг поднялась, хлынула на колдунью и потопила её в одну минуту. Нимфа отомстила.

Возвратясь домой, Фраголетта отдала шкатулку своей свирепой госпоже. Можно себе представить, какую мину сделала людоедка! "Это опять штуки Белебона! - подумала она, - но я сумею отомстить. Лучше смеяться последним, чем первым!"

4

В тот же вечер она велела Фраголетте лечь спать в своей комнате.

- Запомни хорошенько, - сказала она ей, - в курятнике три петуха: красный,

чёрный и белый. Сегодня ночью когда они закроют, ты мне скажешь, который из них пропел. Берегись, если ошибёшься; я разом проглочу тебя.

- Белебона не будет здесь, я погибла! - подумала Фраголетта.

В полночь пропел петух.

- Какой петух пропел? - спросила колдунья.

- Белебон, - прошептала Фраголетта, - скажи мне, какой петух пропел.

- Если вы поцелуете меня, я скажу, - отвечал ей чей-то шёпот.

- Нет.

- Жестокая, я не хочу, чтоб вы погибли. Это пропел красный петух.

Колдунья соскочила уже с постели и подошла к Фраголетте.

- Отвечай, или я тебя съем.

- Это пропел красный петух, - сказала вся дрожа Фраголетта.

Колдунья, ворча, снова легла на кровать.

В ту же минуту запел другой петух.

- Какой петух пропел? - спросила старуха.

Белебон опять подсказал Фраголетте ответ.

- Чёрный петух.

Колдунья снова легла, ворча, на кровать.

На рассвете раздалось ещё раз пение петуха.

- Белебон, помоги мне! - прошептала Фраголетта.

- Поцелуйте меня, - отвечал он. - Мне наскучила ваша жестокость.

Колдунья между тем, раскрыв свою кровавую пасть, подходила к Фраголетте.

- Белебон, Белебон! - закричало бедное дитя, - если ты меня покинешь, ты будешь виноват в моей смерти.

- Белый петух пропел, - сказал Белебон, который не мог побороть жалости.

- Белый петух! - закричала Фраголетта.

- Всё равно, изменница, - сказала в ярости людоедка - твой час пробил, ты должна умереть.

С этими словами она бросилась на свою жертву. Но Фраголетта была молода и ловка; она вырвалась, открыла окно и выскочила в сад. Взбешённая колдунья бросилась за ней, но прыгнула так неловко, что зацепилась ногой за окно, упала вниз головой

и выбила себе оба зуба, в которых заключалась её сила и жизнь. Под окном лежал только её труп.

5

Оставшись вдвоём с Белебоном, Фраголетта задумалась о том, что с ней будет. Возвратиться на родину ей и в голову не приходило; она была сирота, и все её забыли. Остаться в этом доме, где она столько вынесла, Фраголетта также не намеревалась. Белебон, со своей стороны, ничего не говорил. Он был счастлив, что Фраголетта около него, и боялся думать о будущем. Однако наступил день, когда она потребовала свободы. Белебон не мог ей отказать в этом, но напомнил неблагодарной всё, что он для неё сделал, и предложил ей руку и сердце.

- Нет, - сказала Фраголетта, - я не выйду замуж за сына колдуньи.

- Уезжайте тогда, - сказал бедный Белебон, - уезжайте, так как ничем нельзя вас удержать. Но прежде чем покинуть меня в этом доме, где я умру вдали от вас, докажите мне хоть раз в жизни своё дружеское расположение; дайте мне руку и простите грех моего происхождения. Не будем расставаться, как чужие.

Фраголетта протянула руку, он взял её и покрыл поцелуями и слезами. Она не отнимала руки и смотрела на него с каким-то особенным выражением.

- Прощайте, Фраголетта, - сказал Белебон, - вы уносите с собой моё счастье и жизнь. Счастлив, сто раз счастлив тот, кому вы отдадите эту руку.

- Ну, - сказала она, - так как ты уж держишь её, то возьми её совсем.

Белебон поднял голову и рыдая бросился к ней на шею. А она, причудница, поцеловала его в лоб и принялась смеяться и плакать

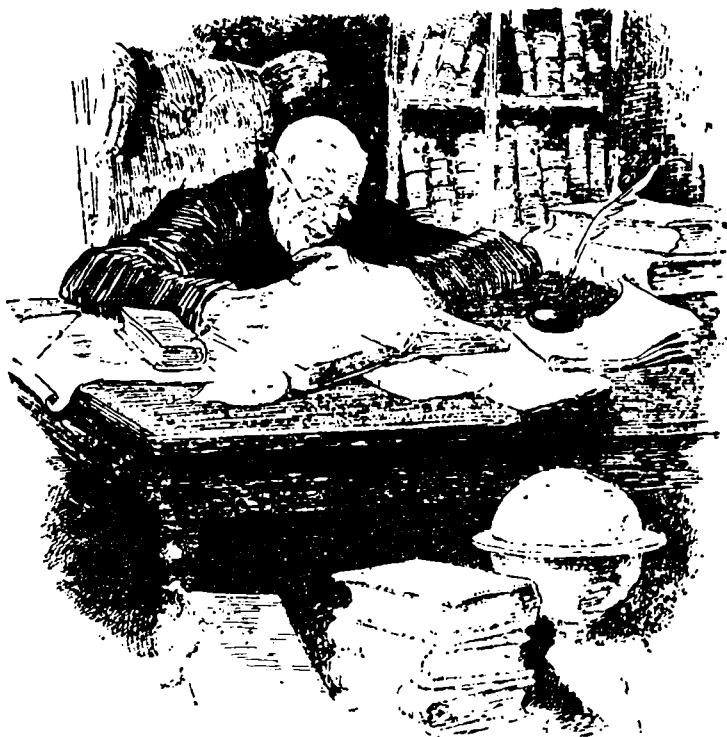

вместе. Никогда нельзя знать, что происходит в сердце женщины.

Через два дня они повенчались.

Так кончается сказка. Но позволительно спросить, что случилось потом с нашей четой. Продолжал ли Белебон заниматься опасным

ремеслом своей матери, и возвратилась ли Фраголетта со своим мужем к людям, чтобы вести человеческую жизнь? Я написал по этому поводу одному учёному сицилийцу, члену академии в Катанье, Агринте и др. И вот его ответ:

"Милостивый Государь!

В наших старинных летописях я не нашёл нигде имён Фраголетты и Белебона; но, не доверяя своим скудным познаниям, я обращался к моим учёнейшим собратьям всех академий, и они ответили мне, что ни у

одного из народов, завоевавших Сицилию, как то: пелазгов, сиканов, финикийцев, греков, карфагенян, римлян, арабов, норманов, испанцев и др. не существовало мужа-колдуна. На основании этого можно допустить, что и Белебон после своей женитьбы не был злонамереннее других".

Такого именно мнения мне и нужно было; оно мне кажется мудрым и правдоподобным. Отдаю его на суд моих читателей и в особенности читательниц.

Сказка о Бриаме

дураке

1

Когда-то в Ирландии жили король с королевой и управляли порабощённым народом.

Королева была тиха и добра и о ней совсем не говорили, король был жесток, и все, боявшиеся его, превозносили королевские добродетели и милосердие. Благодаря своей жадности король имел столько ферм, скота, мебели и драгоценных вещей, что потерял им счёт; но чем больше были его богатства, тем ненасытней становился король, и горе было всякому - будь то богач или бедняк - попасть под королевскую лапу.

В конце парка, окружавшего королевский замок, стояла хижина, в которой жил старик крестьянин со старухой женой; всё их богатство было в семерых детях. Для содержания этой большой семьи бедняки имели одну корову, по прозвищу Буколла. Это была славная скотина - белая с чёрными пятнами, с маленькими рогами и большими кроткими, грустными глазами. Впрочем, красота Буколлы не главное её достоинство.

Главное было в том, что доили её три раз в день и никогда меньше сорока кружек не выдаивали. Буколла так знала своих

хозяев, что в полдень сама шла домой, неся полное вымя, и мычала, призывая к себе на помощь. Тогда в хижине бывала большая радость.

Однажды, отправляясь на охоту, король переходил луг, на котором паслись его стада; на беду случилось так, что Буколла затесалась в королевское стадо.

- Какое у меня славное животное, - сказал король.

- Ваше величество, - отвечал пастух, - эта корова не наша; это - Буколла, корова старого крестьянина, который живёт вон в том домишке.

- Я хочу её иметь, - ответил король.

Во время охоты король только и говорил, что о Буколле. Возвратившись вечером домой, он позвал к себе начальника гвардии, такого же злого, как и сам, и сказал ему:

- Отыщи того крестьянина и приведи мне корову, которая мне так нравится.

Королева стала просить короля не делать этого.

- У этих бедняков, - сказала она, - только и есть, что одна корова; взять её, значит уморить их с голоду

- Она мне нужна, - отвечал король. - Купить её, выменять или взять силой, - всё равно. Но, если через час Буколла не будет на конюшне, горе тому, кто не исполнит своей обязанности.

И король так насупил брови, что королева не осмелилась открыть рта, а начальник гвардии с толпою слуг поспешил уйти.

Крестьянин доил корову у своих дверей, а дети толпились кругом и ласкали её.

Услыхав королевское приказание, бедняк покачал головой и объявил, что ни за что не уступит коровы.

- Она моя, - прибавил он, - это моё добро, моя вещь, и я люблю её больше всех королевских коров и всего королевского золота.

Ни просьбы, ни угрозы не могли поколебать старика. Назначенный час проходил: Начальник гвардии боялся своего короля и не остановился перед насилием. Крестьянин стал было сопротивляться, но упал мёртвым, получив удар топором. При виде этого все дети зарыдали. Только Бриам не плакал. Бледный, он не выронил ни слова и остолбенел на месте.

Начальник гвардии знал хорошо, что в Ирландии за кровь льётся кровь и что рано или поздно сын отомстит за отца. Если не хотят, чтобы дерево снова выросло, нужно вырвать из земли последний его отросток. Разбойник схватил одного из плачущих детей и спросил:

- Где у тебя болит?

- Тут, - ответил ребёнок, указывая на сердце.

Злодей тотчас же вонзил ему в сердце кинжал.

Шесть раз он делал подобный вопрос, шесть раз получал такой же ответ и шесть раз бросал труп сына на труп отца.

А Бриам, с помутившимся взглядом и полуоткрытым ртом, скакал за мухами, что кружились в воздухе.

- А у тебя, дурак, где болит, - крикнул ему палач.

Вместо ответа Бриам отвернулся, стукнул себя по спине и запел:

Сюда разгневанная мать
Раз так ногойхватила,
Что мне пришлось ничком лежать
И поясицу потирать.
Ах, очень больно было!

Начальник гвардии побежал - было за дураком, но товарищи остановили его.

- Полно, - сказали они. - После волка душат волчѐнка, но не убивают дурака. Что он тебе сделает?

Таким образом, распевая и танцуя, Бриам спасся.

Вечером король ласкал Буколлу и совсем не находил, что заплатил за неё дорого.

А в бедной хижине старуха со слезами на глазах просила у Бога справедливости. Каприз короля в один час отнял у неё мужа и шестерых детей. Из всех тех, кого она любила и для кого она жила, остался один жалкий дурак.

2

Скоро вѣрст за двадцать кругом только и было разговору, что о Бриаме и его глупостях. Раз он хотел воткнуть гвоздь в солнце, в другой раз он подбрасывал вверх свой колпак, желая надеть его на луну.

Король был самолюбив и, желая походить на других более важных королей, захотел иметь при дворе шута. Привели Бриама и надели на него разноцветное платье: одна

нога была голубая, другая красная; один рукав был зелёный, другой жёлтый; нагрудник был оранжевый. В этом костюме попугая Бриам должен был развлекать придворных. Подчас его ласкали, подчас и били, но бедный шут сносил всё без жалоб и целые часы проводил в беседах с птицами или следил за тем, как хоронят муравьи своего товарища. Если же и говорил, то говорил глупости, чем доставлял большое удовольствие тем, кто не страдал от его глупостей.

Раз, когда собирались накрывать на стол, начальник гвардии вошёл на кухню. Там он увидел Бриама с ножом в руках. Вместо петрушки он резал старые морковные листья. Вид ножа испугал убийцу: в его сердце закралось подозрение.

- Бриам! Где твоя мать? - спросил он.

- Моя мать? А вон, она там варится, - отвечал шут, указывая пальцем на котёл, в котором варился королевский обед.

- Глупая скотина, - сказал начальник гвардии, показывая на котёл. Посмотри: что там такое?

- Там мать моя, она меня кормила! - крикнул Бриам.

И, бросив нож, он подскочил к печке, схватил котёл и убежал в лес. За Бриамом побежали, но напрасно. Наконец, его поймали, но всё было разбито, испорчено и разлито. Вечером король пообедал куском хлеба и утешился только тем, что приказал поварёнкам крепко высечь Бриама.

Избитый, пришёл Бриам вечером в хижину и рассказал о случившемся матери.

- Сын мой, сын мой, - сказала бедная женщина. - Не так следовало сказать...

- А как следовало сказать, матушка?

- Следовало, сын мой, сказать: вот котёл, ежедневно полный, благодаря королевской щедрости.

- Хорошо, матушка. Завтра я так скажу.

На следующий день собрался двор. Король разговаривал со своим церемониймейстером. Это был знаток своего дела, красивый и жирный весельчак. У него была большая лысая голова, толстая шея и до того большой живот, что на нём невозможно было скрестить рук; две маленькие ножки с большим трудом поддерживали это громадное здание.

В то время, как король разговаривал с церемониймейстером, Бриам смело потрепал его по животу и сказал:

- Вот котёл, ежедневно полный, благодаря королевской щедрости!

Нечего и говорить, что Бриама побили; король был взбешён, двор так же, но вечером в замке все шептали друг другу на ухо, что дураки, сами того не зная, говорят иногда правду.

Избитый, пришёл Бриам к матери и рассказал обо всём.

- Сын мой, сын мой, - сказала бедная женщина. - Не так следовало сказать.

- А как следовало сказать, матушка?

- Следовало, сын мой, сказать: вот любезнейший и вернейший из придворных!

- Хорошо, матушка. Завтра я так скажу.

На другой день при дворе был большой выход и в то время, как министры, камер-

геры, офицеры, прелестные дамы и кавалеры лебезили перед королём, король дразнил большую собаку, вырывавшую у него из рук кусок пирога.

Бриам сел у ног короля и взял собаку за шиворот; собака заворчала и сделала ужасную гримасу.

- Вот, - крикнул шут, - любезнейший и вернейший из придворных!

Эта шутка заставила короля улыбнуться; в ту же минуту и придворные расхохотались во всё горло. Но только король вышел, как удары посыпались на Бриама, так что спастись от них стоило ему немало хлопот.

Когда он рассказал об этом матери, бедная женщина сказала ему;

- Сын мой, сын мой, не так следовало сказать.

- А как следовало сказать, матушка?

- Следовало, сын мой, сказать: вот та, которая бы всё съела, если бы ей позволили.

- Хорошо, матушка. Завтра я так скажу.

На следующий день был праздник. Королева вошла в залу в пышном наряде. На ней был бархат, кружево и драгоценные камни; одно её ожерелье стоило податей с двадцати деревень.

Все восхищались таким блеском.

- Вот, - закричал Бриам, - та, которая бы всё съела, если бы ей позволили.

Не сдобровать бы дерзкому, если бы не заступилась королева.

- Бедный дурак! - сказала она. - Если бы ты знал, как тяжелы для меня эти камни, ты бы не упрекнул меня за то, что я их ношу.

Когда Бриам пришёл домой, то обо всём рассказал матери.

- Сын мой, сын мой, - ответила бедная женщина. - Не так следовало сказать.

- А как же следовало сказать, матушка?

- Следовало, сын мой, сказать: вот любовь и гордость короля.

- Хорошо, матушка, завтра я так скажу.

На другой день король собрался на охоту. Ему подвели любимую его лошадь; он был уже в седле и небрежно прощался с королевой, как подбежал шут и, хлопнув лошадь, крикнул:

- Вот любовь и гордость короля!

Король так взглянул на Бриама, что шут пустился бежать во все лопатки. Он заранее почуял палочные удары.

Задышающийся, он вбежал в хижину.

- Сын мой, - сказала бедная женщина.

- Не возвращайся в замок. Они убьют тебя.

- Потерпи, матушка. Неизвестно ещё кому жить, кому умирать!

- Счастлив твой отец, что умер, - ответила мать вся в слезах, - он не видит нашего стыда.

- Потерпи, матушка. Дни идут за днями и не походят друг на друга.

3

Через три месяца после того, как старик Бриам был убит вместе с детьми, король давал первым чинам двора большой обед. По правую его руку сидел начальник гвардии; а по левую - толстый церемонимейстер. Стол был уставлен цветами и фруктами

и залит светом; из золотых чаш пили самые лучшие вина. Головы разгорячились, речи становились оживлённей и уж затевались нередко споры.

Бриам был глупее обыкновенного, разносил кругом вина и не оставлял ни одного пустого стакана. В то время, как одной рукой он разливал из позолоченного кувшина вино, другой он прищипливал гвоздями платья пирующих таким образом, что никто не мог встать с места, не потащивши с собою своего соседа.

Три раза обошёл он вокруг стола и успел смастерить свою затею. Наконец, король, оживлённый вином, закричал ему:

- Дурак, встань-ка на стол и забавь нас песнями!

Бриам вскочил на стол и запел глухим голосом:

Всему есть свой черёд;
За ночью дни бывают,
За ведром дождь идёт.
Живут и умирают,-
Всему есть свой черёд.

- Что это за похоронная песня? - сказал король. - Довольно, шут! Смеси меня или я заставлю тебя плакать!

Бриам сурово взглянул на короля и продолжал дрожащим голосом:

Всему есть свой черёд;
И поздно или рано
Судьба своё возьмёт
И поразит тирана.

- Дурак! Ты, кажется, меня стращаешь, - крикнул король. - Я тебя накажу, как следует!

И король вскочил со своего места так быстро, что увлѣк за собой начальника гвардии. Удивлѣнный придворный, желая удержаться, нагнулся вперѣд и руками зацепил руки и шею короля.

- Несчастный, - закричал король. - Смеешь ли ты заносить руку на своего повелителя?

И король схватил кинжал, чтобы убить неловкого царедворца. Но придворный, защищаясь, неожиданно вонзил ему в шею кинжал. Кровь брызнула ручьѣм, и король упал в предсмертных судорогах.

Среди волнения и крика начальник гвардии поспешно встал, обнажил шпагу и крикнул:

- Господа! Я - король и женюсь на королеве. Кто против, говори? Я жду.

- Да здравствует король! - закричали все придворные; некоторые из них, пользуясь случаем, повытаскивали из карманов прошения.

Радость была общая и дошло до иступления, как вдруг перед самозванцем явился грозный Бриам с топором в руках.

- Собака! Собачий сын, - сказал он. - Убивая наших, ты не думал ни о Боге, ни о людях. Теперь наш черѣд.

Начальник гвардии хотел было защититься, но Бриам сильным ударом обуха отшиб ему правую руку.

- Если у тебя есть сын, - крикнул Бриам, - пусть он мстит за тебя так, как

Бриам - дурак мстит сегодня за своего отца.

И Бриам рассёк ему голову.

- Да здравствует Бриам! - кричали все.

- Да здравствует наш освободитель!

Вместо всякого вознаграждения Бриам попросил свою корову - виновницу стольких бед. Когда подошли к дверям хижины, Буколла замычала, призывая к себе тех, кто уже не мог её слышать. Старуха вышла со слезами на глазах.

- Матушка! - Вот тебе Буколла, и ты отомщена, - сказал Бриам.

4

Так кончилась эта история. Что случилось с Бриамом - неизвестно. Но до сих пор в стране показывают развалины хижины, где жил Бриам с братьями и матерью и при этом говорят детям:

- Здесь жил Бриам, который освободил страну от тирана, отомстил за отца и утешил свою мать.

И дети отвечают на это:

- Мы сделаем, как он!

З е р б и н - б и р ю к

неаполитанская сказка

1

Жил-был некогда в Салерно молодой дровосек, по имени Зербин. Он был беден и не имел ни родных, ни друзей. По своей дикости и молчаливости, Зербин ни с кем не разговаривал, и с ним никто не говорил. Все считали его дураком, так как он никогда не вмешивался в чужие дела. Его прозвали бирюком; это прозвище как нельзя более подходило к нему. Рано утром, когда весь город ещё спал, он уходил на гору, захватив с собой топор и рабочую блузу, проводил целые дни один в лесу и возвращался домой только под вечер, таща за собой жалкую вязанку хвороста, которую продавал на рынке, а на вырученные деньги покупал себе ужин. Когда он проходил мимо колодца, у которого каждый вечер собирались молодые девушки соседнего квартала, чтобы наполнить водой кувшины и почесать язычки, каждая из них считала долгом посмеяться над угрюмым видом бедного дровосека. Ни чёрная борода, ни сверкающие глаза Зербина не пугали эту смелую ватагу, и все наперерыв старались раздражить его.

- Зербин, душа моя! - кричала одна, - скажи словечко, и я отдам тебе свое сердце.

- Радость очей моих, - подхватывала другая, - покажи, как ты говоришь и я буду твоей женой!

- Зербин, Зербин! - тараторили хором эти безрассудные создания, - на ком из нас ты женишься? На мне? На мне? Кого выберешь?

- Самую болтливую! - говорил дровосек, грозя кулаком.

И каждая из них кричала ему:

- Спасибо, добрый Зербин, спасибо!

Преследуемый взрывом хохота, бедный дикарь убегал домой, как кабан, спасающийся от охотников. Затворив наконец за собою дверь, он принимался за свой ужин - кусок хлеба со стаканом воды, - после чего, завернувшись в старое изорванное одеяло, ложился на самую землю. У Зербина не было ни горя, ни забот; поэтому он

засыпал скоро и спал, как убитый. Если счастье состоит в том, чтобы не иметь никаких желаний, то Зербин был счастливейшим человеком в мире.

2

Однажды, обрубая ветви на старом, твёрдом, как камень, буке, Зербин очень утомился и хотел отдохнуть на берегу пруда, обросшего высокими деревьями. Но к своему немалому удивлению, он увидел на траве спящую молодую женщину необыкновенной красоты, в платье из лебединых перьев. Незнакомку одолевали тяжёлые сновидения; лицо её выражало страдание, руки разметались. Казалось, она никак не может очнуться от давящего её кошмара.

- Ну не безумие ли спать в полдень на солнце! - проговорил Зербин. - Все женщины - глупы!

Он сплёл несколько веток, чтобы защитить от солнца голову незнакомки и, устроив беседку, повесил в виде занавеса свою рабочую блузу.

Не успел он окончить эту работу, как заметил, что в траве, в двух шагах от незнакомки, ползёт змея, высунув своё ядовитое жало.

- Ишь ведь! - сказал Зербин, - такая ещё маленькая, а как уж зла!

И двумя ударами топора он разрубил змею на три части. Куски шевелились, как будто всё ещё хотели добраться до незнакомки; но дровосек сбросил их ногою в пруд. Упав в воду, они зашипели, как раскалённое железо.

От этого шума фея проснулась и встала с сияющими от радости глазами.

- Зербин, - воскликнула она, - Зербин!

- Да, это моё имя, я его знаю, - ответил дровосек, - незачем кричать так громко.

- Как, друг мой, ты не хочешь, чтобы я поблагодарила тебя за твою услугу? Ты спас мне жизнь, даже больше.

- Ничего я не спасал, - сказал Зербин со своей обычной любезностью. - В другой раз не ложитесь на траву, не посмотрев сначала, нет ли поблизости змей. Вот вам мой совет. А затем прощайте. Не мешайте мне спать. Мне некогда терять время.

С этими словами он растянулся на траве и закрыл глаза.

- И ты ничего у меня не просишь, Зербин? - сказала фея.

- Я прошу оставить меня в покое. Кто ничего не хочет, тот имеет всё, чего хочет,

а у кого есть всё, чего он хочет, тот счастлив. Прощайте.

И бедняк захрапел.

- Бедный малый, - сказала фея, - твоя душа погружена в сон. Но что бы ты ни делал, я не буду неблагодарной. Без тебя я попала бы в руки духа, моего злейшего врага. Без тебя я была бы сто лет змеей. Тебе я обязана тем, что останусь сто лет молодой и прекрасной. Чем мне вознаградить тебя? А, я придумала! - прибавила она. - У кого есть всё, чего он хочет, тот счастлив; ты сам сказал это. Хорошо, добрый мой Зербин, ты будешь иметь всё, чего захочешь, всё, чего пожелаешь, и скоро, надеюсь, будешь благословлять фею вод.

Она взмахнула три раза по воздуху своей ореховой палочкой и вошла в пруд с такой лёгкостью, что вода даже не шелохнулась. Навстречу водяной царице тростник наклонял свои хохолки, кувшинчики распускали самые свежие цветы, деревья, свет, даже ветер - всё улыбалось фее, всё, казалось, разделяло её счастье. Она взмахнула ещё раз палочкой - и тотчас же воды расступились и приняли юную повелительницу, засверкав таким блеском, как будто луч солнца проник в самую их глубину. Затем снова легла тень и воцарилась тишина, среди которой раздавался только храп Зербина.

3

Дровосек проснулся, когда солнце начинало уже садиться. Он спокойно принялся за работу и стал энергично рубить ствол бука,

на котором утром обрубил ветви; но топор только стучал по дереву, не оставляя на нём следов. С Зербина катился уже крупными каплями пот, а удары его были по-прежнему напрасны; проклятое дерево не поддавалось никаким усилиям.

- Ах, - сказал он, - осматривая свой зазубрившийся топор, - какое несчастье, что не придумали ещё орудия, которое резало бы дерево, как масло. Я бы хотел иметь такое.

Он отошёл шага на два, помахал топором над головой и ударил с такой силой, что сам отлетел на несколько футов и упал носом в землю.

- Чёрт возьми! - воскликнул он. - Слеп я, что ли? Хватил мимо...

Но Зербин тотчас же успокоился, так как дерево в ту же минуту упало и так близко, что едва не раздавило бедного малого.

- Вот так удар! - воскликнул Зербин. - Разом подвинул дело. Каково подрезано! Точно пилой. Ни одному дровосеку не сравняться в работе с сыном моей матери.

Он собрал в кучу срубленные утром ветки, потом, сняв обмотанную вокруг пояса верёвку, сел верхом на вязанку, чтобы крепче связать её, и затянул петлю.

- Теперь, - сказал он, - нужно тащить в город. Жаль, что у вязанок нет ног, как у лошадей. Я важно прокатился бы в Салерно и въехал бы гарцуя, как те нарядные всадники, что прогуливаются от нечего делать. Хотелось бы мне посмотреть на себя в таком виде.

И в ту же минуту вязанка поднялась и побежала крупной рысью, а добродушный Зербин, нисколько тому не удивляясь, спокойно поехал на этом рысаке невиданной породы, с сожалением глядя на бедняков, которые, за неимением вязанки, шли пешком.

4

В то время, к которому относится наш рассказ, посреди Салерно была площадь, а на площади - королевский дворец. Королём тогда, как всем известно, был славный Мухаммель, имя которого бессмертно в истории. Каждый день после полудня на балкон дворца выходила дочь короля, принцесса Алели, и сидела в грустной задумчивости. Напрасно невольницы старались развеселить её песнями, сказками и лестью: Алели была

погружена в свои мысли. Уже целых три года отец принцессы, король, сватал её поочерёдно за всех соседних баронов; но она отказывала всем женихам. Салерно было её приданым, и она чувствовала, что все они хотели жениться не столько на ней, сколько на её приданом. Нежная и серьёзная Алели не была ни честолюбива, ни ветрена, никогда не смеялась для того только, чтобы показать свои зубки, умела слушать и не говорила ради пустой болтовни. Эта редкая у женщин болезнь приводила в отчаяние докторов.

Алели сидела на балконе ещё в большей задумчивости, чем обыкновенно, когда Зербин, восседая с величием Цезаря на своей вязанке, въехал на площадь. Увидев его, две фрейлины принцессы разразились неудержимым смехом и, так как под рукой у них были апельсины, начали бросать ими во всадника и так ловко, что два раза попали ему прямо в лицо.

- Смейтесь, проклятые! - закричал Зербин, указывая на них пальцем. - Чтоб вам смеяться до тех пор, пока не пропадут все ваши зубы! Вот, чего желает вам Зербин!

И обе женщины принялись хохотать до изнеможения; ни угрозы Зербина, ни приказание принцессы, сжалившейся над бедным дровосеком, не могли остановить их.

- Добрая барынька, - сказал Зербин, глядя на Алели. - Такая кроткая и грустная! Желаю тебе добра. Желаю тебе полюбить первого, кто заставит тебя смеяться, и выйти за него замуж!

Сказав это, он самым вежливым образом раскланялся с принцессой.

Общее правило: когда едешь на вязанке хвороста, нельзя никому кланяться, хотя бы самой королеве. Зербин забыл об этом и с ним случилась беда. Отвешивая поклон, он выпустил из рук верёвку, стягивавшую сучья, вязанка развалилась, и Зербин полетел вверх ногами, самым забавным образом перекувыркнулся, увлекая за собою ветки, и, увенчанный ими, словно лесной дух, отлетел шагов на десять.

Почему смеемся мы, когда человек падает, рискуя убиться? Я не знаю, это - тайна, ещё необъяснённая учёными. Знаю только, что все смеются и что принцесса Алели поступила так же, как все. Но тотчас же она встала, как-то странно посмотрела на Зербина, схватилась за сердце, потом за голову и ушла с балкона, охваченная какой-то неведомой тревогой.

А Зербин между тем собрал разбросанные сучья и пошёл домой пешком, как простой дровосек. Счастье нисколько не ослепило его, а неудача ничуть не смутила. Заработок был хороший; этого с него было достаточно. Он купил прекрасного, белого и твёрдого, как мрамор, буйволового сыру, отрезал длинный ломоть и поужинал с величайшим аппетитом. В простоте души он и не подозревал, сколько натворил бед и беспорядка.

Пока совершались все эти важные события, на Салернской башне пробило 4 часа. День был знойный; на улицах царила тишина. Удалившись в покои нижнего этажа, подальше от шума и зноя, король Мухамиель размышлял о благоденствии своего народа: он спал.

Но вдруг он вздрогнул и проснулся. Две руки обвивали его шею, горячие слёзы капали на лицо. Это прекрасная Алели в порыве нежности ласкалась к отцу.

- Что это значит? - спросил король, удивлённый таким порывом чувства. - Ты целуешь меня и плачешь? Ах, дочь своей матери, ты хочешь заставить меня исполнить твоё желание?

- Напротив, добрый отец мой, - сказала Алели, - ваша послушная дочь хочет исполнить то, чего вы желаете. Вы хотели иметь зятя; я нашла его и готова отдать ему руку, чтобы сделать вам приятное.

- Хорошо, - заметил Мухамиель, - каприз прошёл. За кого же мы выйдем замуж? За принца Кава? Нет. В таком случае за графа Капри? За маркиза Сорренто? Нет. Кто же он такой?

- Я не знаю, мой добрый отец.

- Как, ты не знаешь! По крайней мере, ты его видала?

- Да, я видела его сейчас на дворцовой площади.

- И он говорил с тобой?

- Нет, отец мой. Зачем говорить, когда мы сердцем понимаем друг друга.

Мухамиель сделал гримасу и почесал за ухом.

- Во всяком случае, это князь? - спросил он, пристально посмотрев на дочь.

- Я не знаю, отец, но не всё ли равно!

- Нет, дочь моя, это очень важно. Ты ничего не понимаешь в политике. Если ты сама выбрала подходящего мне зятя, чудесно! Как король и отец, я никогда не стану стеснять твою волю, раз она в то же время будет и моей. В противном случае я должен исполнить свою обязанность относительно семьи и подданных и требую, чтоб они делали то, чего я желаю. Где же скрывается эта прекрасная птица, которую ты не знаешь, которая с тобой не разговаривала и уже любит тебя?

- Не знаю! - отвечала Адели.

- Нет, это уже слишком! - воскликнул Мухамиель. - И ради таких пустяков ты

приходишь отнимать у меня время, принадлежащее моему народу? Эй, камергеры! Позвать сюда фрейлин принцессы и проводить её в её покои.

При этих словах Алели всплеснула руками и, рыдая, упала на колени перед королём. В ту же минуту вошли фрейлины, продолжая громко хохотать.

- Тише, негодные, молчать! - закричал Мухамиель, возмущённый такой непочтительностью.

Но чем больше король кричал: молчать! - тем сильнее смеялись фрейлины, нисколько не заботясь об этикете.

- Стража! - закричал король вне себя от гнева. - Взять этих нахалок и отрубить им головы. Я покажу им, как мало забавного в короле.

- Государь! - сказала Алели, с мольбой складывая руки, - вспомните, что вы прославили своё царствование уничтожением смертной казни.

- Ты права, дочь моя. Мы - люди просвещённые. Пусть пощадят этих женщин и расправятся с ними по-русски. Бейте их, пока не умрут естественной смертью.

- Сжальтесь, отец мой! - сказала Алели. - Я, дочь ваша, умоляю вас об этом!

- Ради Бога, уймите их и избавьте меня от их присутствия! - сказал добрый Мухамиель. - Уведите этих дур, я им прощаю. Запереть их в келью; пусть они пропадут там от скуки и молчания!

- О, отец мой! - рыдала бедная Алели.

- Ну, выдать их замуж - и довольно об этом!

- Ваше Величество, пощадите, мы не будем больше смеяться, - закричали фрейлины, падая на колени и открывая рот с голыми дёснами. - Простите, Государь, и отомстите за нас. Мы жертвы дьявольского искусства. Какой-то злодей околдовал нас!

- Колдун в моём государстве! - сказал король. - Это невозможно. Колдунов не существует, потому что я в них не верю.

- Ваше Величество! - сказала одна из фрейлин, - может ли вязанка хвороста бежать, как выездная лошадь, и гарцевать по воле дровосека? Вот что видели мы сейчас на дворцовой площади.

- Вязанка хвороста! - заметил король. - Это пахнет колдовством. Стража, взять этого человека и его вязанку и сжечь обоих вместе. Ну, теперь, надеюсь, мне дадут заснуть.

- Сжечь моего возлюбленного! - воскликнула принцесса, махая руками, как безумная. - Государь! Этот благородный всадник мой муж, моё счастье, моя жизнь. Если коснутся хоть одного волоска на его голове, я умру.

- Чистый ад в моём доме! - сказал добрый Мухамиель. - Что пользы в том, что я король, если мне нельзя даже соснуть лишний часок. Но вольно ж мне мучиться! Позвать Мистигриса. Раз у меня есть министр, он должен сказать мне, что я думаю, и знать, чего я желаю!

Доложили о приходе сеньора Мистигриса. Это был маленький, толстый, приземистый, круглый, широкий человек, который скорее катился, чем шёл. Прибавьте к этому куньи глаза, смотревшие разом во все стороны, низкий лоб, кривой нос, толстые щёки, тройной

подбородок - и вы получите портрет знаменитого министра, заботившегося о благоденствии Салерно под именем короля Мухамиеля. Он вошёл, улыбаясь, пыхтя и жеманясь, как человек, который весело и бодро несёт на себе бремя власти и забот.

- Наконец-то вы пришли! - сказал король.
- В моём государстве совершаются неслыханные вещи, и король узнаёт о них последний! Как могло это случиться?

- Всё по обыкновению в порядке, - отвечал смиренным тоном Мистигрис. - Вот донесение полиции. Счастье и мир, как всегда, царствуют в государстве.

И, развернув длинный лист, он прочитал следующее:

"Порт Салерно. Всё спокойно. В таможне украдено не более обыкновенного. Три ссоры между матросами, шесть ран ножом; пять человек поступило в больницу. Ничего нового".

"Верхний город. Налог удвоен. Благосостояние возрастает, нравственность улучшается. Две женщины умерли с голоду, подкинута десять детей. Трое мужей избили своих жён; десять женщин побили своих мужей; тридцать краж, два убийства, три отравления. Ничего нового".

- И это всё, что вам известно? - сказал сердитым тоном Мухамиель. - Ну, а я, милостивый государь, знаю больше, хотя и не моё дело заниматься государственными делами. Человек верхом на вязанке хвороста проехал по дворцовой площади и околдовал мою дочь. Она хочет выйти за него замуж.

- Ваше Величество, - сказал Мистигрис, - мне известно об этом маленьком происшествии; министр всё знает; но стоило утомлять Ваше Величество такими пустяками? Этого человека повесят, вот и всё!

- И вы можете мне сказать, где этот негодяй?

- Разумеется, Государь! - отвечал Мистигрис. - Министр всё видит, всё слышит, всё и всюду.

- Хорошо, - сказал король, - если через четверть часа этого негодяя не будет здесь, вы передадите министерство людям, которые не только видят, но и действуют. Ступайте!

Мистигрис вышел из комнаты, не переставая улыбаться, но, выйдя в приёмную, побагровел, как будто его душили, и принуждён был опереться на руку первого встретившегося приятеля. Это был губернатор Салерно, которого привела к министру счастливая случайность. Отступив шага два назад, Мистигрис схватил губернатора за шиворот и проговорил, отчеканивая каждое слово.

- Милостивый государь, если через десять минут вы не приведёте сюда человека, катавшегося по Салерно верхом на вязанке хвороста, я вас отрешу от должности. Слышите? Ступайте!

Ошеломлённый этой угрозой, губернатор побежал к полицмейстеру.

- Где человек, катавшийся верхом на вязанке хвороста?

- Какой человек? - спросил полицмейстер.

- Не рассуждать с начальством! Я этого не потерплю. Вы не задержали этого злодея. Так-то вы исполняете свои обязанности! Если через пять минут этого человека не будет здесь, я вас прогоню. Ступайте.

Полицмейстер побежал в дворцовую караульную, где застал людей, наблюдавших за порядком, играя в кости.

- Бездельники! - закричал он, - если через три минуты вы не приведёте ко мне человека, катавшегося верхом на вязанке сучьев, я прикажу вас наказать палками, как каторжников.

Караульные, ругаясь, вышли. В это время мудрый и ловкий Мистигрис, полагаясь на чудеса иерархии, спокойно входил в комнату короля с неизменной улыбкой на лице, составлявшей неотъемлемую принадлежность его профессии.

7

Министр шепнул на ухо королю несколько слов, которые привели в восторг последнего. Мысль сжечь колдуна понравилась Мухамиелю. Это маленькое событие могло бы прославить его царствование и удивить потомство, как доказательство его мудрости.

Одно смущало короля: бедная Алели заливалась слезами и не уходила в свои покои, несмотря на все старания фрейлин увести её.

Мистигрис подмигнул королю и, подойдя к принцессе, сказал, смягчая, как только мог, свой резкий голос.

- Ваше высочество, он сейчас придёт и не должен видеть вас плачущей. Напротив, вам следует принарядиться и стать ещё прекраснее. Пусть самый вид ваш говорит ему о его счастье!

- Я понимаю вас, добрый Мистигрис! - воскликнула Алели. - Благодарю, отец мой, благодарю, - прибавила она, кидаясь к

королю и покрывая поцелуями его руки. - Да благословит вас Бог тысячу, тысячу раз! - Принцесса вышла ликующая, с высоко поднятой головой и блестящими глазами. Она была так счастлива, так счастлива, что остановила мимоходом первого встретившегося камергера и объявила ему о своей свадьбе.

- Добрый камергер, - прибавила она, - он сейчас придёт. Примите его с должными почестями и будьте уверены, что ваша услуга не останется без вознаграждения.

Оставшись наедине с Мистигрисом, король гневно посмотрел на своего министра.

- Вы с ума сошли! - закричал он. - Как! вы даёте за меня слово, не посоветовавшись со мной? Не считаете ли вы уже себя в моём государстве хозяином, который может распоряжаться моей дочерью и мною самим без моего разрешения?

- Ваше Величество, - сказал спокойно Мистигрис, - нужно было успокоить принцессу. Это всего важнее. В делах политики никогда не думают о завтрашнем дне. На каждый день довольно своих забот.

- А моё слово! - возразил король. - Могу ли я взять его назад, не унижая своего достоинства? А между тем я хочу отомстить нахалу, укравшему сердце моего ребёнка.

- Государь, - сказал Мистигрис, - король никогда не берёт своего слова назад; но его можно сдержать на разные лады.

- Что вы хотите этим сказать? - спросил Мухамиель.

- Ваше Величество только что обещали выдать свою дочь замуж. Мы повенчаем её. Затем обратимся к закону, который гласит:

"Если дворянин, не имеющий баронского титула, осмелится искать любви принцессы королевской крови, с ним поступят, как с дворянином, то есть ему отрубят голову".

"Если искатель будет мещанин, с ним поступят, как с мещанином, то есть его повесят".

"Если искатель будет мужик, его утопят, как собаку".

- Вы видите, Государь, что нет ничего легче, как согласить родительские чувства с королевским правосудием. У нас, в Салерно, так много законов, что всегда можно к ним применить.

- Какой вы плут, Мистигрис! - сказал король.

- Государь, - ответил с гордостью толстяк, - вы мне льстите; я только политик. Меня учили, что есть две нравственности: одна большая - для королей, другая маленькая - для обыкновенных смертных. Я воспользовался уроком. Это понимание и составляет гений государственных людей. Все даровитые люди преклоняются перед ним; стыдятся его только одни глупцы.

- Мой добрый друг, - сказал король, - ваши витиеватые фразы утомительны, как похвальные речи академиков. Мне нужны не слова, а дела. Поспешите с казнью этого человека - и довольно об этом.

В эту минуту в комнату короля вошла принцесса Алели. Она была так прекрасна,

её глаза светились такой радостью, что добрый Мухамиель вздохнул и пожелал в душе, чтобы всадник, ехавший на вязанке хвороста, оказался князем и избежал виселицы.

8

Слава - прекрасная вещь, но и она имеет свои неприятные стороны. Прощай, блаженная неизвестность и презрение к бессмысленному любопытству толпы. Не успел ещё Зербин совершить свой торжественный въезд в город, как уже каждый ребёнок в Салерно знал дровосека, его образ жизни и квартиру. Поэтому посланным не стоило большого труда отыскать его.

Зербин, стоя на коленях на дворе, старательно точил свой знаменитый топор и стал было пробовать его о ноготь большого пальца, как вдруг кто-то бросился на него, схватил за шиворот и сильным движением поставил на ноги. Десяток ударов кулаком да двадцать ружейным прикладом в спину заставили его вылететь на улицу. При такой-то обстановке дровосек узнал, что его особой интересуется министр и что сам король соизволил позвать его во дворец.

Зербин был мудрец, а мудрецы ничему не удивляются. Он заложил руки за пояс и пошёл спокойно, не смущаясь особенно сыпавшимися на него градом ударами. Однако мудрец ещё не святой. Пинок ногой вывел дровосека из терпения.

- Потише, - сказал он, - имейте немножко сожаления к бедным людям.

- Этот негодяй ещё рассуждает! - закричал один из бывших его. - Какой неженка! Не надеть ли нам перчатки и не вести ли его за руку?

- Я хотел бы видеть вас на своём месте, - сказал Зербин. - Стали бы вы смеяться тогда!

- Замолчишь ли ты, негодяй! - закричал старший конвойный, отвечивая ему удар, способный свалить быка. Но вероятно удар был плохо рассчитан; вместо Зербина он угодил прямо в глаз одному из конвойных. Взбешённый и полуслепой, раненый бросился на неловкого товарища и вцепился ему в волосы. Началась драка; остальные стали разнимать, и удары посыпались направо и налево. Произошла общая свалка. Не было ни в чём недостатка: дети кричали, женщины плакали, собаки лаяли. Пришлось послать за вооружённой силой и восстановить порядок, арестовав и драчунов, и потерпевших любопытных.

Между тем Зербин, невозмутимый, как всегда, шёл, не торопясь, во дворец и на площади столкнулся с длинной вереницей великодушных господ, разодетых в шитое платье и короткие панталоны. Это были придворные с мажордомом и обер-камергером во главе, вышедшие навстречу ожидаемому принцессой жениху. Ввиду приказа быть вежливыми, все они улыбались и, держа шляпы в руках, поклонились Зербину; дровосек, как благовоспитанный человек, ответил

им также поклоном. Новые приветствия лакеев; снова раскланялся Зербин. Так повторялось восемь или десять раз подряд с большою торжественностью. Зербин утомился первый. Он не привык к поклонам и не обладал гибкой спиной, так как не родился во дворце.

Вспомнив слова песни:

"Après trois refus,
"La chance;
"Après trois saluts,
"La danse.

(После трёх отказов - успех; после трёх поклонов - пляска).

Он закричал им:

- Довольно, довольно. Вы кланялись мне слишком достаточно; попляшите теперь!

Тотчас же лакеи принялись танцевать, кланяясь, и кланяться, танцуя, и, предшествуя Зербину в удивительном порядке, устроили ему приём во дворце, достойный короля.

9

Мухамиель, желая придать себе величественный вид, важно смотрел на кончик носа; Алели вздыхала; Мистигрис чинил перья с видом дипломата, занятого новой мыслью; придворные стояли молча и неподвижно, как будто размышляли. Наконец, большая дверь залы отворилась. Мажордом и лакеи вошли в такт, танцуя сарабанду,

к немалому удивлению двора. За ними шёл дровосек, нисколько не поражаясь великолепием дворца, точно он в нём и родился. Но, увидав короля, он остановился, снял шляпу и, придерживая её обеими руками на груди и выставив правую ногу вперёд, поклонился три раза, потом снова надел шляпу, сел спокойно в кресло и стал качать ногой.

- Отец мой! - воскликнула принцесса, бросаясь королю на шею. - Вот мой супруг; вы дали его мне. Как он прекрасен! Как он благороден! Неправда ли, вы будете любить его?

- Мистигрис, - пробормотал король, задыхаясь, - допросите этого человека со всеми предосторожностями. Позаботьтесь о спокойствии моей дочери и моём собственном. Какое происшествие! Ах, как были бы счастливы отцы, если бы у них не было детей!

- Будьте покойны, Ваше Величество, отвечал Мистигрис. - Человеколюбие - мой долг и удовольствие.

- Встань, мошенник, - грубо сказал он Зербину. - Отвечай скорей, если хочешь спасти шкуру. Ты переодетый князь? Ты молчишь, негодяй? Ты - колдун!

- Такой же колдун, как ты, пузан! - отвечал Зербин, не вставая с кресла.

- А, разбойник, - закричал министр, - твоё заpiresательство доказывает преступление; ты уличаешь себя молчанием, злодей!

- Стало быть, если бы я сознался, то был бы невинен? - спросил Зербин.

- Государь, - сказал Мистигрис, считавший бешенство красноречием, - окажите правосудие, спасите государство, избавьте его от этого чудовища. Смерть - слишком слабое наказание для такого нахала.

- Продолжай, - сказал Зербин, - лай, пузан, лай себе, только не кусайся!

- Ваше Величество! - закричал, задыхаясь, Мистигрис. - Ваша справедливость и человеколюбие известны всем. Уф, уф, уф! Человеколюбие предписывает вам защитить подданных и избавить их от этого колдуна. Уф, уф, уф! Правосудие повелевает повесить или сжечь его. Уф, уф, уф, уф, уф! Вы отец, уф, уф, но вы также и король, уф, уф, уф, а король, уф, уф, должен стать выше отца, уф, уф, уф!

- Мистигрис, - сказал король, - вы говорите хорошо, но у вас несносная привычка пыхтеть. Поменьше аффектации. Произнесите приговор!

- Государь, - закричал Мистигрис, - смерть, виселица, огонь, уф, уф, уф!

Король вздохнул, а принцесса Алели решительно отошла от отца и встала рядом с Зербином.

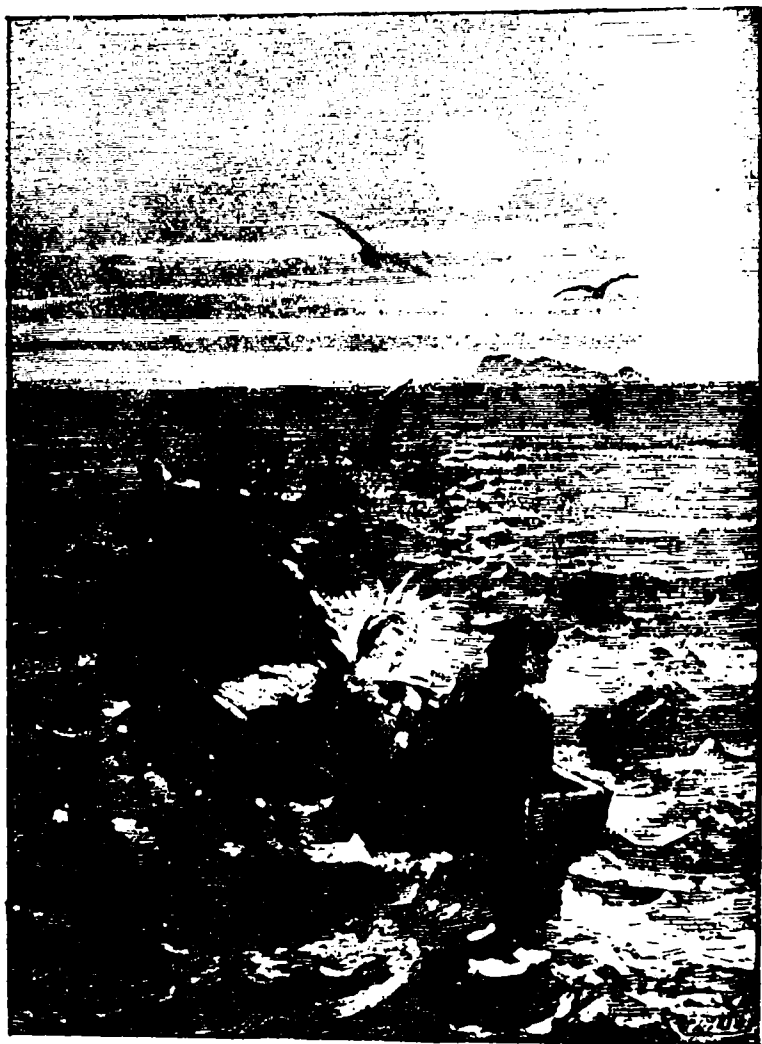
- Приказывайте, Государь, - сказала она. - вот мой муж. Его участь будет моей участью!

- При этой выходке все дамы закрылись от стыда; даже Мистигрис счёл долгом покраснеть.

- Несчастная! - воскликнул разгневанный король. - Ты опозорила себя и сама произнесла над собой приговор. Стража, взять обоих! Пусть их немедленно повенчают; пусть захватят первое судно, какое найдётся в порту, бросят в него этих преступников и представят их ярости волн.

- О, Государь, - воскликнул Мистигрис после того, как увели принцессу и Зербина, - вы величайший государь в мире. Ваша доброта, кротость, снисходительность будут служить примером потомству и вызывать удивление. В каких выражениях завтра расскажет обо всём Официальная газета! Нам же, потрясённым таким великодушием, остаётся молчать и изумляться.

- Бедная моя дочь, - воскликнул король, - что с ней будет без отца! Стража! Взять Мистигриса и посадить также на судно. Для меня будет утешением знать, что этот ловкий человек подле моей дочери. К тому же сменить министра будет всё-таки развлечением, а я нуждаюсь в нём в моём печальном положении. Прощай, мой добрый Мистигрис!

Мистигрис так и замер на месте с открытым ртом. Только что он собрался перевести дух и осыпать проклятиями королей и их неблагодарность, как его взяли и повели из дворца. Невзирая на крик,

угрозы, просьбы и слёзы, его бросили на судно, и вскоре три друга остались одни среди волн.

10

Ночь была тихая, прекрасная. Луна освещала своим бледным светом волнующуюся поверхность моря.

Ветер дул с берега и быстро уносил судно; виднелся уже остров Капри, выступавший из воды, как корзина цветов. Зербин правил рулём и напевал какую-то грустную песню дровосеков или матросов. У ног его сидела Алели, молчаливая, но не печальная; она слушала пение мужа. О прошлом она забыла; о будущем не думала; жизнь для неё была только около Зербина.

Мистигрис, не испытывая нежного чувства, не мог так спокойно относиться к своей участи. Волнуясь и сердясь, он метался, как медведь в клетке, и, обращаясь к Зербину с прекрасными речами, которых тот не слушал. Невозмутимый, как всегда, Зербин склонил голову; он не привык к придворной болтовне, и речи министра усыпляли его.

- Что будет с нами! - кричал Мистигрис.
- Ну, противный колдун, покажи своё искусство, если ты им обладаешь, спаси нас. Сделайся принцем или королём и назначь меня первым министром. Мне нужно чем-нибудь управлять. Что пользы в твоём государстве, если ты не можешь устроить своих друзей?

- Мне есть хочется, - сказал, открывая один глаз, Зербин.

Алели тотчас же встала, чтобы поискать чего-нибудь.

- Друг мой, - сказала она, - чего вы хотите?

- Я хочу винных ягод и изюму, - отвечал дровосек.

Мистигрис вскрикнул: бочонок с винными ягодами и изюмом вырос из-под его ног и повалил его.

- Ага, - подумал он, поднимаясь, - теперь я знаю твой секрет, проклятый колдун. Если у тебя будет то, чего ты желаешь, моя участь обеспечена. Недаром же я был министром, мой прекрасный князь; я заставляю тебя желать, чего захочу сам.

И Мистигрис, согнувшись и улыбаясь, подошёл к Зербину, который ел винные ягоды.

- Сеньор Зербин, - сказал он, - я пришёл просить у вашего сиятельства дружеского расположения. Может быть, вы, ваша светлость, не хорошо поняли, сколько преданности скрывалось под притворной строгостью моих слов. Но я могу вас уверить, что всё это делалось умышленно, в расчёте на счастливый конец. Это я, один я, уладил вашу свадьбу.

- Мне есть хочется, - сказал Зербин. - Дай мне винных ягод и изюму.

- Извольте, сеньор Зербин, - отвечал Мистигрис с предупредительностью придворного. - Я надеюсь, что ваше сиятельство будете довольны моими маленькими услугами

и позвольте мне часто доказывать моё усердие.

- Этакая скотина! - пробормотал он тихо. - Он даже и не слушает меня. Мне необходимо привлечь на свою сторону Алели. Нравиться дамам - великое дело в политике.

- Кстати, сеньор Зербин, - заметил он, улыбаясь, - вы забыли, что сегодня вечером была ваша свадьба. Вам следовало бы сделать свадебный подарок своей царственной супруге.

- Ты надоел мне, пузан, - сказал Зербин. - Где я выужу свадебный подарок? На дне морском? Ступай, попроси у рыб и принеси мне.

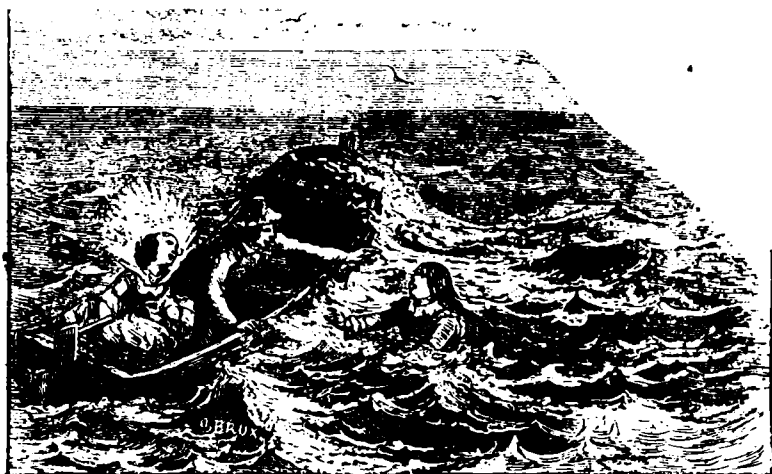
В ту же минуту Мистигрис, как будто увлекаемый невидимой рукой, прыгнул через борт и исчез в волнах. Зербин снова принялся ощипывать и есть изюм, а Алели по-прежнему смотрела на него.

- Вот морская свинья вышла из воды, - сказал Зербин. Но то была не морская свинья, а счастливый посол, вынесенный волнами на поверхность и барахтавшийся среди пены. Зербин взял Мистигриса за волосы и вытащил на судно. И удивительное дело: толстяк держал в зубах карбункул, блестящий, как звезда среди ночи.

- Вот подарок, посылаемый царём рыб принцессе Алели, - сказал он, едва успев перевести дух. - Вы видите, сеньор Зербин, что перед вами самый верный и преданный раб. Если когда-нибудь вы пожелаетеверить маленькое министерство...

- Мне есть хочется, - сказал Зербин. - Дай мне винных ягод и изюму.

- Сеньор, - заметил Мистигрис, - неужели вы ничего не сделаете для принцессы, вашей жены? Это судно, предоставленное на волю

ветров, не такое убежище, которое соответствовало бы её происхождению и красоте.

- Оставьте, Мистигрис, - сказала Алели.

- Мне здесь хорошо и ничего не нужно.

- Вспомните, Ваше высочество, - сказал льстивый министр, - что принц Капри, прося вашей руки, прислал в Салерно великолепный корабль из красного дерева, сверкавший золотом и слоновой костью. А матросы, одетые в бархат? А шёлковые снасти? А три залы, украшенные зеркалами? Вот что сделал для вас незначительный князь. Сеньор Зербин не захочет отстать от него: он так благороден, могуществен и добр.

- Этот толстяк - сумасшедший, - сказал Зербин. - Болтает без умолку. Я хотел бы иметь такой корабль, чтобы только замкнуть тебе рот, болтун. Надеюсь, что тогда ты замолчишь.

В ту же минуту Алели вскрикнула от удивления и радости, заставив вздрогнуть дровосека.

Где он? На великолепном корабле, величественно рассекавшем волны, как лебедь с распушенными крыльями, в богато убранной комнате, устроенной на палубе под шатром и освещённой алебастровыми лампами. У ног его по-прежнему сидела Алели и глядела на него. Мистигрис бегал по кораблю, отыскивая экипаж и желая всем и каждому отдавать приказания. Но на этом волшебном корабле никто не говорил, и Мистигрис напрасно готовил речи; он не нашёл ни одного юнги, которым мог бы распоряжаться.

Зербин встал, чтоб посмотреть на ход корабля. Мистигрис тотчас же подлетел к нему, улыбаясь.

- Довольны ли вы, ваша милость, моими стараниями и усердием? - спросил он.

- Замолчи, болтун, - отвечал дровосек, - я запрещаю тебе говорить до утра. Я хочу спать; не мешай мне. - Мистигрис так и остался с разинутым ртом, не переставая выражать жестами своё почтение. Затем с горя пошёл в столовую и молча принялся за ужин. Он пил вино целых четыре часа, но всё не мог утешиться и наконец свалился под стол. Всё это время Зербин безмятежно спал. Не спала только одна Алели.

Всё надоедает, даже счастье, говорит пословица. Тем больше надоедает ехать по морю неизвестно куда и на таком корабле, где никто не говорит.

Как только Мистигрис пришёл в себя и к нему вернулась речь, им овладела мысль заставить Зербина пожелать снова быть на земле. Это была нелёгкая вещь. Ловкий придворный боялся какого-нибудь нового безумного желания, могущего отправить его к рыбам; но ещё больше он опасался, как бы Зербин не вспомнил о своём лесе и топоре. Извольте быть министром у дровосека.

Но, к счастью, Зербин проснулся в хорошем настроении. Он уже по привычке к принцессе и, несмотря на всю свою угрюмость, оживлялся при виде её ласкового лица. Мистигрис хотел было воспользоваться удобным случаем, но, увы! женщины так безрассудны, когда любят. Алели стала говорить Зербину, как было бы хорошо жить вдвоём, вдали от мира и шума, в какой-нибудь уединённой хижине, среди виноградника, на берегу ручья. Ничего не понимая в этой поэзии, добродушный Зербин слушал, однако, с удовольствием её тихие, убаюкивающие речи.

- Хижина с коровами и курами - вещь хорошая, - заметил он. - Если...

Мистигрис понял, что погибает, и поступил решительно.

- Ах, сеньор, - воскликнул он, - посмотрите же, что перед вами. Как это красиво!

- Что же там? - сказала принцесса, - Я ничего не вижу.

- И я также, - подтвердил Зербин, протирая глаза.

- Может ли быть, - сказал удивлённым тоном Мистигрис. - Как! Вы не видите мраморного дворца, сверкающего на солнце, и большой лестницы, украшенной апельсиновыми деревьями, которая величественно, целой сотнею ступеней, спускается к морю?

- Дворец? - сказала Алели. - Чтобы нас окружали придворные себялюбцы и лакеи! Нет, я не хочу иметь дворца. Едем дальше.

- Да, - сказал Зербин, - хижина лучше: там спокойнее.

- Этот дворец не похож на другие, - закричал Мистигрис, у которого страх заставлял работать воображение. - В этом волшебном жилище нет ни придворных ни лакеев; там служат невидимым образом. Там вы будете в полном уединении и в то же время окружены попечениями. У мебели есть руки; у стен - уши.

- А говорят они? - спросил Зербин.

- Да. - отвечал Мистигрис, - они говорят и высказывают всё прямо, но умолкают, когда этого желают.

- Ну, - сказал дровосек, - они умней тебя. Мне очень хотелось бы иметь такой дворец. Но где же он? Я его не вижу.

- Вот он, перед вами, друг мой, - сказала принцесса.

Корабль подплыл к берегу и вошёл в гавань, настолько глубокую, что можно было пристать к самой набережной. Невидимые

руки бросали уже якорь. Гавань была наполовину окружена большой лестницей в виде подковы, а наверху, на обширной, возвышавшейся над морем террасе стоял такой прелестный дворец, какой и во сне никому не снился.

Путешественники весело поднялись по лестнице. Во главе шёл Мистигрис, отдуваясь на каждой ступени. Подойдя к решётке замка, он хотел позвонить, но звонка не оказалось; он позвал; ему отвечала сама решётка...

- Что тебе нужно, чужестранец? - спросила она.

- Поговорить с хозяином этого замка, - сказал Мистигрис, заинтересованный необычным разговором с железным предметом.

- Хозяин этого дворца - сеньор Зербин, - отвечала решётка. - Когда он подойдёт, я отворю.

Зербин подошёл под руку с Алели. Решётка почтительно отворилась перед ним и пропустила супругов, а вслед за ними и Мистигриса.

Взойдя на террасу, Алели стала любоваться расстилавшейся перед её глазами величественной картиной моря, бесконечного моря, сверкавшего под утренними лучами солнца.

- Как здесь хорошо! - сказала она, - и как приятно посидеть в этой галерее, обсаженной цветущими лаврами.

- Да, - отвечал Зербин, - сядем на землю.

- Неужели здесь нет кресел? - воскликнул Мистигрис.

- Мы здесь, мы здесь! - закричали кресла и подбежали одно за другим так быстро, как только позволяли им четыре ножки.

- Хорошо было бы позавтракать здесь, - сказал Мистигрис.

- Да, - согласился Зербин, - но где же стол?

- Я здесь, я здесь, отвечало какое-то контрольно.

И великолепный стол из красного дерева, выступая с важностью матроны, подошёл к гостям и стал перед ними.

- Это прелестно, - сказала принцесса, - но где же блюда?

- Мы здесь, мы здесь, - пропищали тоненькие звонкие голоса, и тридцать блюд в сопровождении своих сестёр-тарелок и братьев-приборов, не позабыв и тёток своих - солонки, выстроились в один миг в удивительном порядке на столе и наполнились дичью, фруктами и цветами.

- Сеньор Зербин, - сказал Мистигрис, - вы видите, что я для вас делаю. Всё это устроено мной.

- Ты лжёшь, - раздался чей-то голос.

Мистигрис обернулся, но не увидел никого. Это сказала одна из колонн галереи.

- Сеньор Зербин, - сказал он, - я полагаю, никто не может обвинить меня во лжи. Я всегда говорил правду.

- Ты лжёшь! - снова раздался чей-то голос.

- Какой противный дворец, - подумал Мистигрис. - Если стены здесь говорят правду, никогда нельзя будет устроить дво-

ра, и я никогда не буду министром. Надо всё это изменить.

- Сеньор Зербин, - сказал он, - вместо того, чтобы жить здесь в одиночестве, не лучше ли вам управлять добрым народом, который платил бы хорошие подати, доставлял славных солдатиков и окружал вас любовью и нежными попечениями?

- Сделаться королём! - сказал Зербин. - Ради чего?

- Друг мой, не слушайте его, - сказала добрая Алели. - Останемся здесь; нам так хорошо вдвоём.

- Втроём, - поправил Мистигрис, - я здесь счастливейший человек и близ вас ничего не желаю.

- Ты лжёшь! - раздался голос.

- Что? Неужели кто-нибудь может сомневаться в моей преданности?

- Ты лжёшь! - ответило эхо.

- Сеньор Зербин, не слушайте его, - закричал Мистигрис. - Я вас почитаю и люблю, клянусь вам.

- Ты лжёшь! - повторил неумолимый голос.

- А, если ты постоянно лжёшь, то отправляйся на луну, - сказал Зербин. - Там страна лгунов.

Только что он произнёс эти неосторожные слова, как Мистигрис взлетел, как стрела, на воздух и скрылся в облаках. Возвратился ли он на землю - не известно, хотя некоторые летописцы уверяют, что он снова появился, только под другим именем. Достоверно одно, что его никогда не видели

в тех дворцах, где сами стены говорят правду.

12

Когда они остались одни, Зербин, скрестив руки, стал смотреть на море, а Алели погрузилась в самые сладостные мечтания. Кто не мечтает в лучшие дни своей жизни поселиться в очаровательном уединении с тем, кого любишь! Алели взяла под руку Зербина и повела осматривать свои новые владения. Справа и слева дворец был окружён прекрасными лужайками, орошаемыми фонтанами. Зелёные дубы, красные буки, лиственницы с их тонкими иглами, платаны с оранжевыми листьями бросали густую тень на траву. В чаще ветвей пела малиновка, и песня её дышала радостью и покоем. Алели прижала руку к сердцу и, посмотрев на Зербина, сказала:

- Друг мой! Счастливы ли вы здесь и нет ли у вас ещё какого-нибудь желания?

- Я никогда ничего не желал, - отвечал Зербин. - Чего мне не достаёт? Завтра я возьму топор и славно поработаю. Здесь есть прекрасные деревья для рубки; из них выйдет больше ста вязанок.

- Ах, - сказала Алели, - вы не любите меня!

- Любить вас! - сказал Зербин, - что это значит? Разумеется, я не желаю вам зла; напротив, нам свалился с неба дворец; он - ваш. Напишите отцу, позовите его сюда;

я буду рад. Если я причинил вам горе, то не по своей вине; я тут ни при чём. Я родился дровосеком и умру дровосеком. Это моё ремесло, и я знаю своё место. Не плачьте; я не хотел сказать вам что-нибудь неприятное.

- Ах, Зербин, - воскликнула бедная Алели, - за что вы так обращаетесь со мной? Верно, я очень дурна и зла, если вы не хотите полюбить меня?

- Полюбить вас! Но это не моё дело. Не плачьте же, прошу вас. Это ничему не поможет. Успокойтесь и будьте благоразумны, дитя моё. Опять слёзы! Полноте же. Ну, хорошо, если это доставит вам удовольствие, я очень хочу полюбить вас... Я люблю вас, Алели, я люблю вас!

Бедная Алели вся в слезах подняла голову. Зербин преобразился; он смотрел на неё с нежностью и преданностью, как человек, готовый отдать ей навсегда своё сердце и жизнь. При виде этой перемены Алели заплакала ещё сильнее, но сквозь слёзы улыбалась Зербину, который, в свою очередь, в первый раз в жизни залился слезами. Не лучшее ли наслаждение плакать, сам не зная о чём?

В эту минуту появилась фея, держа за руку мудрого Мухамиеля. Добрый король был очень несчастлив с тех пор, когда лишился дочери и министра. Он нежно обнял своих детей, благословил их и в тот же день простился, опасаясь, что радость и волнения расстроят его здоровье. Фея вод продолжала покровительствовать

молодой чете, которая прожила долго в своём прекрасном дворце и была счастлива, что может забыть о свете, а ещё больше, что свет забыл о ней.

И в о н и Ф и н е т т а

бретонская сказка

1

Жил некогда в Бретани знатный владетель, барон де Кервер. Ему принадлежал самый красивый во всём крае замок. То было обширное готическое здание со сводами и ажурными, как кружево, стенами; издали оно было похоже на обвитую виноградом беседку. В первом этаже разрисованные и покрытые украшениями окна выдавались в виде балконов; шесть окон выходило на восток и шесть - на запад. Утром, когда барон верхом на своём любимом соловом коне отправлялся в лес в сопровождении огромных борзых, он приветствовал у каждого окна одну из своих дочерей, которые с молитвенниками в руках молили Бога о благоденствии рода Керверов. Глядя на их белокурые волосы, голубые глаза и сложенные руки, можно было принять их за мадонн, стоящих в лазуревых нишах. Вечером, когда солнце садилось, и барон, объехав свои владения, возвращался домой, он издали уже видел в окнах, обращённых на запад, своих шестерых сыновей с тёмными кудрями и смелыми взорами - надежду и гордость семьи. Их можно было принять за изваяния рыцарей в портале храма. Все, как друзья,

так и враги, на десять миль в окружности, желая указать на образец счастливого отца и могущественного барона, называли господина де Кервера.

В замке было только двенадцать окон, а детей у барона было тринадцать. Самый младший, которому не хватало места, был красивый шестнадцатилетний мальчик; его звали Ивон. По обыкновению, он был любимцем отца. Утром при отъезде и вечером при возвращении барон всегда находил Ивона у порога дома, где мальчик поджидал отца, чтобы обнять его. Все бретонцы очень любили этого мальчика с русыми, падающими по плечам кудрями, стройным станом, отважным видом и смелыми движениями. Когда ему было двенадцать лет, он храбро бросился на волка и убил его топором. За это его

прозвали Неустрасшимым. Ивон вполне заслуживал это прозвище: никогда ещё не бывало такого смельчака.

Однажды, когда барон оставался дома и для развлечения состязался в борьбе со своим оруженосцем, Ивон в дорожном платье вошёл в фехтовальную залу и, преклонив перед отцом колени, сказал:

- Государь и отец мой, я прошу вашего благословения, так как пришёл с вами проститься. В семье Керверов довольно рыцарей; она не нуждается в ребёнке; пора мне поискать самому счастья. Я хочу отправиться в далёкие края, испытать свои силы и составить себе имя.

- Ты прав, Неустрашимый, - отвечал барон, взволнованный более, чем хотел показать. - Я тебя не удерживаю; я не имею права удерживать тебя; но ты ещё очень молод, дитя моё; быть может, тебе было бы лучше ещё на год остаться с нами?

- Мне шестнадцать лет, отец; в эти годы ты уже сражался с Роганом. Я не забыл, что наш герб - единорог, поражающий льва, а наш девиз: вперёд! - и не хочу, чтобы Керверы имели основание краснеть за младшего члена семьи.

Ивон получил от отца благословение, пожал руки братьям, поцеловал сестёр, простился со всеми оплакивавшими его вассалами и с лёгким сердцем отправился в путь-дорогу.

На пути ничто не могло его остановить. Река ли встречалась - Ивон переплывал её; гора ли - он переходил её; лес ли - он пробирался через него по солнцу. "Вперёд, Керверы!" - восклицал он, как только встречалось препятствие, и так или иначе шёл всё прямо.

Три года странствовал он по свету в поисках приключений, то побеждая, то терпя поражение, но всегда одинаково весёлый и храбрый; наконец ему предложили отправиться в крестовый поход против норвежских язычников. Предстояло двойное удовольствие: побить неверующих и завоевать королевство. Ивон выбрал двенадцать смельчаков, нанял небольшое судно и водрузил на главной мачте синий флаг с гербом и девизом Керверов.

Море было спокойно, ветер благоприятен, ночь ясна. Ивон, лёжа на палубе смотрел на звёзды и искал между ними ту, которая бросает свой мерцающий свет на отцовский дом. Вдруг корабль налетел на скалу; раздался страшный треск; мачты упали, как подрубленные деревья, огромная волна залила палубу и увлекла за собой всё, что на ней было.

- Вперёд, Керверы! - воскликнул Ивон, как только показался на поверхности, и поплыл так спокойно, как будто купался во рву старого замка. К счастью, возшла луна, Ивон заметил на некотором расстоянии среди серебристых волн тёмное пятно; то была земля. Он достиг её не без труда и вышел, наконец, на берег. Промокнув до костей, выбившись из сил и задыхаясь, он растянулся на песке и, ни о чём больше не тревожась, помолился и заснул.

2

Проснувшись утром, Ивон попытался ознакомиться со страной, куда его забросил случай. Он заметил в отдалении громадный, похожий на собор, дом с окнами в пятьдесят футов вышины. Он шёл до него целый день, и, наконец, очутился перед дверью с таким тяжёлым молотком, какого человеческая рука не могла поднять.

Ивон взял большой камень и начал стучать им в дверь.

- Войди, - раздался чей-то голос, подобный рёву быка. В ту же минуту дверь отворилась, и маленький бретонец очутился

перед великаном никак не меньше сорока футов ростом.

- Как тебя зовут и зачем ты пришёл сюда? - спросил великан, схватив нашего

искателя приключений за шиворот и подняв с земли, чтобы лучше рассмотреть.

- Меня зовут Неустрашимым, и я ищу счастья, - отвечал Ивон, с вызывающим видом смотря на чудовище.

- Ну, вот ты и нашёл его, храбрец Неустрашимый! - насмешливо сказал великан.

- Мне нужен слуга; я беру тебя в услужение, и ты тотчас же вступишь в свою должность. В это время я выгоняю на пастбище своё стадо. Ты вычистишь хлев. Я не даю тебе никакого другого дела, - прибавил он со злой усмешкой. - Ты видишь, что я добрый хозяин. Принимайся же за работу, а главное, не броди по дому, не то заплатишься головой.

- И в самом деле у меня добрый хозяин; работа не тяжёлая, - подумал Ивон, когда великан ушёл. - Слава Богу, времени хватит вычистить хлев. Чем бы пока заняться от скуки? Пойти разве в дом, если мне запрещают в него заглядывать, - значит, там есть что посмотреть.

Он вошёл в первую комнату; там был большой очаг с привешенным на крюке котлом. В котле что-то кипело, хотя на очаге не было огня.

- Что бы это значило? - сказал бретонец. - Тут какая-то тайна. - Он отрезал прядь волос, погрузил в котёл и вынул; она вся покрылась медью.

- Ого! - воскликнул он. - Вот необыкновенный бульон! Если его проглотить, в желудке будет славная броня.

Он прошёл во вторую комнату. И здесь также висел на крюке котёл, и в нём что-то

кипело без огня. Ивон погрузил в него прядь волос; она стала серебряной.

- В доме Керверов, - подумал он, - бульон не столь дорогой, но, вероятно, покуснее.

Затем он вошёл в третью комнату. Здесь также висел на крюке котёл, и в нём что-то варилось без огня. Ивон погрузил в него прядь волос; она стала золотой и сияла, как солнце.

- Отлично! - воскликнул Ивон. - У нас в Бретани у стариков есть поговорка: что дальше, то хуже; здесь же наоборот, что дальше, то лучше. Что-то увижу я в четвёртой комнате, уже не суп ли из бриллиантов? - Он отворил дверь и увидел нечто более редкое, чем драгоценные камни. В комнате сидела молодая девушка такой удивительной красоты, что ослеплённый Ивон опустился перед ней на колени.

- Несчастный! - воскликнула она дрожащим голосом. - Что вы тут делаете?

- Я живу в этом доме, - отвечал бретонец, - сегодня великан взял меня в услужение.

- В услужение! - сказала молодая девушка. - Боже избави вас от такой службы!

- Почему же? - сказал Ивон. - Хозяин мой добр, и служба у него не тяжёлая. Вымету хлев и дело с концом.

- Да, но как вы за это возьмётесь? - спросила незнакомка. - Если вы будете делать, как другие, то вслед за каждой выброшенной охапкой навоза влетит в окно целых десять. Но я вам скажу, как надо поступить. Переверните вилы и подметайте

хлев рукояткой, навоз разом исчезнет сам собой.

- Я слушаюсь вашего совета, - сказал Ивон и, сев рядом с молодой девушкой, стал с ней разговаривать. Она была дочерью феи; злой великан держал её в неволе.

Между товарищами по несчастью дружба завязывается скоро, и в тот же день Финетта (так звали незнакомку) и Ивон дали друг другу слово не разлучаться, если им удастся бежать от своего ужасного господина. Всё затруднение было в том, как это устроить. Часы летят быстро в подобных разговорах; наступал вечер; Финетта простилась со своим новым другом, наказав ему вычистить хлев до возвращения великана.

Ивон снял со стены вилы и без всякого намерения быть чрезмерно недоверчивым попробовал работать так, как видел в старом замке, но приём оказался неудачным, и он тотчас прекратил работу: не прошло и минуты, как в хлеве набралось столько навоза, что бедный малый не знал, куда деваться.

Тогда он сделал так, как сказала ему Финетта, перевернул вилы и стал подметать рукояткой. И что же - в одно мгновение ока хлев стал совершенно чист, как будто в него никогда не входило ни одно животное.

Окончив работу, Ивон сел на скамью у двери дома. Как только он увидел великана, он стал смотреть на небо и болтать ногами, напевая родную песню.

- Вычистил ты хлев? - спросил, нахмутив брови, великан.

- Всё готово, хозяин, - отвечал, не двигаясь с места, Ивон.

- Посмотрим! - заревел великан. - Он вошёл, ворча, в хлев, нашёл всё в порядке и выбежал из него, разъярённый.

- Ты видел мою Финетту! - закричал он, - Не из своей же головы ты выдумал такую штуку!

- Что это такое - моя Финетта? - сказал Ивон, разевая рот и закрывая глаза. - Какое-нибудь животное в этой стране? Хозяин, покажите мне его.

- Молчи, глупец! - отвечал великан. - Ты и так слишком скоро её увидишь.

На другой день великан собрал овец, чтобы погнать их в поле, и перед уходом приказал Ивону сходить за его конём, который пасся на горе.

- Затем, - сказал он со злой усмешкой, - можешь отдыхать целый день. Ты видишь, что я добрый хозяин. Делай же своё дело, а главное, не броди по дому, не то поплатишься головой.

Ивон, скромно опустив глаза, проводил великана.

- Разумеется, - бормотал он сквозь зубы, - ты добрый хозяин; злоба тебя не душит; но несмотря на твои угрозы, я войду в дом и буду разговаривать с твоей Финеттой. Посмотрим, не будет ли твоя Финетта скорее моей, чем твоей.

И он побежал в комнату молодой девушки.

- Ура! - закричал он, входя. - Мне нечего делать целый день; нужно только сходить на гору и привести коня. - Прекрасно, - сказала Финетта, - но как вы это сделаете?

- Вот милый вопрос! - отвечал Ивон. - Разве трудно привести лошадь? Надеюсь, мне приходилось ездить и на более бешеных конях.

- Это не так легко, как вы думаете, - сказала Финетта, - Но я скажу вам, что надо сделать. Когда вы подойдёте к животному, из его ноздрей, как из горнила, вылетят искры и пламя; но вы возьмите с собой удила, которые спрятаны за дверью конюшни, бросьте их прямо в рот лошади. Она тотчас же станет смирна, как овечка, и вы сделаете с ней всё, что угодно.

- Я послушаюсь вашего совета, - сказал Ивон и, усевшись рядом с Финеттой, стал с ней болтать. О чём говорили они? О разных разностях; но как бы далеко ни залетали их мечты, они постоянно возвращались к своему обещанию не разлучаться и к плану бегства от великана. Время летит быстро в таких разговорах; наступал вечер; Ивон забыл и о лошади, и о великане, и Финетта принуждена была отправить его за

конём, наказав исполнить поручение до возвращения хозяина.

Ивон взял с собой спрятанные за дверью конюшни удила и побежал на гору. И вот видит он, что к нему скачет конь величиной почти со слона, а из ноздрей искры и пламя летят.

Ивон смело дождался, пока не приблизится громадное животное, и, когда оно открыло свою огненную пасть, бросил в неё удила. И тотчас же лошадь стала смирна, как овечка. Ивон заставил её опуститься на колени, взобрался к ней на спину и спокойно возвратился домой.

Покончив с этим делом, наш бретонец сел на скамейку у двери дома и, как только

показался великан, стал смотреть на небо и болтать ногами, напевая родную песню.

- Привел ты коня? - спросил, хмуря брови, великан.

- Да, хозяин, - отвечал, не двигаясь с места Ивон. - Это красивое животное и делает вам честь: смирное, послушное и хорошо выезженное. Оно ест корм в конюшне.

- Посмотрим! - заревел великан. Он вошёл, ворча, в конюшню, нашёл всё в порядке и выбежал разъярённый.

- Ты видел мою Финетту? - закричал он. - Не из своей же головы выдумал ты такую штуку!

- Хозяин, - сказал Ивон, разевая рот и закрывая глаза, - опять та же история! Что это такое - моя Финетта? Раз навсегда прошу вас, покажите мне это чудовище.

- Замолчи, глупец! - отвечал великан. - Ты и так слишком скоро её увидишь.

На третий день на рассвете великан собрал овец, чтобы погнать их в поле, но перед уходом сказал Ивону:

- Сегодня ты пойдёшь в ад за оброком. А потом, - прибавил он со злой усмешкой, - ты можешь отдыхать целый день. Ты видишь, что я добрый хозяин.

- Добрый хозяин, положим, - пробормотал Ивон, - но от этого задача не легче. Пойду к моей Финетте, как говорит великан. Мне очень сегодня нужна её помощь.

Спросив у своего друга, какое дело дано ему на этот день, Финетта сказала:

- Ну, как же на этот раз вы за него возьмётесь?

- Я решительно не знаю, - печально отвечал Ивон. - Я никогда не бывал в аду и, если бы даже нашёл туда дорогу, то всё равно не знал бы, что спросить. Говорите, слушаю.

- Видите вы там большую скалу? - сказала Финетта. - Это один из входов в ад. Возьмите эту палку и ударьте ею три раза о камень. Тогда выйдет демон весь в огне. Вы скажете ему о цели своего прихода; он спросит, сколько вы хотите? Смотрите же, не забудьте ему ответить: не больше, чем могу снести на себе.

- Я исполню ваш совет, - сказал Ивон и, усевшись рядом с Финеттой, стал с ней разговаривать. Он просидел бы тут долго, если бы под вечер молодая девушка не послала его к большой скале исполнять поручение великана.

Придя на указанное место, Ивон увидел громадную гранитную глыбу; он ударил по ней три раза палкой. Скала разверзлась, и из неё вышел демон весь в огне.

- Что тебе нужно? - закричал он страшным голосом.

- Я пришёл от великана за obroком, - отвечал без смущения Ивон.

- Сколько ты хочешь?

- Мне не нужно больше, чем я могу снести на себе.

- Счастье твоё, что не спросил больше, - отвечало огненное чудовище. - Войди в эту пещеру; там ты найдёшь то, что тебе нужно.

Ивон вошёл в пещеру и раскрыл глаза от удивления. Всюду лежало золото, серебро,

бриллианты, карбункулы, изумруды, и их было так много, как песку на дне морском. Молодой Кервер наполнил этими сокровищами мешок, взвалил его себе на спину и спокойно возвратился домой.

Окончив дело, наш бретонец сел на скамейку у двери дома. Увидев великана, он стал смотреть на небо и болтать ногами, напевая родную песню.

- Ходил ты в ад за оброком? - спросил, нахмутив брови, великан.

- Да, хозяин, - ответил Ивон, не двигаясь с места. - Мешок перед вашими глазами, в нём оброк.

- Посмотрим, - заревел великан. Он развязал мешок, который был так полон, что золото и серебро посыпались со всех сторон.

- Ты видел мою Финетту, - закричал он, - не из своей же головы выдумал ты такую штуку!

- Хозяин, - сказал Ивон, разевая рот и закрывая глаза, - опять та же история; вы всё твердите одно и то же: моя Финетта, да моя Финетта. Раз навсегда прошу вас, покажите мне эту штуку.

- Ладно, ладно, - заревел в бешенстве великан. - Подожди до завтра; я тебя с ней познакомлю.

- Спасибо, хозяин, это очень мило с вашей стороны; но я вижу по вашему весёлому лицу, что вы шутите со мной.

На другой день великан ушёл, не дав никакого поручения Ивону, что обеспокоило Финетту. Среди дня он возвратился без стада, жалуясь на жажду и усталость, и сказал молодой девушке:

- Ты увидишь у дверей мальчика, моего слугу; зарежь его и положи варить в большой котёл. Когда бульон будет готов, позови меня. - Затем он растянулся на постели и погрузился в сон. Он храпел так громко, точно раскаты грома потрясали горы.

Финетта приготовила плаху, взяла большой нож и, позвав Ивона, чуть-чуть порезала ему мизинец; три капли крови упали на плаху.

- Достаточно, - сказала молодая девушка, - теперь помогите мне наполнить котёл.

Они побросали в него всё, что только нашли: старые платья, старые башмаки, старые ковры! Затем Финетта взяла Ивона за руку и повела в первые три комнаты. Здесь она отлила три шарика из золота, два из серебра и один из меди, вышла из дому и побежала к морю.

- Вперёд, Керверы! - закричал Ивон, как только вышел в поле. - Объясните мне, дорогая Финетта, что за комедию мы разыгрываем в настоящую минуту?

- Бежим, бежим! - сказала она. - Если до заката солнца мы не покинем этого проклятого острова, мы погибли.

- Вперёд, Керверы! - отвечал, смеясь, Ивон. - Мне не страшен великан.

Прохрапев с добрый час, великан потянулся, открыл один глаз и закричал:

- Скоро ли готово?

- Начинает кипеть, - отвечала с плахи первая капля крови.

Великан повернулся на другой бок и прохрапел ещё часа два. Потом потянулся, открыл один глаз и закричал:

- Эй, слышишь ты! Скоро готово?

- Суп кипит, - отвечала с плахи вторая капля крови.

Великан повернулся на другой бок и проспал ещё час. Потом вытянул свои громадные члены и нетерпеливо закричал:

- Неужели ещё не готово?

- Готово, - отвечала с плахи третья капля крови.

Великан приподнялся на постели, протёр глаза и стал искать того, кто с ним разговаривал; но сколько ни смотрел, никого не видел.

- Финетта! - заревел он, - почему ты не накрыла на стол?

Никакого ответа. Разъярённый великан соскочил с кровати, взял свою ложку, походившую на котёл, насаженный на вилы, и погрузил в чугунок, чтобы попробовать суп.

- Финетта, - заревел он, - ты не положила соли. Что это за бульон! Он не имеет никакого вкуса.

Да, но зато в нём плавал его ковёр, который не успел ещё совсем развариться. При виде его великан пришёл в такую ярость, что не мог удержаться на ногах.

- Злодеи насмеялись надо мной! - закричал он. - За это они поплатятся.

Он вышел из дому с палкой в руке и так зашагал, что через четверть часа догнал беглецов ещё далеко от берега. От радости он выпустил такой рёв, что разбудил эхо на двадцать миль в окружности. Финетта остановилась, дрожа всем телом. Ивон прижал её к своему сердцу.

- Вперёд, Керверы! - воскликнул он. - Море не далеко; мы будем там раньше нашего врага.

- Вот он! Вот он! - закричала Финетта, указывая на великана, который был уже не более, как в ста шагах. - Мы погибнем, если этот талисман не спасёт нас. - Она

взяла медный шарик и бросила его на землю со словами:

Медный шарик, медный шарик, выручай!
Догнать нас злодею помешай.

И тотчас же земля разверзлась со страшным треском. Громадная расщелина, бездонная пропасть остановила великана, который уже протянул было руку, чтобы схватить свою жертву.

- Бежим! - закричала Финетта, увлекая Ивона, который насмешливо посматривал на великана и напевал песенку:

Оборотни, оборотни, буки,
Попадитесь вы нам в руки.

Великан бегал взад и вперёд около пропасти, как медведь в клетке, ища и не находя прохода. Наконец, в бешенстве вырвал с корнем громадный дуб и перекинул через пропасть. Дерево упало и своими ветвями чуть не раздавило беглецов; великан сел верхом на этот естественный мост, который согнулся под ним, и в этом положении, вися между небом и землёй, стал медленно, путаясь в ветвях, подвигаться вперёд. Когда он достиг края пропасти, Ивон и Финетта были уже на берегу; перед ними расстилалось море.

Но увы, не было ни лодки, ни корабля. Беглецам предстояла гибель. Всегда неустрашимый Ивон стал собирать камни, чтобы напасть на великана и дорого продать свою жизнь, а встревоженная Финетта вынула

серебряный шарик и бросила в воду, проговорив:

Серебряный шарик, серебряный шарик, спаси
От этого нехристя нас унеси.

Едва она произнесла эти магические слова, как из глубины моря выплыл прекрасный корабль, словно лебедь, распутивший навстречу ветру свои белоснежные крылья.

Ивон и Финетта бросились в море; им подали верёвку и, когда разъярённый великан подбежал к берегу, корабль уже плыл на всех парусах, оставляя за собой длинную полосу светящейся пены.

Великаны не любят воды. Это доказал уже старик Гомер, знавший Полифема; то же утверждают все "Естественные истории", заслуживающие этого названия. Властелин Финетты был похож на Полифема. Увидев, что пленники ускользнули от него, он заревел и в нерешимости стал бегать вдоль берега, бросая в корабль громадными глыбами скал, которые, к счастью, падали по сторонам, делая только большие чёрные дыры в море. Наконец, обезумев от бешенства, он бросился очертя голову в волны и поплыл с ужасающей быстротой. С каждым взмахом руки он подвигался вперёд на сорок футов, пыхтя, как кит, и, как кит, рассекая и побеждая волны. Мало-помалу он догнал своих врагов: оставалось только сделать последнее усилие, чтобы схватить руль; но Финетта бросила в море второй серебряный шарик и со слезами воскликнула:

Серебряный шарик, серебряный шарик,
помоги!

От этого нехристя нас обереги.

Тотчас же в пенистых волнах показалась гигантская пила-рыба; нос её был по крайней мере двадцати футов длины. Она бросилась за великаном, который едва успел нырнуть, и преследовала его под водой и на гребне волн, несмотря на все его увёртки, до тех пор, пока не заставила спастись на свой остров. Несчастный достиг его с большим трудом и, весь мокрый, измученный и побеждённый, упал на песок.

- Вперёд, Керверы! Мы спасены! - воскликнул Ивон.

- Нет ещё, - сказала, дрожа от страха, Финетта. - Крёстная мать великана - колдунья; я боюсь, что она отомстит мне за нанесённую её крестнику обиду. Благодаря моему дару я узнала, что если вы покинете меня хотя бы на одну минуту... Дорогой Ивон, я должна опасаться всего до того дня, когда вы дадите мне своё имя в домово́й церкви Керверов.

- Клянусь гербом моих предков! - сказал Ивон, - у вас, дорогая Финетта, душа не бретонки, а зайца. Разве я не с вами? Или собираюсь вас покинуть? Или вы думаете, что небо вырвало нас из когтей этого чудовища для того, чтобы утопить у пристани?

Он так искренно смеялся, сверкая своими прекрасными белыми зубами, что и Финетта стала смеяться над своим страхом. О, молодость, молодость! Как быстро проходят

твои огорчения! После дождя так скоро вновь проглядывает солнце, что даже печали твои приятнее самых счастливых дней старости.

4

Остальной путь они совершили благополучно; казалось, невидимая рука направляла корабль к берегам Бретани. Спустя двадцать дней после отъезда, юные путешественники подъезжали в лодке к берегу маленькой бухты, недалеко от замка Керверов. Сойдя на землю, Ивон обернулся, чтобы поблагодарить экипаж; но никого уже не было. И лодка, и корабль скрылись в волнах, не оставив никакого следа, словно крыло чайки.

Ивон узнал место, где так часто в детстве собирал раковины и ловил в норах крабов. Через полчаса, даже раньше, он должен был увидеть своды и башни старого замка. Сердце его забилося: он нежно посмотрел на Финетту и в первый раз заметил её необыкновенный наряд, совершенно неприличный для дамы, которая сейчас должна была войти в почтенный дом Керверов.

- Дорогое дитя, - сказал он, - барон, мой отец, знатный барин, привыкший к общему уважению. Я не могу представить вас ему в этом цыганском наряде, вам не подобает также идти пешком в наш величественный замок; это пристойно только мужчинам. Подождите меня несколько минут; я возвращусь с платьями и иноходцем моей сестры. Я хочу, чтобы вас приняли, как особу знатного происхождения, и чтобы при

вашем появлении мой отец сам вышел на-встречу и почёл за честь предложить вам руку.

- Ивон, Ивон! - воскликнула Финетта, - не покидайте меня. Как только вернётесь домой, вы меня забудете, я это знаю.

- Забыть вас! - воскликнул Ивон. - Если бы кто-нибудь другой нанёс мне такую обиду, я показал бы ему с мечом в руке, что значит сомневаться в Кервере. Забыть вас, моя Финетта! Вы не имеете понятия о верности бретонца.

Бретонцы - верны, в этом никто не сомневается, но надо отдать им справедливость, что они ещё в большей степени упрямы. Напрасно молила бедная Финетта; ей пришлось уступить. Покоряясь против воли, она сказала Ивону:

- Хорошо, идите без меня в свой замок, но не оставайтесь там дольше того времени, которое нужно, чтобы поздороваться с вашими родными. Бегите прямо в конюшню и возвращайтесь как можно скорей; вас окружают - сделайте вид, что вы никого не видите, а, главное, ничего не ешьте и не пейте. Если вы выпьете хоть один стакан воды, нас постигнет несчастье.

Ивон дал слово исполнить всё, чего требовала Финетта, но в душе он смеялся над женской слабостью. Он был уверен в себе и с гордостью думал, что бретонцы совсем не походят на легкомысленных французов, слова которых, как говорят, улетучиваются при первом дуновении ветра.

Когда наш искатель приключений вошёл в старый замок, он с трудом узнал его

мрачные стены. Все окна снаружи и внутри были украшены зеленью и цветами, а двор усыпан свежей травой; с одной стороны стояли обильно уставленные кушаньями столы, где сидр лился рекой. С другой - весело играли, взобравшись на бочки, музыканты. Вассалы барона, мужчины и женщины, в лучших нарядах, танцевали и пели, пели и танцевали. В замке было большое торжество; даже барон улыбался. Он выдавал замуж свою пятую дочь за рыцаря де Кернавалена; этот блестящий брак прибавлял лишний цветок к знаменитому гербу древнего рода Керверов.

Все пирующие узнали Ивона и, приветствуя, окружили его. Его целовали, брали за руки. Где он был? Откуда приехал? Завоевал ли королевство или герцогство? Не привёз ли новобрачной убор какой-нибудь королевы? Покровительствовали ли ему феи? Сколько соперников поверг он на землю на турнирах? Все эти вопросы разом посыпались на него и остались без ответа.

Ивон почтительно поцеловал руку отца, побежал в комнаты своих сестёр, выбрал два самых лучших платья, вошёл в конюшню, оседлал иноходца, вскочил на прекрасного испанского коня и направился было к воротам, но тут увидел перед собой родителей, друзей, оруженосцев и вассалов со стаканами в руках: все желали чокнуться с молодым господином и поздравить его с благополучным возвращением.

Ивон приветливо раскланивался и приветствовал жестом эту толпу друзей, понемногу прокладывая себе сквозь них дорогу, как

вдруг при самом выезде, у опущенного подъёмного моста, к нему подошла незнако-
мая дама, быть может, сестра новобрачного,
блондинка с гордым и высокомерным видом,
держа двумя пальцами красное яблочко.

- Прекрасный рыцарь, - сказала она со
странной улыбкой, - вы не откажете даме
в её первой просьбе. Попробуйте это яблоко,
прошу вас. Если после такого долгого путе-
шествия вы не чувствуете ни голода, ни
жажды, то надеюсь, не забыли, по крайней
мере, правила вежливости.

На такой вызов Ивон не решился отвечать
отказом. И он дурно сделал. Едва только
попробовал он яблоко, как стал озиаться
кругом, точно спросонок.

- Зачем я сижу на этой лошади? -
подумал он. - Что означает этот иноходец,
которого я веду за собой? Разве моё место
не на свадьбе сестры около моего отца?
Зачем мне ехать из замка?

Он бросил поводья одному из оруженос-
цев, ловко соскочил на землю и предложил
руку белокурой даме, которая тотчас же её
приняла и в знак благосклонности дала ему
на хранение свой букет.

К концу дня в замке Керверов
прибавилась ещё чета обручённых. Ивон пок-
лялся в верности незнакомке. Финетта была
забыта.

5

Между тем Финетта, сидя на берегу
моря, целый день ждала Ивона; но он не
возвращался. Когда солнце скрылось в баг-
ровых волнах, Финетта, вздыхая, встала и

одна отправилась в замок. Пройдя немного по дороге, окаймлённой цветущим дёрном, она увидела перед собой ветхую избушку, у порога которой беззубая старушонка готовилась доить корову. Финетта подошла к ней и, вежливо поклонившись, попросила приютить её на ночь.

Старуха оглядела незнакомку с ног до головы. В своих опушённых мехом сапожках, широкой тёмно-красной юбке, голубом, обшитом янтарём корсаже и диадеме Финетта была больше похожа на цыганку, чем на христианку. Старуха нахмурила брови и, грозя кулаком бедной покинутой девушке, закричала:

- Пошла прочь, колдунья! Тебе не место в этом честном доме.

- Добрая бабушка, - сказала Финетта, - дайте мне хоть уголок в хлеву.

- А! Тебе нужно уголок в хлеву? - со смехом сказала старуха, выставя единственный торчавший, как клык, зуб. - Ты его получишь, если наложишь мне целый подойник золота.

- Согласна, - спокойно отвечала Финетта. Она открыла, висевший на поясе кошелек, достала золотой шарик и, бросив его в подойник, проговорила:

Сокровище моё, шарик золотой,
Помоги мне, мой дорогой.

И вдруг на дне подойника застучали червонцы и стали наполнять его, прыгая, как рыбы в сети, между тем как старуха, став на колени, с изумлением смотрела на это чудо.

Когда подойник наполнился, она вскочила, надела его на руку и, кланяясь Финетте, закричала:

- Сударыня, я оставляю вам всё: и дом, и корову, и всё остальное. Ура! Я уйду в город и буду жить там барыней, ничего не делая. Ах, если бы мне было только шестьдесят лет!

И ковыляя со своим костылём, старуха без оглядки побежала к замку Керверов.

Финетта вошла в хижину. Это была отвратительная лачужка, тёмная, низкая, сырая, вонючая, вся в пыли и паутине. Печальное убежище для молодой девушки, привыкшей жить в громадном доме великана. Финетта спокойно подошла к очагу, где дымилось несколько полусырых веток терновника, вынула из кошелька второй золотой шарик и, бросив его в огонь, проговорила:

Сокровище моё, шарик золотой,
Помоги мне, мой дорогой.

Тотчас же золото расплавилось, закипело и разлилось, как вода, по всей хижине; и

вот вся избушка, стены, крыша, деревянное кресло, табурет, сундук, постель, рога у коровы, даже пауки на паутине - всё превратилось в золото. Хяжина стала похожа на китайский домик. При свете луны он блестел сквозь чащу деревьев, как звёзды среди ночного мрака.

Подойв корову и выпив немного молока, утомлённая Финетта бросилась, не раздеваясь, в постель и заснула вся в слезах. Старухи не умеют держать язык за зубами, по крайней мере в Бретани. Как только хозяйка избушки пришла в соседнюю с замком Керверов деревню, она тотчас же побежала к полевому сторожу. Он был важным лицом и много раз приводил в трепет старуху, когда она по ошибке пасла свою корову на поле соседа. Сторож выслушал её сообщение и, покачивая головой, заявил, что дело сильно пахнет колдовством, затем с таинственным видом принёс весы, взвесил золотые монеты и, найдя их доброкачественными, оставил у себя столько, сколько мог. В заключение он посоветовал старухе никому не рассказывать об этом происшествии.

- Если судья или сенешал вмешаются в это дело, - сказал он, - то в самом лучшем случае, бабушка, ты никогда больше не увидишь этих блестящих золотых вещей. Правосудие беспристрастно. Без снисхождения и брезгливости оно берёт всё.

Старуха поблагодарила сторожа за совет и дала себе слово ему последовать. Поэтому вечером она рассказала всю историю только двум соседкам, самым лучшим приятельницам, и обе поклялись ей головой своих

маленьких детей хранить тайну. Клятва была так торжественна и ненарушима, что на другой день к полудню в деревне не было ни одного мальчика, который не показывал бы пальцем на старуху. Даже собаки, казалось, своим лаем говорили: *смотрите, смотрите, вот бабушка с червонцами!*

Далеко не каждый день приходится встречать молодых девушек, занимающихся наполнением подойников золотом. Будь даже такая особа немножко колдуньей, она всё же оказалась бы в доме сущим сокровищем. Эти мудрые соображения пришли в голову вечером перед отходом ко сну полевому сторожу, который был ещё не женат. Поэтому он встал до рассвета и пошёл дозором в ту сторону, где поселилась иностранка. При первых лучах солнца он издали заметил какое-то сияние в лесу и был сильно удивлён, когда вместо несчастной лачужки увидел золотой дом. Но восторг и изумление его ещё увеличились, когда, войдя в этот дворец, он увидел у окна прекрасную девушку с чёрными волосами, которая прядла с величием императрицы.

Полевой сторож, как все мужчины, знал себе цену и в глубине души был уверен, что на свете нет женщины, которая не сочла бы за необычайное счастье отдать ему свою руку. Поэтому без всякого колебания он объявил Финетте, что пришёл сюда, чтобы жениться на ней. Молодая девушка расхохоталась; это привело в бешенство полевого сторожа.

- Берегитесь, - сказал он громовым голосом, - я здесь начальник. Никому не известно, кто вы и откуда явились. Чер-

вонцы, данные вами старухе, подозрительны, и в этом доме нечисто. Если вы сию же минуту не согласитесь быть моей женой, я вас арестую и сегодня же, быть может, перед замком Керверов сожгут на костре колдунью.

- Вы очень любезны, - сказала с грациозной улыбкой Финетта, - у вас своеобразная манера ухаживать за дамами. Каждый благовоспитанный человек, даже в случае их согласия, щадит их робость и скромность.

- Что касается нас, бретонцев, то мы люди решительные; мы идём прямо к цели. Брак или тюрьма! Выбирайте.

- Хорошо, - сказала Финетта, откладывая в сторону свою прялку. - Ах, посмотрите, на пол упал огонь.

- Не беспокойтесь, - сказал сторож, - я положу головню на очаг.

- Поправьте хорошенько огонь, - сказала Финетта, - сгребите пепел в середину. Взяли вы щипцы?

- Да, - отвечал сторож, подбирая трещавшие головни.

- Абракадабра! - закричала Финетта, вставая. - Держи же щипцы, злодей, и пусть они тебя держат до заката солнца.

Сказано - сделано. И сторож оставался тут целый день, поднимая щипцами и бросая на очаг дымящиеся головни, которые отскакивали ему в лицо, и отгребая летевший ему в глаза горячий пепел. Напрасно он кричал, просил, плакал, проклинал; никто не слышал его. Если бы Финетта осталась дома, она, конечно, сжалилась бы над несчастным; но, произнеся заклятие, она побежала к морю и здесь, забыв обо всём, стала поджидать Ивона, который всё не возвращался.

Как только солнце зашло, щипцы выпали из рук сторожа, и он пустился бежать без оглядки, точно сам дьявол гнался за ним по пятам. Он делал такие прыжки, выпускал такие вопли, был так черён, опалён и напуган, что вся деревня в страхе смотрела на него, как на сумасшедшего. Самые смелые пытались заговорить с ним, но он убежал, не отвечая, и скрылся в своём доме, посрамлённый больше, чем попавший в капкан волк.

Вечером, когда опечаленная Финетта возвратилась в своё жилище, она застала там уже не сторожа, а другого, хотя и не менее грозного, посетителя.

Местный судья, узнав историю с червонцами, также решил жениться на иностранке. Он не был так груб, как сторож; это был весёлый толстяк, который не мог сказать слова, не покатываясь со смеху и не показывая своих жёлтых зубов. Но, в сущности, он был не менее навязчив и грозен, чем его предшественник. Финетта умоляла гос-

подина судью оставить её в покое; господин судья расхохотался и дал вежливо понять своей невесте, что по праву присвоенному его должности, он может сажать в тюрьму и вешать без суда и следствия. Финетта со слезами и мольбой сложила руки. Вместо всякого ответа судья вынул из кармана свёрток пергамента, написал на нём акт о

бракосочетании и объявил Финетте, что он не уйдёт, пока она его не подпишет, хотя бы ему пришлось провести в её доме всю ночь.

- Но, - прибавил он, если моя особа вам не нравится, я не буду настаивать; вот другой лист пергамента, на котором я могу написать всё, что угодно, и если вид мой вам неприятен, нет ничего легче, как закрыть вам глаза.

Говоря это, он провёл рукой вокруг шеи и высунул язык, поистине так мило, что мог развеселить всякого.

- Боже мой! - сказала Финетта. - Я, быть может, и решилась бы на то, чего вы желаете, если бы я была уверена, что найду в вас доброго мужа; но я боюсь...

- Чего же, дорогое дитя? - сказал судья, улыбаясь и уже принимая гордый вид, как распутивший хвост павлин.

- Неужели вы думаете, - отвечала она капризным тоном, - что добрый муж оставил бы эту дверь отворённой и не чувствовал бы, что холодный ветер дует на его жену?

- Вы правы, моя красавица, - сказал судья, - я невежлив, но сейчас исправлю свой промах.

- Вы нашли засов? - спросила Финетта.

- Да, моя прелесть, - отвечал счастливый судья, - я сейчас запру им дверь.

- Абракадабра! - закричала Финетта. - Пусть же дверь тебя держит, злодей, и держи её сам до рассвета.

И дверь начала отворяться и затворяться, стучаясь о стены, точно орёл, махающий крыльями. Посудите же сами, как выплясы-

вал бедный пленник целую ночь. Ни разу ему не приходилось танцевать такой танец, и я полагаю, что он никогда после того не желал повторить его. То он сам распахивал дверь на улицу, то дверь его прихлопывала, чуть не придавливая к стене. Он бегал взад и вперёд, кричал, проклинал, плакал, просил. Напрасный труд: дверь была глуха к его мольбам, а Финетта спала.

На рассвете его сжатые руки раскрылись, и он хлопнулся головой о землю. Недолго думая, он бросился бежать, как будто его преследовали сарадины. Он даже не оглядывался, боясь, что дверь гонится за ним по пятам. К счастью, когда он возвратился домой, все ещё спали, и он мог спрятаться в постель прежде, чем печальный вид его был кем-либо замечен. Великое счастье! Он был в пыли с головы до ног и так бледен, растерян и испуган, что его могли принять за убежавшую из ада тень мельника.

Когда Финетта открыла глаза, она увидела около своей постели высокого человека, в чёрном платье, бархатной шляпе и со шпагой, как у рыцаря.

То был сенешал двора и владений Керверов. Скрестив руки, он смотрел на молодую девушку таким взглядом, который пронизал её холодом до мозга костей.

- Как твоё имя, вассалка? - спросил он громовым голосом.

- Финетта, к вашим услугам, сударь, - отвечала она, дрожа всем телом.

- Этот золотой дом и эта золотая мебель принадлежит тебе?

- Да, сударь, всё к вашим услугам.

- Именно этого я и хочу, - сурово заметил сенешал. - Встань, вассалка, я хочу оказать тебе честь: я женюсь на тебе и беру под своё покровительство твою личность и имущество.

- Сударь, - сказала Финетта, - это слишком большая честь для такой бедной девушки, как я; я иностранка и не имею ни родных, ни друзей.

- Замолчи, вассалка! - сказал сенешал. - Я твой властелин и начальник и не нуждаюсь в твоём мнении. Подпиши эту бумагу.

- Сударь, - отвечала Финетта, - я не умею писать.

- Неужели ты воображаешь, что я умею лучше тебя? - возразил сенешал голосом, от которого задрожал дом. - Уж не принимаешь ли ты меня за писаря? Простой крест - вот подпись рыцарей. - Он поставил большой крест на бумаге и протянул перо Финетте.

- Подпиши, - сказал он. - Если ты боишься поставить крест, то сама произносишь себе приговор, безбожница, и я принимаю на себя его исполнение.

И говоря это, он вынул из ножен тяжёлую шпагу и бросил на стол. Вместо ответа Финетта выскочила в окно и спряталась в хлеве. Сенешал бросился за ней, но когда он хотел войти, его задержало непредвиденное препятствие. Испуганная корова при виде молодой девушки попятилась назад и заняла проход. Финетта держала её за рога, пользуясь ею, как щитом.

- Ты не уйдёшь от меня, колдунья! - закричал сенешал и, схватив с силой, до-

стойной Геркулеса, корову за хвост, вытащил её из хлева.

- Абракадабра! - закричала Финетта. - Пусть же коровий хвост тебя держит, злодей, и держи его сам до тех пор, пока вы вместе не сделаете кругосветного путешествия.

И вот корова полетела, как молния, влача за собой несчастного сенешала. Ничто не могло остановить неразлучных путешественников; они бежали через горы и доли, переносились через болота, реки, рвы и леса, скользили по поверхности моря, не погружаясь в воду, мёрзли в Сибири, пеклись на солнце в Африке, взлетели на Гималаи, спустились с Монблана, и наконец, после тридцатishестичасового беспримерного путешествия остановились, задыхаясь и выбившись из сил, на площади деревни Керверов.

Сенешал, прикованный к коровьему хвосту - такое зрелище, которое не каждый день случается видеть. Поэтому все поселяне и крепостные окружили его, чтобы посмотреть на это чудо. Но как ни был сенешал растерзан по милости африканских кактусов и азиатских кустарников, он нисколько не утратил своего величия. Грозным жестом рассеял он толпу черни и, ковыляя, отправился домой, чтобы освежиться и отдохнуть, в чём он начинал чувствовать потребность.

6

В то время, как полевой сторож, судья и сенешал претерпевали эти маленькие не-

взгоды, рассказывать о которых они считали излишним, в замке Керверов готовились к важному событию - к свадьбе Ивона и белокурой дамы. Всё было готово за два дня; из всей округи на двадцать миль кругом собрались друзья и знакомые. И вот

в одно прекрасное утро Ивон со своей невестой вместе с господином и госпожой де Кервер заняли место в большой разубранной зеленью колеснице и с большою пышностью отправились в знаменитый монастырь Сен-Маклу. Справа и слева жениха с невестой сопровождали сто рыцарей в железных латах на парадных разукрашенных лентами конях. В знак особого почёта у каждого из них было поднято забрало и опущено копьё. За каждым бароном ехал, держа знамя, оруженосец. Во главе процессии гарцевал с золотым жезлом в руках сенешал. За каретой шёл с важностью судья в сопровождении вассалов и вассалок, между тем как полевой сторож укрощал любопытную мятежную толпу поселян и крепостных, столько же невоздержанных в своей страсти к зрелищам, как и в болтовне.

Но едва отъехали с милю от замка, как при переправе через ручей у колесницы сломался один из вальков. Пришлось остановиться. Исправив повреждение, хлестнули лошадей; они так сильно дёрнули, что и другой валёк разлетелся на несколько частей. Шесть раз переменили этот злополучный кусок дерева, шесть раз он снова ломался, и всё никак не могли выбраться из ямы, в которой увязла свадебная колесница.

Каждый подавал советы; крестьяне, занимавшиеся тележным ремеслом, не отставали от других, стараясь щегольнуть знанием дела. Это придало смелости полевому сторожу; он подошёл к барону Керверу, снял шляпу и, почёсывая затылок, сказал:

- Ваша светлость, в доме, который блестит там сквозь листву, живёт иностранка, которая так щедра, как никто. Попросите её одолжить вам свои щипцы, чтобы из них сделать валёк; я думаю, они-то выдержат до завтра.

Барон кивнул головой; десять человек крестьян побежали к дому Финетты, которая очень охотно дала им золотые щипцы. Их вставили на место валька, пристегнули построжки; лошади рванули и вынесли колесницу, как пёрышко.

Радость была общая, но она продолжалась недолго. Через сто шагов затрещало и выпало дно колесницы, и с ним едва не погибла, как будто сброшенная в яму, благородная семья Керверов. Каретники и тележники тотчас же принялись за работу, напилили досок, прибили крепко-накрепко гвоздями и в одно мгновение ока поправили беду. Вперёд, Керверы! Двигаются в путь; полколесницы остаётся позади; госпожа Кервер неподвижно сидит рядом с невестой в то время, как Ивон с бароном несутся вскачь.

Новое затруднение, новое отчаяние. Но все усилия напрасны; три раза чинили колесницу, и три раза она снова ломалась. Можно было подумать, что она заколдована.

Каждый подавал советы; это придало смелости судье. Он подошёл к барону де Керверу и, отвесив низкий поклон, сказал:

- Ваша светлость, в доме, который блестит там сквозь листву, живёт иностранка, которая так щедра, как никто. Попросите её одолжить вам половинку двери, чтобы сде-

лать из неё дно колесницы; я думаю, она-то выдержит до завтра.

Барон кивнул головой; двадцать человек крестьян побежали к Финетте, которая очень охотно отдала золотую половинку двери. Её вставили в колесницу, и она пришлась так хорошо, точно нарочно для этого была сделана. В путь! Монастырь уже виден, конец всем дорожным передрягам. Ничуть не бывало! Лошади останавливаются и не хотят везти дальше. Вместо четырёх лошадей впрягли шесть, восемь, десять, двенадцать, двадцать четыре; напрасный труд: колесница не трогалась с места. Чем больше хлестали лошадей, тем глубже погружались в землю колеса, точно резак у плуга.

Что делать? Идти пешком было совестно. Сесть верхом на лошадей и подъехать к монастырю, подобно простым мещанам, было не в обычае у Керверов. Поэтому всеми силами старались поднять колесницу, толкали колёса, кричали, сердились. Но несмотря на то, что говорили много, вперёд не двигались. Между тем наступал вечер, и назначенное для венчания время истекало.

Каждый подавал советы; это придало смелости сенешалу. Он подошёл к барону де Керверу, слез с коня и, сняв бархатную шляпу, сказал:

- Ваша светлость, в доме, который блесит там сквозь листву, живёт иностранка, которая так щедра, как никто. Попросите её одолжить вам свою корову, чтобы довезти колесницу; я думаю, что это животное будет везти хоть до завтра.

Барон кивнул головой, и тридцать человек крестьян побежали к Финетте, которая очень охотно дала им свою корову с золотыми рогами.

Въехать в монастырь на корове, быть может, и не соответствовало мечтам белокурой дамы: но это было лучше, чем сидеть на дороге, не венчаясь.

И так корову впрягли во главе четвёрки и ждали, что будет делать хвалёное животное.

Но не успел кучер ударить бичом, как корова понеслась вскачь, как будто хотела снова совершить кругосветное путешествие. Лошади, колесница, барон и невеста, кучер — всё умчалось за бешеным животным. Напрасно рыцари пришпоривали коней, чтобы поспеть за женихом и невестой, напрасно вассалы и крестьяне бежали со всех ног напрямик, желая пересечь ей дорогу; колесница неслась, как на крыльях, даже птица не могла бы её догнать.

Подъехав к воротам монастыря, несколько утомлённая быстрой ездой свита не прочь была сойти с коней. Всё было готово для церемонии; уже давно ожидали жениха с невестой. Но вместо того, чтобы остановиться, корова понеслась ещё быстрее. Тринадцать раз обежала она вокруг монастыря, с бешеной быстротой колеса горшечника; затем вдруг повернула на дорогу к замку и поскакала прямо через поля с такою быстротою, что едва не разбила в пух и прах всех Керверов, пока не доставила их в древний замок.

В этот день нечего было и думать о свадьбе. Но столы были накрыты, кушанья поданы, и барон Кервер был слишком благородный рыцарь, чтобы отпустить своих добрых бретонцев, не дав им, согласно обычаю, вдоволь попить, то есть от заката до восхода солнца и даже немного дольше.

Подали знак садиться. На дворе в восемь рядов, в виде лотков, было расставлено девяносто шесть столов. Напротив, на высокой, обитой бархатом, эстраде, с балдахином посредине, возвышался стол более широкий, чем все остальные, и уставленный цветами и плодами, не говоря уже о жареных козулях и павлинах, дымившихся из-под украшавших их перьев. Здесь, на виду у всех, чтобы не лишить никого удовольствия, должны были сидеть новобрачные. Обычай требовал, чтобы самый последний крепостной мог удостоиться чести поздравить молодых и осушить кружку мёду за здоровье и благополучие знаменитого и могущественного рода Керверов.

Барон пригласил за свой стол сто рыцарей, сзади которых поместились, чтобы прислуживать им, их оруженосцы. Справа он посадил белокурую даму и Ивона, а слева оставил место свободным и, подзвав пажа, сказал:

- Беги, дитя моё, к иностранке, которая оказала нам так много услуг сегодня утром. Не её вина, если успех превзошёл её доброе желание. Скажи ей, что барон де Кервер благодарит её за помощь и просит на свадьбу рыцаря Ивона.

Придя в золотой дом, где Финетта горько оплакивала своего жениха, паж преклонил колени и от имени барона просил иностранку последовать за ним и удостоить чести присутствовать на свадьбе рыцаря Ивона.

- Кланяйся от меня своему господину, - гордо отвечала молодая девушка, - и скажи ему, что если он слишком большой барин, чтобы придти ко мне, то и я слишком знатна, чтобы идти к нему.

Когда паж передал барону ответ иностранки, господин де Кервер ударил по столу кулаком, так что три блюда взлетели на воздух.

- Клянусь небом! - воскликнул он. - Именно так подобает отвечать даме, и я тут же признаю себя побеждённым. Оседлайте моего коня! Оруженосцы и пажи, будьте готовы за мною следовать! - В сопровождении блестящей свиты барон подъехал к дверям золотого дома и сошёл с коня. Он извинился перед Финеттой, предложил ей руку, подал стремя и посадил её на коня сзади себя, ни дать, ни взять, как настоящую герцогиню. Дорогой он из деликатности не разговаривал с ней и, приехав в замок, с непокрытой головой подвёл к оставленному для неё почётному месту.

Отъезд барона Кервера наделал много шума; возвращение поразило ещё больше. Все спрашивали, кто эта дама, к которой с таким почтением относится гордый барон? Судя по костюму, она была иностранка. Не герцогиня ли нормандская или королева французская? За разъяснением обратились к полевому сторожу, судье и сенешалу. Полевой

сторож дрожал, судья бледнел, сенешал краснел, и все трое были немые, как рыбы. Молчание этих важных особ ещё более увеличило общее удивление.

Все взоры были устремлены на Финетту, а между тем на душе у неё была смертельная тоска. Ивон видел её и не узнал. Он бросил на неё равнодушный взгляд и снова продолжал нежный разговор с надменно улыбавшейся белокурой дамой.

В отчаянии Финетта вынула из кошелька золотой шарик, последнюю свою надежду. Продолжая разговаривать с бароном, который был очарован её умом, она повертела в руке шарик и прошептала:

Сокровище моё, шарик золотой,
Помоги мне, мой дорогой.

И вдруг шарик стал расти, расти и превратился в золотой кубок чудной работы, такой красивый, какого никогда ещё не приходилось видеть у себя на столе не только барону, но даже и самому королю.

Финетта сама налила в кубок ароматного мёду и, подозревая смущённого и прятавшегося сенешала, сказала самым ласковым голосом:

- Любезный сенешал, прошу вас, поднесите этот кубок рыцарю Ивону; я хочу выпить за его счастье, он не откажется принять мой тост.

Ивон небрежно взял кубок, поднесённый ему сенешалом на подносе из золота и эмали, кивнул головой иностранке, выпил мёд и, поставив перед собой кубок, снова обратился к занимавшей все его мысли

белокурой даме. Дама казалась встревоженной и рассерженной; но рыцарь шепнул ей несколько слов, от которых она пришла в восторг; глаза её заблестели, и рука снова опустилась на плечо Ивона.

Финетта опустила голову и заплакала. Всё было потеряно.

- Дети! - воскликнул громким голосом барон. - Наполняйте свои кубки! Выпьем все за любезность и красоту знатной иностранки, удостоившей нас своим присутствием. За владелицу золотого дома!

Все начали кричать и пить. Ивон ограничился только тем, что поднял кубок на уровень глаз. Но вдруг он задрожал и замер на месте, безгласный, с раскрытым ртом и неподвижным взглядом, точно ему представилось видение.

И действительно, то было видение. В кубке, как в зеркале, увидел Ивон всё прошлое. Великан его преследует; Финетта увлекает за собой; он садится вместе с ней на корабль, который спасает их обоих; и вместе с ней сходит на берег Бретани. Он оставляет её, но только на минуту; она плачет при расставании. Где же она? Рядом с ним, конечно. Кто же другой, кроме Финетты, мог сидеть рядом с Ивоном?

Он наклонился к белокурой даме и вскрикнул, как будто наступил на змею; затем, шатаясь, как пьяный, встал и угрюмо посмотрел вокруг, но, увидав Финетту, всплеснул дрожащими руками, бросился к ней и, упав на колени, воскликнул прерывающимся от рыданий голосом: "Финетта, Финетта, простишь ли ты меня?"

Нет выше счастья, как прощать. В тот же день Финетта сидела уже рядом с Ивоном и, Бог знает, что поверяли они друг другу, смеясь и плача в одно и то же время.

Что же случилось с белокурой дамой? Не знаю. При крике Ивона она исчезла. Молва утверждает, что из замка вылетела

отвратительная старуха, преследуемая лаем собак. Все Керверы сходились во мнении, что белокурая дама была не кто иная, как колдунья, крёстная мать великана. Во всяком случае, этот факт не настолько выяснен, чтобы я мог поручиться за его достоверность. Всегда благоразумнее думать, не имея даже

доказательств, что женщина - колдунья; но никогда нельзя этого утверждать. Не погрешая против правдивости историка, я могу только сказать, что прерванный на минуту пир возобновился и нисколько не потерял ни в продолжительности, ни в веселье.

На следующий день рано утром направились в домовую церковь, и, к своей сердечной радости, Ивон обвенчался с Финеттой, которая не боялась больше никаких бед. Затем пили, ели и танцевали в течение целых тридцати шести часов, и никто не подумал об отдыхе. У сторожа немного отяжелели руки, судья потирал себе по временам спину; сенешал чувствовал некоторое утомление в ногах, и у всех трёх на совести лежала какая-то тяжесть, от которой им хотелось освободиться; поэтому они кружились, как молодые люди, до тех пор, пока не свалились с ног и их не унесли. Финетта не думала об ином мщении. Её единственным желанием было видеть счастливыми вокруг себя всех, кто имел какое-нибудь отношение к знатному роду Керверов. Поэтому память о ней до сих пор живёт в Бретани. Каждый встречный покажет вам в развалинах замка статую доброй госпожи с пятью маленькими шариками в руке.

О з н а ч е н и и

в о л ш е б н ы х

с к а з о к

Латинский поэт Гораций сказал, что только того можно назвать истинным мудрецом, кто видел немало людей и вещей; я, в таком случае, великий мудрец, так как я слишком много видел, как тех, так и других, благодаря тем странствованиям, которые я совершил на своём веку. Плоды моих странствований - предлагаемые мною читателю волшебные сказки; я собирал их повсюду, где только мог. Замечу при этом, что чем более я узнавал людей, тем более я убеждался, что истину можно найти только в их вымыслах, и что они бывают разумны только в своих безумствах.

Волшебные сказки! Воскликнут серьёзные люди и утилитаристы, да на что нам этот вздор, только расстраивающий воображение наших детей. Нет, вы дайте им книгу готовых счислений (Bageme), или очаруйте их историей о трёх процентах и ей подобными; а если это вам не удаётся, то уже предоставьте нам занимать их и доставлять им минуты удовольствия, вам - минуты покоя. Счастлив тот, кто может собрать вокруг себя этот волнующийся народец, кому удастся приковать к себе эти большие, шаловливые и в то же время полные кротости глаза, и кто в состоянии по произволу заставлять трепетать от страха или биться от радости эти непорочные сердца. Что может быть приятнее этих детей, которым суждено, несколько лет спустя, когда вы кончите их воспитание, сделаться такими пошлыми людьми! Что может быть грациознее этих беленьких и розовеньких, с белокурыми и завитыми

головками девочек, которые также некогда, подобно их матерям.... будут очарованием и.... Довольно! На конце моего пера уже высохли чернила.

Пусть относится, кто хочет, с презрением к волшебным сказкам; что касается меня, то я считаю их одною из радостей моего детства, и до сих пор вспоминаю о них с особенным удовольствием. Сорок лет прошло с тех пор, как я рассказывал наизусть, ничего не понимая, целые места из превосходной книги Ломонд, одна только фраза из которой, в следующих словах осуждающая все грамматики: метафизика не для детей, - и осталась у меня в голове; в награду за эти рассказы мне позволили посещать библиотеку моего дедушки. Я ещё теперь вижу перед собою это почтенное святилище, где царили в полусвете на двух мраморных подставках - Вольтер и Руссо;

Qui depuis.... Rome alors admirait leurs vertus. (которые потом.... Рим тогда удивлялся их добродетелям).

Сам Нонотт не думал ещё тогда трактовать как каких-нибудь бездельников, ни автора Эмиля, ни защитника Ла-Барра, Сирвэна и Каласа. В этой библиотеке мимоходом я любовался прекрасными, находившимися в ней, книгами, рассматривать заглавия которых только и было мне позволено; эти книги были большая энциклопедия, позолоченные in-quarto аббата Райналя, сочинения философа Сан-Суси, Руссо и Вольтер, в неоконченном издании, Келля; пока наконец я доходил до произведения, занимавшего все мои мечты, до прелестнейшего из всех собраний, *Кабинета Волшебниц*, которым вдобавок я мог пользоваться. Раз овладев одним из этих драгоценных томов, я убегал в конец нашего сада, и там в беседке, совершенно закрытой бирючиною, напротив Сены и островка, с большими росшими по её берегам и роптавшими на малейший

ветерок тополями, я с восторгом вступал в царство фантазий.

Сколько путешествий совершил я вместе с принцем Счастливецем? С каким беспокойством смотрел я, не будучи в состоянии предупредить, как голубая птица попадала в западню, расставленную ей гнусным Трюитоном! Помню также сколько душевных тревог претерпел я, следя за доброю маленькою лягушкой, употребившей два или три года на то, чтобы вскарабкаться по лестнице для спасения одной несчастной принцессы, осуждённой на делание в течение этого времени паштетов из лапок мух! А *Тысяча и одна ночь*! Немало - таки походил я за Калифом и его великим визирем Джаифаром в странствованиях по улицам Багдада, и сколько раз трепетал я за судьбу сестры Шехеразады, горя в то же время желанием удавить султана, причём я совершенно забывал о том, что со смертью этого чудовища исчезли бы и все мои грёзы.

Читая эти чудесные рассказы я приходил в какое-то опьянение; мне казалось, что деревья, вода, цветы начали говорить и отвечать мне, и когда домовая собака, недовольная тем, что я с нею не возился, приходила ко мне и, кладя на книгу свою лапу или свою морду, выводила меня из моего заблуждения, то я с грустным участием всматривался в неё, сомневаясь, не была ли бедная Дагонна, имевшая такие кроткие и умные глаза, принцессою, жертвою какой-нибудь гнусной волшебницы. К счастью, сама принцесса, принимаясь лаять, разрушала моё очарование и возвращала меня к действительности. Много лет было проведено мною в этих мечтах, но с годами не пришла та мудрость, которою мне угрожали. Вместе с другими слабостями я сохранил и пристрастие к волшебным сказкам. И часто вечером, когда всё кругом меня погружено в сон, дневная работа покончена, и когда, наскучив

заниматься этим длинным рядом ужасов и глупостей, называемом историей, я могу наконец принадлежать самому себе, я возвращаюсь к друзьям моего детства, находящимся там в известном одному мне уголке? Там, за Лафонтеном, так восхищавшимся "*Ослиною Шкурою*", за Вольтером, который, имей он поменьше ума, да побольше скромности, был бы царём рассказчиков; за Гёте, этим другим философским чудовищем, всю свою жизнь любившим Восток, сказки, детей и цветы, у меня спрятаны Перро, *Тысяча и одна ночь* и мадам д'Ольнуа. Возле этих великих имён можно найти у меня очаровательные сказки Севера и Юга, служащие доказательством того, что людям, где бы они ни были, нужно чудесное, чтобы сделать жизнь их более сносною; сборник братьев Гриммов и итальянский *Пентамерон*, книгу, которую очень редко можно встретить, творение, полное весёлости и проказ; там же скандинавы протягивают руку кельтам; представителями Востока служат роман Антара, санскритские сказки Сомадэвы, переведённые на немецкий язык учёным Брокгаузом, *Гипотадеза*, *Волшебный Трон*, *Панча-Тантра*, причём персы имеют там так же своё место, не менее отличаясь в своих сказках как изобретательностью, так и смелостью; но, увы! учёный Жюльен не перевёл ещё нам с китайского *Лиоо-чайчи-и*, двадцать шесть книг волшебных сказок, без которых наши собрания всегда будут неполны.

Теперь спрашивается, откуда является в людях эта странная склонность к чудесному? Неужели оттого, что ложь приятнее истины? Но нет, волшебные сказки не ложь, и дитя, забавляется ли оно ими или приходит от них в ужас, не заблуждается в своих ощущениях ни на минуту. Сказки - это идеал, нечто более истинное, чем сама светлая истина, - торжество доброго, прекрасного, справедливого. Невинность в них всегда торжествует.

Правда, зачастую жертва проводит по тридцати лет в темнице вместе со змеями, иногда её даже раз-рубают на куски, но к концу всё устраивается; злой всегда наказан, так что, для наказания преступления и для награждения добродетели нет необходимости дожидаться лучшего мира.

Вот в этом-то и заключается тайна этих чудесных рассказов! Очарование этих волшебниц не в золоте и не в серебре, которое они повсюду рассыпают, а в том магическом жезле, который восстанавливает повсюду на земле порядок и одним взмахом уничтожает этих двух врагов всякой человеческой жизни: расстояние и время. Что нужды в том, что Гризелидис должна провести пятнадцать лет в изгнании и пренебрежении? По окончании испытания она будет также молода и прелестна, как и до него.

В этой счастливой отчизне волшебниц расстанутся, с намерением снова встретиться, и страдают только для того, чтобы сделаться счастливыми; тогда как у нас печаль - это загадка, а жизнь - бесконечная битва, в которой лучшие падают первыми. Там никогда не стареют и вечно продолжают любить; здесь же едва наше сердце, очнувшееся от безгрешных увлечений юности, начинает серьезно любить достойный его предмет, как уже на лице нашем появляются морщины, и наши побелевшие волосы не оставляют нам другого чувства, кроме смешного. В день, в час там узнают всё; у нас же всю жизнь мы преследуем улетающую от нас, подобно волшебной птице, истину, и когда наконец, после тридцати лет труда, мы видим её вблизи себя, и уже протягиваем руку, с намерением схватить её, более могучая рука повергает нас в оцепенение и уносит туда, откуда ещё никто не возвратился.

Серьезные люди, позвольте же нам по временам позабывать эту жизнь, которую вы делаете для нас

такую печальною. Вы не можете дать всем ни здоровья, ни богатства, ни власти, а следовательно, вы не можете обойтись без мечтателей, которые сами любили бы и заставляли бы других любить эти блага, которые вы ни во что не цените, но одна надежда, которая стоит всех земных сокровищ, это - красота, справедливость и свобода. В мечтателях то хорошо, что они совершенно беспристрастны, для них идеал - всё. Становясь, если можешь, в известные часы калифом багдадским, свысока можно взирать на честолюбие дня. Какой оратор будет в состоянии когда-нибудь заменить говорящую всё птицу? Какой министр сравнится, что касается преданности и денежных средств, с Котом в Сапогах? Что касается меня, то одна только профессия быть может улыбнулась бы мне, это - дипломатия. Я желал бы отправиться на поиски по всей Европе за тем платьем, цвета времени, которое Ослиная Шкура оставила на дворе, но лоскутья которого сохранили, как утверждают благоразумные люди. До всего остального мне нет ровно никакого дела. Ежедневный опыт научает меня, что здешний мир не стоит царства фантазии.

На случай, если бы кто-нибудь осмелился обвинить такое серьёзное мнение в парадоксальности, я уже заранее приготовился отвечать. Я утверждаю, что настоящая истина, та, которую не высказывал Фигаро и ещё менее его политические противники, находится в этих маленьких книжках, а не в тех огромных томах, которые почему-то считаются серьёзными. Если цель всякого воспитания состоит в том, чтобы учить детей, что справедливость управляет миром, готовить из них честных людей, то сказке *"Синяя Борода"* должно отдать в этом отношении предпочтение перед историей Генриха VIII, и Перро, как политику, более надёжному, перед Маккиавелем.

В доброе старое время, то есть во дни нашей молодости, волшебные сказки занимали важное место в воспитании. Le Magazin des enfants, г-жи Prince de Beaumont, даёт верное понятие о старой системе воспитания, господствовавшей пятьдесят лет тому назад. Мы учили уроки географии или истории, то с терпением "ledy Sensee", то с дурным расположением духа "ledy Tempete"; но добрые или злые, мы все надеялись, что в вознаграждение за испытанную скуку нам расскажут одну из тех прелестных сказок, которые, как "Красавица и Дурнушка" или "Прекрасный Принц" - целый день заставляют мечтать детскую головку. Сказка была нравственною стороною обучения. "Горбун" показывал нам, что ум лучше красоты, "Замарашка" учила нас скромности, а "Красная Шапочка" осторожности. Оттуда черпало наше поколение те твёрдые убеждения, которых не могли поколебать ни перевороты, ни жизнь. Мы знали, например, из "Синей Бороды", что всё на земле оканчивается или должно оканчиваться наказанием порока и торжеством добродетели.

В настоящее время воспитатели детей отталкивают с презрением эти химеры. Нынче требуются только факты, цифры и законы. Наших маленьких детей занимают объяснением явлений расширения пара или процесса пищеварения. Самые снисходительные между этими безжалостными реформаторами поступают с нашими бедными младенцами, как Бог поступал с Адамом, когда наш праотец один прогуливался в раю: они учат их узнавать и на-

зывать всех небесных птиц и всех земных животных, включая сюда и человека. Всё это достойно удивления; никогда не изготовлялось столько толстых книг и столько красивых изображений; но не в обиду нашим учёным, которые знают всё и ни в чём не сомневаются (Раблэ сказал бы: которые во всём сомневаются и ничего не знают), их система ошибочна, потому что она не полна; они видят только одну сторону человеческой природы. Их маленькие существа рискуют быть маленькими чудовищами и, может быть, будут ещё хуже образованы, чем их деды.

Да, серьёзные люди! физики, механики, физиологи, астрономы и другие, позвольте неучу сказать вам, что в вашем искусном механизме недостаёт одной самой важной вещи. Вы забываете одну драгоценнейшую способность человека - воображение - которая вместе с памятью и впечатлительностью властвует над ребёнком. Можно сколько угодно презирать воображение, но так как оно существует, то хорошо было бы ознакомиться с той ролью, какую играет оно в жизни. Кажется, что среди всех ваших опытов у вас никогда не хватало времени подумать об этой простой истине. Позвольте старому философу обратить ваше внимание на это обстоятельство.

Воображение - близко граничащее с впечатлительностью - есть способность, стремящаяся к осуществлению идеала, то есть - прощу извинения - оно есть нечто более совершенное и истинное, чем всё, что видят и осязают здесь на земле. Человек никогда не удовлетворяется настоящим и не довольствуется здешним миром; в этом и заключается его несчастье или величие. Он чувствует себя созданным для лучшей будущности и для большего мира. Воображение ищет и находит иногда и эту будущность и этот мир. Поэзия, литература, искусство, всё это

плод той могущественной способности, которую, как и все другие - следует развивать, но не подавлять. Сказки - это поэзия детей.

В них нет правды, говорите вы! Что вы хотите этим сказать? Что ничего подобного не совершается на земле? Я также думаю, что сапоги "Мальчика - с - Пальчика" не делали по семи миль зараз, так как паровозы не были изобретены, и, допуская, что "Спящая Красавица" не могла спать сто лет, потому что в те времена ещё не произносили ни проповедей, ни министерских речей; но какое отношение между этими мелочами и сущностью дела? Отдал ли Ахилесс Приаму останки храброго Гектора; витала ли Беатриче Данта в небесных сферах; царствовал ли Гамлет в Дании; блуждал ли Дон-Кихот в Ла-Манше в сопровождении Россинанта и Санхо; говорил ли Сид языком, который приписывает ему Корнель? Конечно, нет. А между тем - есть ли на свете люди более живые и действительные, чем все эти никогда не жившие лица? Учителя геологии, профессора палеонтологии, вы, думающие образовать душу и сердце наших детей, заставляя их восхищаться костями первобытной обезьяны, этого почтенного предка человека - если верить смирению некоторых учёных, - встречали ли вы когда-нибудь между остатками прошлой жизни нечто столь же живое и действительное, как эти мраморные фигуры, созданные Фидием? Но если верить вам, в этих лошадях и рыцарях Парфенона нет правды потому, что и не дышали они никогда и кровь не текла в их жилах. Признайте же, что для человека есть, кроме вещественного, иной мир и не закрывайте пред нами этого духовного мира.

Но опасность от первых впечатлений? - восклицают наши мудрецы. Разве вы забыли, что сам Платон, великий Платон, хотел управлять язы-

ком мамок, чтоб они не убаюкивали детей приятной ложью? - Ответ лёгок. Платон, этот царь - сказочник, хотел, чтобы мир вымысла и поэзии существовал только для него одного. Если он изгнал Гомера из своей республики, то это просто из зависти к товарищу по профессии. Оставим Платона и его мечты в стороне. Человек обладает несколькими способностями и каждую из них нужно воспитать: в этом заключается сущность задачи. Рассудок живёт правдою; воображение - идеалом; отдайте должное рассудку и воображению. Поймите, что наука не всё; изучите несколько инстинкты ребёнка. Что ему нравится больше всего? Сказки и путешествия. Зачем же пренебрегать этим указанием?

Но, выбирая между сказками и путешествиями, я предпочту первые: они менее экзальтируют воображение. Я редко желал быть голубой птицей, но как охотно отправился бы я на корабле в Индию, если б был уверен, что, потерпев кораблекрушение, буду выброшен на пустынный остров, где найду пещеру и попугая Робинзона, вспоминая при этом и о дорогом Пятнице. Кроме того, любовь к сказкам должна глубоко корениться в человеческой душе, для того чтобы эти басни, презираемые умниками, могли устоять среди всех успехов просвещения и прихотей реформаторов. Напрасно проклинаят сказки, - ничто не может их уничтожить. Это оттого, что они так же, как легенды, песни и пословицы принадлежат той безымянной литературе, которую народ любит, хранит и распространяет, так как всецело узнаёт в ней себя. Она создана для него, он для неё. С которых пор она началась? Кто знает. Она так же стара, как свет. Где её родина? Судя по всем признакам - Восток. Я думаю не один грек, кельт, германец, славянин, покидая равнины Азии, унёс с собой её сказки и легенды, вместе с её обычаями и богами. Лучше сказать, всё это одно и то же;

сказки, если изучить их ближе, - ничто иное, как остатки древней мифологии.

Какая участь постигает павших королей?

Мы не знаем. Но что касается до богов, низвергнутых с престола, то судьба их известна. Полифем с большим глазом посреди лба, это - солнце, изгнанное с неба и превратившееся в пастуха. Что же касается до лешего (oqre) в наших сказках, то он не имеет ничего общего с венграми, которые никогда не ели сырого мяса и не пожирали маленьких детей. Oqre, да простят нам благородные мадьяры, происходит от более знатного и древнего рода. Это Orcus, или бог смерти римлян. Из этого легендарного божества неаполитанцы создали - Uorso своих сказок - произносят его Uorso; отсюда происходит наш oqre. Признаем же в этом лице Плутона, попавшего в ряды чудовищ. Если это заявление удивит любопытного, то пусть он изучит легенды средних веков. Он увидит тогда, что наши предки, без всякого уважения к старому Олимпу, превратили Юпитера в чёрта, а Венеру в чертовку. Легенда или сказка - это одно и то же.

Если б появился на земле истинный учёный, то есть человек, который вместо того, чтоб собирать камни и наклеивать надписи на старые кости, возмел бы святое желание - написать историю человеческого разума и идей, попеременно овладевавших умами поколений, то одним из главных и обязательных предметов его занятий будет география и хронология волшебных сказок. Когда учёный исполнит этот обширный труд, все увидят с удивлением, какую роль играли сказки в деле цивилизации. Ещё недавно Бюрнув открыл восхищённой Европе - чудесные индийские поэмы и буддийскую религию, преобразовавшую Восток. Изучение санскритского языка ещё только началось; но прошло уже двенадцать веков, с тех пор, как гре-

ческий роман Варлаама и Иосафата привёл на Запад индийские апологии и даже легенду о Будде. Переведённый в средние века на все европейские языки, этот восточный сборник оказал большее влияние на искусство, чем все произведения Бурнуфа. Почему? Потому что народ принял их. Что же касается браминской Индии, то она преподавала нам уроки своей древней мудрости во множестве народных книг ("Эзоп", а впоследствии "Синтипас" греков, "Калила и Димна", "Долопатос", рассказ о семи мудрецах "gesta Romanorum", "Левкой римских сказок", "граф Лукамир и проч."). И кроме всех собранных писем можно ли сосчитать всё, что сохранило нам предание? Эти сказки, передаваемые мамками из уст в уста, все эти чудесные рассказы, греческие, кельтические, скандинавские, германские, французские, что они такое? Рассказы Востока. Где только ни услышишь легенды о тех женщинах - лебедях, которые для того, чтоб выкупаться, снимают свои перья, остаются с супругом, овладевшим их крыльями, и улетают тотчас же как только их находят? Откуда пришёл этот рассказ? Из глубины Индии, а между тем много уже веков улаживает он длинные вечера на Западе.

Кто скажет, как это солнце Востока пробралось в наши мрачные страны. Сколько нужно было неизвестных миссионеров, чтоб принести нам эти сокровища? Рабы, кормилицы, матросы, солдаты принесли с собой к Средиземному морю и к самому Северу - Психею, Замарашку, Кота в Сапогах, Мальчика - с - Пальчика и других. Также найдутся сказки, принадлежащие известному времени и месту. Они принадлежат всем векам и странам. Меня убаюкивали сказкой о "Палке, делающей своё дело" и "Драконе о семи головах"; моя нянька не читала, конечно, неаполитанского Пантамерона, а братья Гриммы не печатали ещё тогда своих драгоценных

книг. Маленькие англичане, которых занимают Чинтареллой, и не предполагают вовсе, что Сандрильона занимает их братьев в Германии, Италии и даже Венгрии и т. п. Одним словом, сказки - не только народная, но и всеобщая литература. Не дурно было бы относиться к ним с меньшим презрением.

Примечание

Сказки "Искусство управлять людьми" и "Замок жизни" публикуются по изданию: Сказки, рассказы, очерки Эдуарда Лабулэ—С.-Петербург, 1870.

К сожалению, в этом издании не указано имя переводчика (или переводчиков). Иллюстрации по тексту первой сказки воспроизведены по 78 выпуску Иллюстрированной сказочной библиотеки Ф. Павленкова—С.-Петербург, 1896. Имена художников в этой серии также не указаны. Цветные иллюстрации выполнены В. Самойловым. Иллюстрации к сказке "Замок жизни" выполнены С. Стениным.

Сказка "Хлеб из золота" и статья "О значении волшебных сказок" публикуются по изданию: Эд. Лабулэ. Чешские и немецкие сказки. Т. II.—С.-Петербург, 1869. Переводчик не указан.

"Сказка о Бриаме дураке" публикуется по изданию: Лабулэ Э. Избранные сказки.—М. - Петроград, 1923. Переводчик также не указан.

Сказки "Как петушок попал на крышу" и "Пальчик" публикуются по изданию: Как петушок попал на крышу.— Челябинск, 1957. Перевод и обработка первой сказки — Т. Габбе. Иллюстрации — В. Денисенко. Перевод и обработка второй сказки — Т. Габбе и А. Любарской, совместно с Н. Остроменцкой. Иллюстрации воспроизведены по 74 выпуску Иллюстрированной сказочной библиотеки Ф. Павленкова.

По 74 - 77 выпускам этой же библиотеки публикуются остальные сказки. Перевод с французского К. Яковенко.

Воспроизведение иллюстраций и оформление серии — Г. Юшков.

Подготовка оригинал-макета — М. Рассохин.

В издании сохранены некоторые особенности стилистики и правописания старых публикаций.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	5
Искусство управлять людьми	7
Замок жизни	71
Как петушок попал на крышу	111
Хлеб из золота	131
Пальчик	139
Божьи гуси	175
Паша - пастух	179
Золотое руно	207
Маленький человек	232
Доволен ли ты? Или происшествие с носами	240
Фраголетта	247
Сказка о Бриаме дураке	273
Зербин - бирюк	284
Ивон и Финетта	327
Дополнение: О значении волшебных сказок	381
Примечания	396

Лабулэ Эдуард

Л-127 Избранные сказки./Пер. с фран. —
Свердловск: Банк культурной информации,
1991. - 397 с., ил.

ISBN 5-85865-002-3

15 р; 200 000 экз.

По совершенно непонятным причинам прекрасные сказки Эдуарда Лабулэ оказались вне сферы нашей культурной жизни.

Восстанавливая их, мы верим, что они будут одинаково интересны и детям, и взрослым.

Вы держите в руках первую книгу серии. Надеемся, что в ближайшее время нам удастся сделать доступными читателям ещё много удивительных сказок великих забытых писателей. Сказок, которыми так восторгались прежде.

84.4 Фр

Эдуард Рене Лабулэ де Лефевр

Избранные сказки

Редактор И. Щербакова

Художники: В. Самойлов, С. Стенин, В. Денисенко,
Г. Юшков

Технический редактор Н. Заузолкова

Корректоры: Н. Зайцева, Т. Смолина

Подписано в печать с готовых диапозитивов 14.08.91 г.

Формат 84×108/32. Бумага офсетная. Печать высокая.

Уч.-изд. л. 21,2. Усл. печ. л. 21,6.

Тираж 200 000 экз. (1-й завод: 1—100 000 экз.).

Заказ № 295. Цена 15 руб.

Банк культурной информации, 620073, г. Свердловск,
ул. Луначарского, 137. Киноцентр, БКИ.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
«Уральский рабочий», 620151, г. Свердловск, пр. Ленина, 40

